ВЕСТНИК
НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2022. Том 20, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Анонс тематического выпуска «Сетевые и векторные модели в междисциплинарной лингвистике» 5

Теоретическая и прикладная лингвистика

Россихина М. Ю., *Икатова И. И.* Теория вежливости: поиски эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике 6

Пименов И. С., *Саломатина Н. В.*, *Тимофеева М. К.* Формальное выявление приемов аргументации в научных текстах 21

Сухих Д. А., *Горшкова В. Е.* Конфликт комического и рационального в кинодиалогах микрометражных фильмов 37

Труфанова Н. А. Одушевление болезни в позднее Средневековье и риторика вербального взаимодействия с ней (на материале средневерхненемецких лечебных заговоров XV века) 49

Коршунова А. И. Зоологическая метафора как средство образной характеристики ребенка в американской и британской лингвокультурах 61

Психолингвистика. Исследования языка и речи

Чжан Янь. Концепт *КИТАЙ* в сознании носителей русского языка (на материале ассоциативного эксперимента) 73

Яковлев А. А. Изучение языкового сознания в статике и в динамике: различия в методологии, теории и области применения (обзор публикаций последних лет) 83

Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе 96

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1

Рязанцева Д. С., Бергельсон М. Б. Российские немцы как этноязыковое сообщество: история и современное состояние молодежной возрастной группы в Москве 112

Переводоведение

Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг *cancel culture* как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» 126

Информация для авторов 145

VESTNIK
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2022. Volume 20, № 1

CONTENTS

Announcement of the thematic issue "Network and Vector Models in Interdisciplinary Linguistics" 5

Theoretical and Applied Linguistics

Rossikhina, M. Yu., Ikatova, I. I. Politeness Theory: In Search of Effective Research Methodology in Western Sociopragmatics 6

Pimenov, I. S., Salomatina, N. V., Timofeeva, M. K. Formal Identification of Argumentation Patterns in Scientific Texts 21

Sukhikh, D. A., Gorshkova, V. E. The Conflict of the Comical and the Rational in Short-Short Film Dialogues 37

Trufanova, N. A. Perception of Disease in Late Middle Ages and Rhetoric of Verbal Interaction with It (Based on the Material of Middle High German Medical Incantations of the 15th Century) 49

Korshunova, A. I. Zoologic Metaphor as a Means of Characterizing a Child in American and British Linguocultures 61

Psycholinguistics. Language and Discourse Studies

Zhang Yan. The Concept *CHINA* in the Minds of Native Russian Speakers (Based on the Material of an Associative Experiment) 73

Yakovlev, A. A. Study on Language Consciousness in Statics and Dynamics: Difference in Methodology, Theory and Application Field (Review of Recent Publications) 83

Alexeyev, A. B. The Political Marginalization as a Communicative Strategy of Power Domination in Political Discourse 96

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1

Riazantseva, D. S., Bergelson, M. B. Russian Germans as an Ethno-Linguistic Community: Historical Development and Current State of the Youth Group in Moscow 112

Translation and Translation Studies

Fefelov, A. F. The Discourse around *Cancel Culture* as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs "Logic" 126

Instructions to Contributors 145

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du language A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence
Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23
E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru
On-line version: http://elibrary.ru

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1

Анонс тематического выпуска

«Сетевые и векторные модели в междисциплинарной лингвистике»

В 2022 году журнал «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» планирует подготовить тематическую подборку статей «Сетевые и векторные модели в междисциплинарной лингвистике». Приглашаем авторов к сотрудничеству.

Авторам рекомендуется предварительно, до 1 июля 2022 года, прислать тематическую заявку с тегом *сетевые формы*, включающую название статьи и ее краткое содержание (от одного абзаца до страницы). Срок подачи рукописей в редакцию: до 1 сентября. На основании полученных резюме и рукописей редакция определится с форматом тематического выпуска. Предварительно в качестве такового выбран выпуск № 4 за 2022 год, однако возможны изменения, обусловленные количеством и временем поступления рукописей. Все поступившие рукописи подлежат рецензированию, по результатам рецензирования редакция принимает решение о публикации / направлении на доработку / отклонении рукописи.

Подробнее о тематике выпуска

В лингвистике со второй половины XX в. активно используются формы представления данных, основанные на математическом понятии графа. В прикладных работах такие структуры обычно называют сетями, их частным случаем являются деревья. Сеть (граф) как форма представления информации удобна для визуализации отношений между языковыми единицами, а также для автоматизации различных функций работы с данными. В качестве примеров можно привести синтаксические деревья зависимостей, сети ассоциаций, семантические сети, схемы риторических отношений, аргументационные схемы. Изучение свойств языковых единиц на основе моделирования их связей широко распространено в когнитивистике. Такая форма представления информации применяется при дистрибутивных и векторных подходах к описанию семантики и эмерджентной грамматики (usage-based grammar and models of meaning). Использование сетевых моделей для исследования внутреннего лексикона человека и влияния изменчивых параметров социокоммуникативной сети в обществе на языковые процессы характерно для экспериментальной психолингвистики и этносоциолингвистики. В последние десятилетия в России накоплены довольно большие базы ассоциативно-вербальных данных, что создает благоприятные условия для построения *динамических* моделей языковых процессов в актуальной диахронии. Разработка приемов извлечения лингвистически значимой и научно достоверной информации в этом случае особенно актуальна.

Для систематизации опыта работы лингвистов с сетевыми структурами данных важны как методологические наработки, так и анализ примеров исследований, проведенных на конкретном языковом материале.

Обзорная статья

УДК 811.111’42
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20

Теория вежливости: поиски эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике

Мария Юрьевна Россихина [1]
Инна Ивановна Икатова [2]

[1, 2] Брянский государственный университет
Брянск, Россия

[1] rosmira@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5514-8219
[2] Ikatova_Inna@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7816-6535

Аннотация

Представлен аналитический обзор наиболее обсуждаемых проблем, касающихся создания единого исследовательского формата для лингвистического изучения речевой вежливости. На сегодняшний день в отношении данного коммуникативного явления в европейской и американской школах не существует ни единого терминологического аппарата, ни универсальной методологии исследования: палитра современного метаязыка описания вежливости представлена в них такими понятиями, как «уместность», «поддержание лица», «конструирование лица», «гармония взаимоотношений» и т. д., а многообразие дискурсивных практик в различных культурных и социопрагматических контекстах выступает лимитирующим фактором в выявлении универсальных коммуникативных стратегий вежливости. Несмотря на значительную фрагментацию внутри направления, представляется возможным проследить общие тенденции в выборе исследовательских подходов для анализа эмпирического материала и экспериментальных данных. Прежде всего в силу многообразия периферийных семантических компонентов, привнесенных из бытовой сферы общения, лингвисты избегают использования термина «вежливость» в теоретических моделях, допуская, однако, его функционирование для опросов рядовых пользователей языка. Статус интерпретатора, степень его знакомства с локальными нормами поведения, характер деталей, выделяемых как существенные, методы сбора и представления материала, опора на оценочные интерпретации участников общения обозначены в качестве приоритетных в оценке валидности методологии исследования. Всё более значительный вес в теоретической модели отводится нормам и ожиданиям как при дифференциации (не)вежливого поведения, так и для анализа перцептивных процессов в вербальном взаимодействии. Несмотря на преобладание исследований реального функционирования языка с опорой на текст, также можно предсказать больший акцент на анализе паралингвистических средств в изучении установок речевого поведения и их мультимодальной реализации.

Ключевые слова

теория вежливости, вежливость первого и второго порядка, теория создания лица, уместность, нормы и ожидания, внеязыковые средства

Для цитирования

Россихина М. Ю., *Икатова И. И.* Теория вежливости: поиски эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 6–20. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20

© Россихина М. Ю., Икатова И. И., 2022

Politeness Theory: In Search of Effective Research Methodology in Western Sociopragmatics

Maria Yu. Rossikhina [1], **Inna I. Ikatova** [2]

[1, 2] Bryansk State University
Bryansk, Russian Federation

[1] rosmira@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5514-8219
[2] Ikatova_Inna@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7816-6535

Abstract

The present paper provides a review of the most discussed issues with regard to creating a universal formal approach to study the politeness theory. What we see now is the lack of a proper metalanguage, and proliferation of various theoretical approaches: the present-day terminology describing polite behavior is represented by a variety of concepts: 'appropriateness', 'saving face', 'face constituting', 'rapport management' etc. along with a great number of diverse discursive practices in different cultures makes it quite a challenge to provide a coherent overview of politeness strategies. However, despite considerable fragmentation in politeness theory research we can observe certain consistency in the chosen methods for the interpretation of empirical material and experimental data. Firstly, specialists avoid using the term 'politeness' in theoretical reasoning due to abundance of peripheral semantic components realized in the speech of language users from different cultures, and restrict its employment to the interviewing of respondents. To interpret certain behavior as (im)polite and analyze its perception, the impact of expectations and norms is increasingly taken into consideration. Although research of authentic verbal interaction based on discourse analysis is still quite common, a greater focus on paralinguistic aspects of communication can be predicted. Research findings in the politeness theory will be more and more applied to discursive practices to benefit the health and welfare of the society.

Keywords

politeness theory, politeness 1 and 2, Face Constituting theory, appropriateness, norms and expectations, paralinguistic aspects of communication

For citation

Rossikhina, M. Yu., Ikatova, I. I. Politeness Theory: In Search of Effective Research Methodology in Western Sociopragmatics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 6–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20

Введение

Проблемы теории вежливости уже давно находятся в фокусе внимания исследователей различных направлений: прагматики, антропологии, этнографии, психолингвистики и многих других отраслей научного знания, изучающих человеческое общение в рамках своих специфичных проблематик. Многочисленные эмпирические наблюдения и статьи не привели, однако, к созданию приемлемого дискурсивного прототипа вежливости. Одной из причин такой ситуации является сложность и многогранность данного социального феномена, изучение которого требует различных предметных подходов и ракурсов рассмотрения. С одной стороны, подобное многообразие свидетельствует о неподдельном интересе к данной проблематике, и это можно только приветствовать. Но, с другой стороны, усиливающаяся фрагментация теории вежливости ведет к не всегда оправданному методологическому эклектизму, когда «родственные явления рассматриваются по-разному» ("they conceive of their nominally shared topic… in such fundamentally different ways") [Craig, 1999, p. 121], приводя к необоснованной пролиферации терминологического аппарата, поскольку для многих приложение теории выливается в «пустое упражнение по лингвистической семантике» ('mere exercise in linguistic semantics') [Terkourafi, 2005, p. 25].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы провести аналитический обзор последних наиболее влиятельных зарубежных предложений по созданию эффективной методологии интерпретации вежливого поведения и показать, что, несмотря на кажущееся отсутствие плодо-

творного диалога между представителями различных школ, раскол в подходах к исследованию механизма функционирования вежливости как одной из характеристик межличностного общения всё же постепенно сокращается. Благодаря постоянной модификации предшествующих теоретических постулатов и положений, возникших в результате конструктивной критики, исследователь, имея в своем распоряжении целый ряд методов анализа эмпирических данных, имеет возможность выбрать наиболее оптимальный в зависимости от своих конкретных целей.

Обзор базируется на анализе более 70 статей из ведущих зарубежных изданий *Journal of Pragmatics, Journal of Politeness Research* и других релевантных источников за последние десятилетия. Это позволяет проследить не только процесс постепенного преодоления методологических разногласий, но и тенденции в определении основных критериев истинно научного исследования в прагматике: выдвижение на первый план качества и достоверности выводов академических трудов, тщательная аргументация выбора теоретической модели и методики получения соответствующего эмпирического материала.

Отечественная теоретическая мысль, также активно работающая в данном направлении, представлена целым рядом имен: Н. И. Формановская [2007], Т. В. Ларина [2009], Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин [2006], Т. Г. Винокур [2005] (национально-культурные особенности коммуникативного поведения и проблемы культуры речи), О. С. Иссерс [2012], В. В. Леонтьев [2016], Н. Д. Арутюнова [1985], М. К. Тимофеева [2018] (коммуникативная лингвистика и прагматика) и мн. др. Российские ученые неизменно цитируют зарубежных авторов в своих трудах, отмечая сильные и слабые стороны тех или иных теорий, поэтому обзор последних наработок в изучении данного социокоммуникативного аспекта речевого взаимодействия будет не только представлять несомненный интерес, но и сможет послужить основой для компаративных исследовании в методологии российских и западных лингвистов.

1. В поисках компромисса: основные тенденции в изучении феномена вежливости

Пожалуй, ни один научный труд так широко не использовался и одновременно так жестко не критиковался в прагматических исследованиях, как теория вежливости П. Браун и С. Левинсона. Заслуга авторов признана, и она состоит в том, что они первыми выделили ряд коммуникативных стратегий, якобы обеспечивающих эффективность вербального взаимодействия, т. е. солидарность, отсутствие угрозы лицу, создание уз общности, взаимную признательность и в итоге интеракционную согласованность. Однако их теория вызвала многочисленные критические возражения, которые положили начало важным сдвигам в данной области. В частности, обвинения в этноцентризме (авторы анализировали речевые акты исключительно с точки зрения англоязычной культуры) дали толчок социолингвистическим исследованиям общения в польском, китайском, мексиканском, греческом и других языках. А игнорирование авторами, например, конфликтного поведения и их утверждение о линейном характере соответствий между вежливостью высказываний, с одной стороны, и их косвенностью, с другой, заставили лингвистов выдвинуть в качестве контраргумента понятие «невежливости», которая, как показывает дискурсивная практика, может иметь сложный механизм овнешнения именно благодаря имплицитным смыслам, важным для ее терминологического определения.

Первоначально упрощенный подход к анализу речевых актов, который ограничивался тремя переменными (социальной и психологической дистанцией, степенью импозиции и статусными отношениями) и сводился всего лишь к выявлению лингвистом-теоретиком случаев угрозы лицу и митигационных стратегий, не учитывал фактор непрерывной динамической контекстной переоценки возникающих коммуникативных смыслов со стороны самих интерактантов. Как следствие, сформировалась влиятельная группа лингвистов (ср., например,

M. Locher, R. Watts, S. Ide, K. Ehlich, S. Mills и др.), отвергавшая решающую роль исследователя в оценке степени вежливости / грубости того или иного высказывания и доказывавшая, что обосновать выбор тех или иных стратегий и объяснить свою реакцию на вербальный вклад партнера по коммуникации могут только участники интеракции. Р. Уоттс предложил также различать вежливость первого порядка (мнение о ее наличии / отсутствии в суждениях рядового носителя языка) и вежливость второго порядка (позиция ученого-наблюдателя по тому же вопросу), а также считать центральным теоретическим концептом для оценки межличностного общения не «вежливость», а «уместность» выбранных речевых стратегий и средств. Проводя границу между уместным и неуместным вербальным поведением, Р. Уоттс указывает, что первое может быть как маркированным, так и немаркированным. Немаркированное уместное поведение «не замечается» рядовыми пользователями языка (в том смысле, что оно не вызывает резкой реакции), поскольку оно ожидаемо. Напротив, маркированное поведение такую реакцию вызывает: положительно воспринимаемое считается при этом вежливым, а отрицательное – невежливым. Неуместное поведение в теории Уоттса предполагает манифестацию не только ярко выраженной грубости, но и чрезмерной вежливости [Watts, 2005].

В рамках методологической парадигмы дискурсивного подхода Дж. Илин выделил в вежливости первого порядка три ее разновидности: *экспрессивную* (она проявляется в поведении, в том числе и вербальном, явно), *категориальную* (вежливость при оценивании поведения как вежливого или невежливого) и *метапрагматическую* (сам процесс обсуждения понятия «вежливость») [Eelen, 2001]. Это позволило в дальнейшем уточнить структуру дискурсивных исследований.

Однако позже некоторые лингвисты (см. [Haugh, 2007; Terkourafi, 2005]) указали на ограниченность дискурсивного подхода, утверждая, что он сводит роль исследователя к нулю, так как тот практически вынужден согласиться с интерпретацией ситуации участниками, которые не владеют необходимым метаязыком, равно как и навыками анализа, систематизации и обобщения материала. Более того, дискурсивный подход ставил под сомнение возможность выявления каких-либо общих закономерностей в выборе и трактовке стратегий и тактик общения, достижение не противоречащих друг другу выводов, и, следовательно, создание универсальной теории вежливости.

Тем не менее, тот же М. Хо [Haugh, 2007] и другие лингвисты [Kadar, Hough, 2013] не отвергали полностью интерпретационный потенциал модели вежливости первого порядка. Они попытались детализировать составляющие аналитического процесса с целью избежать смешения абстрактных конструктов теоретического знания и бытовых представлений об интеракции, с одной стороны, и межкультурной интерференции, с другой. Опираясь на труды Дж. Илина [Eelen, 2001], они обосновали важность разграничения точек зрения адресанта и наблюдателя (“distinctions between user and observer understandings”), а также необходимость понимания того, кто является субъектом оценки и кто объектом, и степени валидности научной позиции интерпретатора, чтобы определиться, насколько она заслуживает доверия (“the directionality of those understandings and the intersubjective warrant for those understandings”). Они рекомендовали обязательно указывать и обосновывать позиции, с которых оценивается (не)вежливость коммуникантов в интеракции: самими участниками или наблюдателем, представителями одной или разных культур (групп), а также кем анализируется ее речевой материал (рядовым пользователем или ученым) и кто делает теоретические обобщения – лингвист или наивный наблюдатель, т. е. обыватель [Haugh, 2012; Kadar, Haugh, 2013].

В общем, обзор этих и других сравнительно недавних трудов по теории вежливости показывает, что зарубежные лингвисты до сих пор используют труд П. Браун и С. Левинсона, но часто вносят необходимые уточнения в соответствии с целями своего исследования. Большое внимание уделяется детальному анализу ситуативного и культурного контекстов; акцент ставится не на интерпретации изолированных речевых актов (т. е. двух реплик), а на ситуатив-

ной динамике разговора в целом, поскольку, как выяснилось, одни и те же вербальные секвенции могут менять свое значение в процессе живой интеракции [Grainger, 2018]. Если П. Браун и С. Левинсон рассматривали контекст в основном с учетом социальной роли коммуникантов, дистанции между ними и степени импозиции, что априори навязывало исследователю фиксированную интерпретацию стратегий вежливости, то на современном этапе данные факторы трактуются как переменные параметры интеракции. В частности, теория «социального конструкционизма» (social constructionism) [1] – одна из заметных попыток преодолеть доминировавший в конце XX – начале XXI в. взгляд на участников общения и ситуативные параметры как социопрагматические константы – предполагает применительно к коммуникации, что роли «определяются контекстом и конструируются в ходе интеракции» (“social roles are defined and negotiated as the interaction unfolds”) [Holmes et al., 2012, p. 1064]. В рамках этого подхода в фокусе исследования находятся не намерения говорящего, а те смыслы, которые проявляются в интеракции благодаря определенным лингвистическим и паралингвистическим средствам, используемым собеседниками. Говорящий и слушающий являются такими же динамичными параметрами, как и другие контекстные элементы речевой ситуации, поэтому понятие «лицо», ранее трактуемое как некая проекция личности, также подверглось значительному переосмыслению.

2. Понятие лица как диалектического единства личного и социального

Рассматривая вежливость в широком смысле как этическую и языковую установку на поддержание и конструирование лица в процессе общения, многие лингвисты посвятили свои труды социально значимым характеристикам человека. Впервые введенное Е. Гоффманом, у П. Браун и С. Левинсона понятие «лицо» благодаря исследованиям динамики самовосприятия интерактантами в процессе общения в различных ситуациях стало включать целый ряд граней «образа себя» (“multiple facets of the self”) [Bousfield, 2018, p. 288].

Е. Гоффман определял «лицо» как позитивную социальную ценность, которую человек стремится присвоить, приняв в определенном контакте некоторую линию поведения. Лицо – это образ себя, выражаемый «языком» одобряемых в данном обществе в целом или в определенном культурном слое социальных характеристик, хотя этот образ может одновременно проецироваться и на сообщество, к которому он принадлежит [2].

Однако впоследствии определения типа «позитивный» и «одобряемый», «достойный» не получили поддержки лингвистов, изучавших вербальную агрессию (см., например, [Culpeper, 1996]). Кроме того, П. Браун, С. Левинсон [Brown, Levinson, 1987], Дж. Лич [Leech, 1983], рассматривая вербальное взаимодействие с точки зрения сохранения лица, проигнорировали очень важные компоненты классического определения Е. Гоффмана: непосредственность и специфичность контакта (“during a particular contact”), т. е. фактически ссылку на уникальность каждого речевого взаимодействия, а также влияние на него других экстралингвистических факторов, например социальных (“showing for his profession or religion”) [3].

[1] Теория социального конструкционизма, возникшая в психологии (Л. Выготский, Ж. Пиаже) и социологии (П. Бергер, Т. Лукман) и позже адаптированная к другим наукам (педагогике, философии, политологии, лингвистике и т. д.), предполагает изучение постоянного взаимодействия индивида и общества, которые активно формируют друг друга.

[2] The term face may be defined as the positive social value a person effectively claims for himself by the line others assume he has taken during a particular contact. Face is an image of self delineated in terms of approved social attributes – albeit an image that others may share, as when a person makes a good showing for his profession or religion by making a good showing for himself [Goffman, 1971, p. 5].

[3] Выдвижение на первый план в теории понятия «лицо» религиозного фактора у Гоффмана не случайно; напротив, оно чрезвычайно специфично (и важно) для католической и, особенно, протестантской пуританской англоязычной культурной ментальности, чего нельзя сказать о русскоязычной советской, антирелигиозной по своим установкам, и даже о русскоязычной до- и постсоветской.

Позже, всё больше убеждаясь, что «лицо» не существует вне широкого и узкого контекстов, и осознавая, что стратегию и тактику разговора определяют прошлый опыт коммуникантов, оценка ими ситуативных параметров, их социальные роли и статусные характеристики (подверженные к тому же влиянию сословных атавизмов), их представления о взаимных правах и обязанностях, навязанные им сверху в процессе социализации, и другие переменные факторы, исследователи выявили три вида категорий, согласно которым мы оцениваем себя и других людей. К первой категории относится группа «личных черт или характеристик» (personal), включающая в свой состав привычки, интересы, черты характера и целеполагание субъекта (его жизненные предпочтения). Ко второй категории относится группа признаков, связанных с социальными ролями индивидов (social role categories), а именно: профессиональная принадлежность, родственные связи и адекватный им тип взаимоотношений между интерактантами. Третья категория, которая получила название «групповая принадлежность» (group membership categories), подчеркивает зависимость характера общения от таких этно-, социо- и лингвокультурных факторов, как принадлежность к определенному классу, религии, поколению, национальности, геокультурная локация (место рождения), возраст, пол [4] [Culpeper, 2001].

Дж. Джозеф считает, что понятия, входящие в таксономию Дж. Калпепера, это по своей сути совокупность особенностей каждого человека, связанных с его индивидуальной самоидентификацией (aspects of identity): «Классическое понимание совокупности личностных особенностей индивида учитывает его принадлежность к определенной группе, включая национальность, этническую принадлежность, религию, пол, поколение, сексуальную ориентацию, социальный класс и бесчисленное множество других аспектов» [Joseph, 2013, p. 36] [5]. Далее он постулирует, что в сознании других людей каждое «Я» существует в виде бесчисленного множества «рефракций», преломлений, неизбежно формирующихся у реципиентов» [6] [Ibid., p. 38].

Основываясь на умозаключениях Дж. Джозефа и Дж. Калпепера, Д. Боусфилд [Bousfield, 2018] приходит к выводу, что следует различать самовосприятие человека (internal versions of identity) и тот имидж себя, который он проецирует в социум (external versions of identity) для «потребления». Отсюда он делает вывод, что «лицо» – это своего рода «точечное» понятие (face is punctual), а личностные особенности – это нечто более постоянное (identity is durative). Лицо каждого коммуниканта конструируется во взаимодействии (вербальном и / или невербальном) с другими людьми и морально-этическими принципами [7], что, в свою очередь, может незначительно или же, наоборот, кардинальным образом повлиять на индивидуальные черты.

[4] Калпепер еще не обращает внимания на категорию гендера, но ясно, что ее принятие западной ментальностью в рамках отмены «старых» консервативных культурных кодов на фоне *cancel culture* ставит вопрос о нормах вежливости совсем иначе, через призму *hate language* и *hate speech*.

[5] Identity relates classically to who individuals are, understood in terms of the groups to which they belong, including nationality, ethnicity, religion, gender, generation, sexual orientation, social class and an unlimited number of other possibilities.

[6] …there are countless versions of you out there in the minds of others, each different from the persona you imagine for yourself. Because everyone brings their own experience of life, and of reading other[s] to bear… in interpreting the identity of those we meet.

[7] Традиционно считалось, что контроль за идеологиями, ценностями и общественными нормами осуществляется институтами власти [Van Dijk, 2010]. Однако в настоящее время их регулирование активно происходит и в социальных медиа, где зачастую инструментом манипулирования поведением людей является культура отмены (движение *cancel culture*): человек или группа подвергаются осуждению за слова или поступки, противоречащие общепринятым нормам, как в сетях, так и в реальном мире. Не признавая, что индивидуальная рецепция практически любой «информации крайне вариативна, поскольку зависит от массы переменных факторов» [Фефелов, 2016, с. 63], так называемые «защитники справедливости», пренебрегая «аналитической деликатностью» [Там же], стремятся навязать обществу удобные для них морально-этические принципы.

Развивая мысль, Д. Боусфилд постулирует, что самовосприятие «Я» конституируется и далее нормируется сочетанием приватного (private) лица, т. е. внутренним миром человека, доступ в который ограничен, и индивидуального (personal) лица, имеются ввиду личностные характеристики «Я» и его понимание внешней среды (у него – competence), а именно способностью адаптироваться к определенным жизненным условиям и ситуациям.

Различные аспекты конкретного лица эксплицитно или имплицитно (для него самого и окружающих) проявляются во взаимодействии (face co-construction), иногда оказывая влияние на более устойчивые составляющие социального имиджа. Как считает Д. Боусфилд, именно они определяют наши антиципации о поведении партнера по коммуникации (в том числе и вербального). Несоответствие этим ожиданиям порождает благодатную почву для резкого выражения несогласия, оскорблений, превратных толкований и других форм некорректного и вызывающего поведения [8] [Bousfield, 2018, p. 298].

Таким образом, прежний относительно «монолитный» и устойчивый «образ себя» теперь рассматривается многими лингвистами как комплексное образование множества личностных особенностей, динамичных и взаимосвязанных. Наиболее стабильные внешние и внутренние характеристики личности служат основой для антиципации стратегий и тактик (как своих, так и партнера) во время интеракции, в то время как лицо / лица (приватное, профессиональное, групповое и т. д.) проявляются или скрываются по мере развертывания разговора в зависимости от ситуационных параметров.

3. Современные теоретико-методологические решения

Попытки преодолеть всё более вызывающие несоответствия между различными методологическими подходами к анализу вербального поведения, когда ученые, по выражению Крейга, оставляют без внимания выводы своих предшественников и просто предлагают иную интерпретацию уже известных явлений (“are simply offering different takes on the same phenomenon”) [Craig, 1999, p. 122], мало-помалу привели к выработке нового подхода, названного интеракциональным. Он подразумевает теоретические обобщения и выводы, основанные на интерпретации значений, проявляющихся во взаимодействии, и отличается некоторой эклектичностью, поскольку соединяет в себе несколько подходов, среди которых фигурирует так называемая этнография речи, предполагающая (ср.: [Geyer, 2009; Haugh, Watanabe, 2018]) «включенное» наблюдение за поведением коммуникантов, конверсационный анализ, но с опорой на максимально подробную транскрипцию акта коммуникации [9], а также дискурсивную модель для достоверного отражения процессуальных аспектов общения и его контекстуальных переменных.

Кроме того, акцент в изучении вежливости сместился на нормы и ожидания коммуникантов. М. Теркурафи, например, определяет их как нормативную предсказуемость использования лингвистических форм в определенных ситуациях [Terkourafi, 2005]. Говорящий обращается к когнитивным схемам (фреймам), или, другими словами, к конвенционально закрепленным ассоциациям, представляющим собой обобщенные социокультурные знания о его предшествующих взаимодействиях в аналогичных условиях. Рекуррентность определенных языковых средств в конкретных ситуациях и, следовательно, их соответствие сложившимся нормам поведения и взаимная положительная оценка интерактантами становятся главными критериями для определения пределов вежливого поведения, соблюдения его патернов. Данная точка зрения получила дальнейшее развитие в трудах М. Сифиану и А. Цан-

[8] When expectations of face co-construction do not match the interactional realities of face co-construction that we experience, then this can provide fertile ground for disagreement, insults, verbal abuse and other forms of violence.

[9] Примеры таких транскрипций можно найти в выпусках *Journal of Pragmatics* и *Journal of Politeness* за последние годы.

не. По их мнению, вежливость также диктуется скорее общественными нормами, нежели заботой о сохранения лица [10] [Sifianou, Tzanne, 2010, p. 68].

В этой связи теория вежливости стала четче различать два вида норм: эмпирические (empirical or experiential) и моральные (moral or social) (ср.: [Bousfield, Culpeper, 2008; Haugh, 2010]). Первые складываются в результате опыта индивида, накопленного им в процессе общения с другими людьми, тогда как моральные нормы создаются и предписываются социальными институтами: они не только накладывают определенные ограничения на наше поведение, но и создают конкретные ожидания в отношении поведения собеседника. Однако одним из лимитирующих факторов применения данной теории оказалось использование коммуникантами неконвенциональных лингвистических средств (например, неологизмов) и / или фреймов, получающих сугубо индивидуальную контекстуальную оценку участником общения.

Свой вклад в пересмотр теоретического конструкта, предложенного П. Браун и С. Левинсоном, внесла и Х. Спенсер-Оути, предложив вместо анализа на базе понятия «вежливость», теорию управления процессом взаимопонимания (rapport management). В этом случае процесс общения анализируется через локальные стратегии, не нарушающие нормы общения, а именно: улучшение взаимопонимания (rapport enhancement), поддержание взаимопонимания на определенном уровне (rapport maintenance), пренебрежение гармонией взаимоотношений (rapport neglect) и угроза взаимопониманию (rapport challenge). Эта понятийная база до сих пор активно используется бизнес-менеджерами и консультантами для анализа институционального дискурса, позволяя эффективно рассматривать социальные и индивидуальные аспекты лица, ролевые отношения между интерактантами, взаимодействие интеракциональности (преобладание межличностной ориентации, включая фатическое общение) и трансакциональности (ставящей акцент на информативности коммуникации и достижении ее цели) [Spencer-Oatey, 2000]. Безусловно, в этом случае аналитик должен хорошо ориентироваться в ситуационно-мотивированных нормах поведения в конкретном деловом контексте и иметь представление о взаимных ожиданиях собеседников.

На примере вышеупомянутых работ явно прослеживается стремление авторов уйти от употребления термина «вежливость» в силу его чрезмерно высокой категориальной вариативности, потенциально ставящей под угрозу научность полученных выводов. Тенденция к уменьшению субъективности в исследованиях сохраняется, о чем свидетельствуют теория создания лица и попытки рационализировать ее в ряде аспектов.

Особый интерес у западных лингвистов [Haugh, 2007, Grainger, 2011] вызвала «теория создания лица» (Face Constituting Theory), предложенная Р. Арундейлом [Arundale, 2010], ибо он не рассматривает лицо говорящего и лицо слушающего как независимые, противопоставленные и отдельные понятия, а считает, что они представляют собой совместно конструируемое участниками интеракции проявление общности и индивидуальности. Лицо – это не комплекс личностных характеристик индивида (person-centered attributes) [Ibid., p. 2058], а проявляющееся в интеракции социальное явление (a social phenomenon) [Ibid., p. 2094]. Оно конструируется во взаимоотношениях, складывающихся в процессе взаимодействия, и отражает сложную диалектику черт *индивидуальности* и *социальности* в речевом поведении обоих коммуникантов (“continually address the inescapable dialectic between their individuality and sociality”) [Ibid.].

С позиции коммуникантов во время вербального или невербального взаимодействия лицо всегда находится в одном из трех состояний: оно может подвергаться угрозе (threatening), сохранять статус-кво (stasis) или получать поддержку со стороны собеседника (supportive). В силу этого Р. Арундейл предлагает учитывать при анализе высказываний следующие параметры: 1) интерпретацию продуцируемого высказывания (projected / interpreted face) слушающим; 2) всю предыдущую историю взаимоотношений между партнерами по коммуника-

[10] Politeness may have to do more with social norms and less with face concerns.

ции вплоть до данного момента взаимодействия (evolving face interpreting); 3) ожидания поведения собеседника применительно к данной ситуации (contextual face interpreting). Центральное место в этой аналитической модели занимает оценка коммуникантом «ситуативного сдвига» (situated shift, насколько ожидаемое поведение партнера соответствует данной ситуации в плане сближения / отдаления позиций), т. е. сопоставление второго и третьего параметров с «предлагаемым сдвигом» (proffered shift), что предполагает сопоставление смысла продуцируемого высказывания с историей взаимоотношений с собеседником.

Процесс понимания «смысла» (meaning) и «действий» (action) в интеракции, а следовательно, и лица происходит путем создания «промежуточной версии» (provisional interpretations) оценки участниками речевого акта своего собственного поведения. Затем они, опираясь на эту предварительную оценку, вырабатывают ее «рабочий» вариант (operational interpreting). Далее каждый коммуникант сравнивает свое понимание происходящего с реакцией собеседника и оценивает его поведение либо как представляющее угрозу, либо как сохранение статус-кво, либо как одобрение [11] [Arundale, 2010, p. 2091].

Отмечая, что данный метод может использоваться для анализа общения в любой лингвокультуре, Р. Арундейл, однако, подчеркивает необходимость учета результатов этнографических исследований (т. е. проводимых внутри одной (суб)культуры или социальной группы) для выявления особенностей проявления стратегий отдаления и сближения с точки зрения участников коммуникации [12] [Ibid., p. 2089].

Теоретический подход Р. Арундейла имеет ряд преимуществ. Во-первых, исследуя процесс общения исключительно в динамике, он принимает во внимание *совместные* действия участников интеракции. Во-вторых, он делает возможным анализировать «вежливость» и «уместность» вне ограничительных рамок, налагаемых многочисленными определениями данных понятий. Несмотря на то, что некоторые лингвисты усматривают в терминах «сближение» / «отдаление» сходство со стратегиями позитивной и негативной вежливости П. Браун и С. Левинсона, Р. Арундейл указывает, что его понятия в первую очередь фокусируются не на угрозе лицу индивида или ее отсутствии, а на динамике взаимодействия между партнерами по коммуникации. В-третьих, данная модель позволяет избежать противопоставления вежливости первого и второго порядка, поскольку «лицо», по Р. Арундейлу, – это не индивидуальная система личных потребностей, стремлений и ожиданий (и, следовательно, не предполагает исследование явных или скрытых инференций и импликатур в общении), а социальный конструкт, проявляющийся во взаимодействии и очевидный как для участников, так и для исследователей. В-четвертых, его теория создания лица заставляет принимать во внимание целый ряд контекстов – лингвистический, социокультурный, прагматический.

Однако, как отмечают критики (ср.: [Culpeper, 2011a; Long, 2016]), теория Р. Арундейла не учитывает некоторых фундаментальных положений когнитивной лингвистики, а именно игнорирует эмоциональную составляющую в обработке информации. Между тем неразрывная связь когнитивного, чувственного и эмоционального аспектов в языке является бесспорным классическим положением психолингвистики. В частности, конвенциональные формулы, могут обрабатываться как сознательно, так и на подсознательном уровне, в то время как вероятность более сложной когнитивной обработки повышается в случае высказываний, противоречащих ожиданиям слушающего, что, безусловно, влияет на характер коммуникации.

Определенным шагом вперед в совершенствовании данной теории можно считать предложение К. Лонга [Long, 2016] рассматривать исследуемые языковые феномены, градуируя их по шкале предсказуемости (от низкой до высокой). Неожиданное (с точки зрения адреса-

[11] They then compare their understanding of situated shift with their perception of face as projected by others to arrive at an evaluation of behavior as representing either ‘threat,’ ‘stasis’ or ‘support’ of face in interaction”.

[12] “…undertake or employ ethnographically grounded research that establishes how persons in that group understand the dialectic of connectedness and separateness”.

та) поведение партнера иногда игнорируется, но непредвиденность может вызвать у слушающего и необычную вербальную реакцию. В связи с этим К. Лонг предлагает различать коррелирующую (с нормами и ожиданиями) и контрастивную салиентность (correlative and contrastive salience) [Long, 2016, p. 9], под которой мы понимаем высокую прагматическую значимость элемента в силу его специфического подчеркивания. Обработка речевых фактов, не противоречащих привычным ожиданиям, чаще всего происходит на подсознательном уровне, без активации определенных психических (например, чувственных или эмоциональных) процессов. Интеракция, идущая вразрез с ожиданиями ее участников, наоборот, стимулирует эти процессы, усложняет их реакции, что должно учитываться исследователем при анализе вербального поведения.

Всё больше внимания обращается и на просодический компонент речи вкупе с другими невербальными – кинестическими и такесическими – параметрами; предлагается сделать их неотъемлемой частью интерпретации. Пока их вклад редко учитывается при анализе вербального поведения, несмотря на убедительные выводы о том, что эффект просодических средств часто нейтрализует или даже оказывается более сильным, чем воздействие использованных языковых средств (см. [Culpeper, 2011b; Hidalgo Navarro, 2014; Hubscher et al., 2017; Vergis, Pell, 2020] и др.). Учет таких характеристик, как интонационное оформление, громкость, темп, паузы, высота тона, дифференциация которых, при всей ее практической сложности, позволила бы более точно описать эмоциональный вектор коммуникации. Просодия, выступая источником надежной информации, сигнализирует «об уступчивых, высокомерных, дружелюбных, враждебных установках или каких-нибудь базальных эмоциях [13] [Vergis, Pell, 2020, p. 46]. Так, видеоматериалы, бесспорно, могут обеспечить более глубокое понимание ситуации общения.

Выводы

Таким образом, прагматическое переосмысление подходов к анализу (не)вежливого общения прошло довольно извилистый путь от описания изолированных речевых актов некоего абстрактного адресанта, ограниченного в своем выборе (представлениями конкретного ученого о характере данного вида коммуникации) речевых средств в ситуации, определяемой в основном тремя параметрами (социальным статусом, социально-психологической дистанцией и степенью импозиции) до дискурсивно-ориентированного подхода, где роль интерпретатора отводилась не профессиональному лингвисту, а участникам общения. С одной стороны, пока еще не оставлены попытки создания универсальной методологии описания (не)вежливости, системно проявляющейся в коммуникации, но с другой – подвижный и реляционный характер дискурсивных практик, бесконечное многообразие характеристик личностей, динамично влияющих на продуцирование и интерпретацию смыслов, заявляют об уникальности каждой интеракции и неоднозначности ее толкования.

В сосуществующих подходах к методологии анализа вербального поведения среди многих теоретиков наблюдается некоторый консенсус в том, что системное описание и интерпретация общения, если они претендуют на научную достоверность, должны начинаться с определения статуса исследователя, т. е. с указания, кем, в каких условиях, как оно анализируется, какие факторы и детали наблюдатель выделяет как существенные, насколько он знаком с локальными этно-, социо-, лингвокультурными нормами поведения (community of practice).

Прослеживаются также тенденции сохранить оперирование концептом «вежливость» только в рамках работы с вежливостью первого порядка (как термина и понятия знакомого рядовым носителям языка) в силу его ненаучности и целого ряда периферийных семантических компонентов, привнесенных из бытовой сферы общения, а также множества вариатив-

[13] "...communicate inferior, superior, friendly or hostile attitudes or more basic emotions".

ных трактовок, не позволяющих использовать этот концепт для строго научного описания феномена вежливого общения в разных культурах. Несовершенство существующей на данный момент терминологии для обозначения понятий «вежливость» и «уместность» ведет к тому, что заявленная цель – изучение моделей вежливого поведения (например, на материале фильмов, телепередач, художественных произведений, выборки реплик из диалогического корпуса или экспериментальных интервью) – априори сообщает о рассмотрении лингвистического материала исключительно через призму личного опыта, сложившихся стереотипов и индивидуального понимания исследователем данных универсалий, т. е. через bias [14]. Напротив, использование интерпретатором таких менее размытых критериев, как «сближение», «отдаление», «сохранение статус-кво» теоретически позволяет более качественную систематизацию дискурсивных практик и коммуникативных стратегий, принимая во внимание лингвистические средства, оценку *участниками* интеракции вежливости / уместности в общении и его соответствие нормам и ожиданиям, сложившимся в данном социуме. Даже если исследователь является частью группы и включает в анализ данные о личности и компетентности интерактантов, информацию об их социальном имидже, учет интерпретаций общения самими коммуникантами значительно повысит достоверность выводов.

Несмотря на преобладание исследований реального функционирования языка с опорой на текст, можно предсказать больший акцент на анализе паралингвистических средств в изучении коммуникации.

Надеемся, что наша систематизация принципов анализа (не)вежливого поведения, непрерывно эволюционирующих в зарубежной коммуникативистике с момента зарождения теории вежливости, равно как и методологических модальностей ее применения, окажется полезной для многочисленных отечественных исследователей, проявляющих живой интерес к данной проблематике, но редко учитывающих тот разброс мнений и позиций, который наблюдается в подходах их зарубежных коллег.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. 1985. № 16. С. 3–42.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: URSS: Ком-Книга, 2005. 171с.

Жеребцова Ю. А., Чижик А. В., Садохин А. П. Автоматические методы детекции культурных смещений в социальных сетях (на материале диалогов из Telegram) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2012. 304 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Языки славянских культур: Рукописные памятники Древней Руси. М., 2009. 507 с.

Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 70–83.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта. 2006. 238 с.

Тимофеева М. К. О границах и содержании прагматики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 5–18.

[14] Как справедливо отмечают исследователи [Жеребцова и др., 2021], благодаря интенсивной динамичности информационных потоков в настоящее время очень легко сформировать субъективную и пристрастную точку зрения на проблему, создавая и закрепляя в сознании потребителя информации определенный образ действительности.

Фефелов А. Ф. Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 60–80.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.

Arundale, Robert B. Constituting face in conversation: Face, facework, and interactional achievement. *Journal of Pragmatics*, 2010, vol. 42, no. 8, pp. 2078–2105.

Bousfield, D. Face(t)s of self and identity in interaction. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 287–305.

Bousfield, D., Culpeper, J. Impoliteness: Eclecticism and Diaspora. An introduction to the special edition. *Journal of Politeness Research*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 161–168.

Brown P., Levinson, Stephen C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, UK, Cambridge Uni. Press, 1987, 345 p.

Craig, Robert T. Communication theory as a field. *Communication Theory*, 1999, vol. 9, no. 2, pp. 119–161.

Culpeper, J. Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 1996, vol. 25, no. 2, pp. 349–367.

Culpeper, J. Language and Characterization. People in Plays and Other Texts. Harlow, Longman, 2001, 328 p.

Culpeper, J. "It's not what you said, it's how you said it!" Prosody and impoliteness. In: Linguistic Politeness Research Group (Ed.). Discursive Approaches to Politeness. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011a, pp. 57–83.

Culpeper, J. Impoliteness: Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011b, 292 p.

Dijk, T. A. van. Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.). The Handbook of discourse analysis. London, 2010, pp. 352–371.

Eelen, G. A Critique of Politeness Theories. Manchester, St. Jerome, 2001, 280 p.

Geyer, N. Discourse and Politeness: Ambivalent Face in Japanese. *Journal of Sociolinguistics*, 2009, vol. 13, no. 2, pp. 103–134.

Goffman, E. Relations in public: Microstudies of the public order. New York, Basic Books, 1971, 396 p.

Grainger, K. 'First order' and 'second order' politeness: Institutional and intercultural contexts. In: Linguistic Politeness Research Group (ed.). Discursive approaches to politeness. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 167–188.

Grainger, K. "We're not in a club now": a neo-Brown and Levinson approach to analyzing courtroom data. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 19–38.

Haugh, M. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 2007, vol. 3, no. 4, pp. 295–317.

Haugh, M. When is an email really offensive? Argumentativity and variability in evaluations of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 2010, vol. 6, no. 1, pp. 7–31.

Haugh, M. Epilogue: The first-second order distinction in face and politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 111–134.

Haugh, M., Watanabe, Y. (Im)politeness theory. Chapter 6. Routledge Handbook of Language in the Workplace. Routledge, 2017.

Hidalgo Navarro, A. (ed.). Special issue: The prosodic expression of linguistic impoliteness in Romance Languages. *Journal of Politeness Research*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 5–27.

Holmes, J., Meredith Marra and Bernadette Vine. Politeness and impoliteness in ethnic varieties of New Zealand English. *Journal of Pragmatic*, 2012, vol. 44, no. 9, pp. 1063–1076.

Hubscher, I., Borras-Comes, J., Prieto, P. Prosodic mitigation characterizes Catalan formal speech: The Frequency Code reassessed. *Journal of Phonetics*, 2017, vol. 65, pp. 145–159.

Joseph, J. Identity work and face work across linguistic and cultural boundaries. *Journal of Politeness Research*: *Language, Behaviour, Culture*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 35–54.

Kadar, D., Haugh, M. Understanding Politeness. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2013, 306 p.

Leech, G. N. Principles of pragmatics. London, Longman, 1983, 250 p.

Long, C. A social cognitive account of relational work. *Journal of Politeness Research*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 1–26.

Sifianou, M., Tzanne, A. Conceptualizations of politeness and impoliteness in Greek. *Intercultural Pragmatics*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 661–687.

Terkourafi, M. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2005, vol. 1, no. 2, pp. 237–262.

Spencer-Oatey, H. Culturally speaking. Culture, communication and politeness theory. London, Continuum International Publishing Group, 2000, 383 p.

Vergis, N., Pell, M. Factors in the perception of speaker politeness: the effect of linguistic structure, imposition and prosody. *Journal of Politeness Research*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 45–84.

Watts, R. J. Linguistic politeness research: Quo vadis. In: Richard J. Watts, Sachiko Ide, Konrad Ehlich (eds.). Politeness in language: Studies in its history, theory and practice, 2nd ed. Berlin & New York, Mouton de Gruyter, 2005, 404 p.

References

Arundale, Robert B. Constituting face in conversation: Face, facework, and interactional achievement. *Journal of Pragmatics*, 2010, vol. 42, no. 8, pp. 2078–2105.

Arutyunova, N. D. History, problems and categories of pragmatics. *New Research in Foreign Linguistics: Linguistic Pragmatics*, 1985, no. 16, pp. 3–42. (in Russ.)

Bousfield, D. Face(t)s of self and identity in interaction. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 287–305.

Bousfield, D., Culpeper, J. Impoliteness: Eclecticism and Diaspora. An introduction to the special edition. *Journal of Politeness Research*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 161–168.

Brown P., Levinson, Stephen C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, UK, Cambridge Uni. Press, 1987, 345 p.

Craig, Robert T. Communication theory as a field. *Communication Theory*, 1999, vol. 9, no. 2, pp. 119–161.

Culpeper, J. Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 1996, vol. 25, no. 2, pp. 349–367.

Culpeper, J. Language and Characterization. People in Plays and Other Texts. Harlow, Longman, 2001, 328 p.

Culpeper, J. "It's not what you said, it's how you said it!" Prosody and impoliteness. In: Linguistic Politeness Research Group (Ed.). Discursive Approaches to Politeness. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011a, pp. 57–83.

Culpeper, J. Impoliteness: Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011b, 292 p.

Dijk, T. A. van. Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.). The Handbook of discourse analysis. London, 2010, pp. 352–371.

Eelen, G. A Critique of Politeness Theories. Manchester, St. Jerome, 2001, 280 p.

Fefelov, A. F. Semantics and pragmatics of British and Chinese cultural interactions in the multimodal text of a documentary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 60–80. (in Russ.)

Formanovskaya, N. I. Verbal Interaction: Communication and pragmatics. Moscow, IKAR, 2007, 478 p. (in Russ.)

Geyer, N. Discourse and Politeness: Ambivalent Face in Japanese. *Journal of Sociolinguistics*, 2009, vol. 13, no. 2, pp. 103–134.

Goffman, E. Relations in public: Microstudies of the public order. New York, Basic Books, 1971, 396 p.

Grainger, K. 'First order' and 'second order' politeness: Institutional and intercultural contexts. In: Linguistic Politeness Research Group (ed.). Discursive approaches to politeness. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 167–188.

Grainger, K. "We're not in a club now": a neo-Brown and Levinson approach to analyzing courtroom data. *Journal of Politeness Research*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 19–38.

Haugh, M. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*, 2007, vol. 3, no. 4, pp. 295–317.

Haugh, M. When is an email really offensive? Argumentativity and variability in evaluations of impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 2010, vol. 6, no. 1, pp. 7–31.

Haugh, M. Epilogue: The first-second order distinction in face and politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 111–134.

Haugh, M., Watanabe, Y. (Im)politeness theory. Chapter 6. Routledge Handbook of Language in the Workplace. Routledge, 2017.

Hidalgo Navarro, A. (ed.). Special issue: The prosodic expression of linguistic impoliteness in Romance Languages. *Journal of Politeness Research*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 5–27.

Holmes, J., Meredith Marra and Bernadette Vine. Politeness and impoliteness in ethnic varieties of New Zealand English. *Journal of Pragmatic*, 2012, vol. 44, no. 9, pp. 1063–1076.

Hubscher, I., Borras-Comes, J., Prieto, P. Prosodic mitigation characterizes Catalan formal speech: The Frequency Code reassessed. *Journal of Phonetics*, 2017, vol. 65, pp. 145–159.

Issers, O. S. Communicative strategies and tactics in Russian speech. Moscow, LKI, 2012, 304 p. (in Russ.)

Joseph, J. Identity work and face work across linguistic and cultural boundaries. *Journal of Politeness Research*: *Language, Behaviour, Culture*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 35–54.

Kadar, D., Haugh, M. Understanding Politeness. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2013, 306 p.

Larina, T. V. Politeness category and communication style. Moscow, LRC Publ., 2009, 507 p. (in Russ.)

Leech, G. N. Principles of pragmatics. London, Longman, 1983, 250 p.

Leontyev, V. V. Linguistic (im)politeness: to the problem of category content. *Ecology of Language and communicative practice*, 2016, no. 1, pp. 70–83. (in Russ.)

Long, C. A social cognitive account of relational work. *Journal of Politeness Research*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 1–26.

Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. Russian communicative behaviour. Moscow, Flinta Publ., 2006, 238 p. (in Russ.)

Sifianou, M., Tzanne, A. Conceptualizations of politeness and impoliteness in Greek. *Intercultural Pragmatics*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 661–687.

Terkourafi, M. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*, 2005, vol. 1, no. 2, pp. 237–262.

Timofeeva, M. K. On the Borderlines and the Scope of Pragmatics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 5–18. (in Russ.)

Spencer-Oatey, H. Culturally speaking. Culture, communication and politeness theory. London, Continuum International Publishing Group, 2000, 383 p.

Vergis, N., Pell, M. Factors in the perception of speaker politeness: the effect of linguistic structure, imposition and prosody. *Journal of Politeness Research*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 45–84.

Vinokur, T. G. Speaker and hearer: verbal behavior options. Moscow, URSS: KomKniga Publ., 2005, 171 p. (in Russ.)

Watts, R. J. Linguistic politeness research: Quo vadis. In: Richard J. Watts, Sachiko Ide, Konrad Ehlich (eds.). Politeness in language: Studies in its history, theory and practice, 2nd ed. Berlin & New York, Mouton de Gruyter, 2005, 404 p.

Zherebtsova, Yulia A., Chizhik, Anna V., Sadokhin, Aleksandr P. Automatic Methods for Detecting Cultural Bias in Social Media (Based on Telegram's Dialogs). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 54–72. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-54-72

Информация об авторах

Мария Юрьевна Россихина, кандидат филологических наук, доцент
Инна Ивановна Икатова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Maria Yu. Rossikhina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Inna I. Ikatova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 07.09.2021;
одобрена после рецензирования 20.12.2021; *принята к публикации 20.01.2022*
The article was submitted 07.09.2021;
approved after reviewing 20.12.2021; *accepted for publication 20.01.2022*

Научная статья

УДК 81'322.2
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-21-36

Формальное выявление приемов аргументации в научных текстах

Иван Сергеевич Пименов [1]
Наталья Васильевна Саломатина [2]
Мария Кирилловна Тимофеева [3]

[1, 3] Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

[2, 3] Институт математики им. С. Л. Соболева
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

[1] pimenov.1330@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5946-9469
[2] salomatina_nv@live.ru, https://orcid.org/0000-0001-2345-6789
[3] mtimof@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8999-2330

Аннотация

Представлены методы и полученные с их помощью результаты автоматизированного выявления приемов аргументации. Исследуемым материалом служили построенные путем экспертной разметки аргументационные аннотации 25-ти научных текстов двух тематик. Разметка проводилась с помощью веб-инструментов, позволяющих визуализировать аргументативные утверждения и схемы аргументации, строить аргументационную структуру текста в виде ориентированного графа. В графе содержатся два типа вершин: информационные вершины-утверждения и связывающие их модели (схемы) рассуждений из компендиума Уолтона. Под приемами аргументации в данной работе понимается применение повторяющихся отдельных моделей рассуждения и образуемых ими повторяющихся структур (подграфов) аргументации. Разметка приемов, включающих в свою структуру более одной схемы, в графе отсутствует. Использовано описание аргументационных аннотаций и аннотированной коллекции в форме совместного спектра характеристик, содержащих повторяющиеся приемы с их абсолютными и текстовыми частотами. Приемы аргументации, образуемые тремя и более схемами, были выявлены методами частотного анализа подграфов (FSM). Сравнение подграфов осуществлялось с помощью программы из библиотеки NetworkX, реализующей точный алгоритм установления изоморфизма подграфов VF2. Полученные частотные характеристики позволили обнаружить общие закономерности в использовании характерных для научных текстов приемов аргументации, а также специфические особенности их употребления в зависимости от темы (лингвистика и компьютерные технологии). Закономерности проявляются в применении как отдельных схем, так и структурно организованных. Конфигурация последних представляет собой либо цепочки аргументов (до 5 элементов), либо ветвящиеся деревья различной глубины (содержащие до 8 вершин). Данные результаты можно использовать для определения близости текстов по применяемым в них приемам аргументации, что, в свою очередь, может быть дополнительной полезной информацией при кластеризации и классификации текстов, оценке их убедительности, а также при формальном синтезе аргументации.

Ключевые слова

научные тексты, аргументационная структура текста, схемы рассуждения Уолтона, приемы аргументации, общие подграфы графов аргументации, корпусная лингвистика, лингвистика текста

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМ СО РАН (проекты № FWNF-2022-0015 и FWNF-2022-0012).

© Пименов И. С., Саломатина Н. В., Тимофеева М. К., 2022

Авторы выражают благодарность создателям инструмента аргументационной разметки текстов (лаборатория искусственного интеллекта ИСИ СО РАН) за предоставленную возможность его применения для аннотирования научных текстов

Для цитирования

Пименов И. С., *Саломатина Н. В.*, *Тимофеева М. К.* Формальное выявление приемов аргументации в научных текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 21–36. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-21-36

Formal Identification of Argumentation Patterns in Scientific Texts

Ivan S. Pimenov [1], **Natalia V. Salomatina** [2]
Mariya K. Timofeeva [3]

[1, 3] Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
[2, 3] Sobolev Institute of Mathematics
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

[1] pimenov.1330@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5946-9469
[2] salomatina_nv@live.ru, https://orcid.org/0000-0001-2345-6789
[3] mtimof@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-8999-2330

Abstract

In this paper we present the methods for the automatic identification of argumentation patterns and the results of their application. These methods have been employed to analyze argumentation annotations of 25 scientific texts from two thematic areas. Under study were the expert annotations constructed manually with the help of web tools for visualizing argumentative statements and argumentation schemes, as well as for modelling the argumentation structure of a text as an oriented graph. Such graphs contain two node types: information nodes denoting statements and their connecting reasoning models (schemas) from Walton's compendium. The regularly employed reasoning models and their structural combinations (argumentation subgraphs) form argumentation patterns. Patterns containing more than one scheme are unmarked in initial graphs. As a result of processing argumentation annotations from the collection, we have constructed a joint spectrum of argumentation patterns with their absolute and text frequencies. The methods of frequent subgraph mining have been used to identify argumentation patterns containing three or more schemes. The subgraph matching has been performed through the use of the NetworkX package which implements the VF2 algorithm for subgraph isomorphism testing. We have analyzed the calculated frequencies to identify both the general principles behind the use of argumentation patterns typical of scientific texts, as well as the specific tendencies of their functioning within distinct thematic areas (linguistics and computer science). These general principles regulate the use of both separate schemes and their structural combinations. The latter appear in two configuration types: either as sequencies of argumentation schemes (up to 5 elements) or as tree structures (which contain up to 8 nodes). Specifically, we demonstrate that branching within a tree-form pattern typically presupposes the parallel use of identical argumentation schemes. Additionally, branching of argumentation patterns occurs more often in proximity to the main thesis of a text, than near the initial premises. Finally, the thematic area can condition not only the use of separate schemes, but also their structural combination within complex patterns. The results obtained are applicable to the evaluation of text similarity based on argumentation patterns employed in them, which, in its turn, can improve the clustering and classification of texts, evaluation of their persuasiveness, as well as the formal synthesis of argumentation.

Keywords

popular science texts, scientific texts, argumentation graph, Walton’s argumentation schemes, strategy-related patterns, common subgraph, corpus linguistics, text linguistics

Acknowledgements

The research was conducted within the framework of the state contract of Sobolev Institute of Mathematics (projects no. FWNF-2022-0015 and FWNF-2022-0012).

The authors are grateful to the Artificial Intelligence Laboratory of the IIS RAS SB for developing the argumentation annotation software and providing access to it

For citation

Pimenov, I. S., Salomatina, N. V., Timofeeva, M. K. Formal Identification of Argumentation Patterns in Scientific Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 21–36. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-21-36

Введение

Компьютерные исследования аргументации русскоязычных текстов начали проводиться только в последние два-три года, так как русскоязычных коллекций с аргументативной разметкой до последнего времени не существовало. Тем не менее, для многих приложений аргументационный анализ очень важен, в частности для оценки убедительности текстов разных жанров (коммерческих отзывов, научных докладов, студенческих эссе и т. д.), понимания и ведения дебатов, принятия решений в рекомендательных системах и пр. (см., например, [Xinyu Hua, Lu Wang, 2017; Madnani et al., 2012]).

На данный момент нам известны два русскоязычных корпуса, содержащие разметку аргументации, ссылки на них указаны в работах [Fishcheva, Kotelnikov, 2019; Сидорова и др., 2020]. Первый корпус состоит из размеченных и переведенных с английского и немецкого языков микротекстов (ArgMicro). Разметка включает теги, указывающие на тезис и аргументы «за» и «против». Второй корпус содержит научные и научно-популярные тексты, размеченные с помощью разработанного в ИСИ СО РАН набора веб-инструментов. Они позволяют создавать тематические корпуса, визуализировать аргументативные утверждения и схемы аргументации, строить аргументационную структуру текста в виде ориентированного графа. Граф содержит два типа вершин: информационные (вершины-утверждения) и аргументы (модели рассуждений). Инструмент также предоставляет возможность сохранения структуры графа в текстовом (в смысле линейности записи) представлении в формате .json, тем самым поддерживая компьютерную обработку аргументационных аннотаций. Приемы аргументации в аннотации в явном виде не представлены, но косвенно отражены в схемах (моделях рассуждений) и в содержании информационных узлов.

Настоящая работа проделана на коллекции научных текстов из второго корпуса. Жанровая специфика выбранного материала характеризуется значительным объемом аннотируемых текстов (несколько сотен предложений) в противовес англоязычным аргументационным корпусам, преимущественно состоящим из новостных сообщений, интернет-комментариев, эссе, микротекстов, имеющих на порядок меньший объем (несколько десятков предложений). Количественные характеристики исследованной коллекции текстов приведены в разделе 5, посвященном анализу результатов.

Цель работы – построение и апробация метода автоматического выявления приемов аргументации, а также анализ и интерпретация полученных результатов.

1. Исследовательская область

Одно из центральных направлений лингвистики текста – выявление и изучение средств, обеспечивающих связность текста. Такие средства многообразны и присутствуют на всех уровнях языка. Конкретные прикладные исследования, изучая те типы средств связности, которые важны для решаемого класса задач, могут в большей степени фокусироваться на языковой форме текста или на его содержании, в частности на аргументационной структуре представляемого посредством него рассуждения. Например, для решения многих задач автоматической обработки текста может быть полезен анализ лексико-синтаксических средств установления структурной связности (когезии, cohesion) [Лукашевич, 2011]. Тесная связь между формальными (прежде всего лексическими и синтаксическими) и логико-семантическими аспектами связности текста (coherence) отражена в теоретических работах данного направления лингвистики, например, в [Инькова, Манзотти, 2019]. Автоматизация аргументационного анализа требует рассмотрения как языковых индикаторов, сигнализирующих о границах между структурными единицами рассуждения или о типах связи между ними (моделях рассуждения), так и собственно логической структуры рассуждения, абстрагируемой от ее языковой формы и, возможно, от информационного содержания. Несмотря на важность обоих аспектов для разработки автоматических систем аргументационного анализа

текстов русского языка, одновременное их изучение на современном этапе представляется преждевременным из-за большой трудоемкости. Данная работа посвящена анализу закономерностей, проявляющихся в структурах рассуждения, и выявлению типовых структур (приемов). Языковые индикаторы, существенные для сегментации текста и идентификации моделей рассуждения, пока не рассматриваются.

Большинство компьютерных исследований аргументации посвящено автоматическому поиску и извлечению единиц аргументации разных типов, например предложений, клауз, элементов структуры аргумента – посылок и заключений, а также установлению отношений между ними: связности утверждений и типа связи, отношений «за» и «против» и др. (см. обзоры [Lippi, Torrony, 2016; Lawrence, Reed, 2019]). Приемы аргументации исследуются значительно реже, хотя статистика применения приемов (отдельных схем и образуемых ими структур) может быть полезна при распознавании аргументов с помощью поисковых шаблонов и в машинном обучении.

Авторы некоторых работ предлагают включать приемы аргументации в разметку, что упростит исследование ее эффективности. Например, в работе [Anand et al., 2011] показано, что информация о приемах аргументации оказывает существенную помощь в классификации блогов по степени убедительности.

Моделирование стратегий и приемов актуально для вычислительного синтеза аргументации, примерами такого рода исследований могут служить работы [Wachsmuth et al., 2018; Al-Khatib et al., 2017]. В работе [Al-Khatib et al., 2017] представлены результаты анализа аргументационных стратегий в редакционных новостных статьях. На размеченных текстах изучено применение трех приемов аргументации (статистика, анекдот [1], свидетельство (от эксперта, организации, наблюдателя)) в текстах разной тематики. Приведены примеры 15 встретившихся последовательно приемов (цепочек длиной от 1 до 7), использованных авторами. Выявлена корреляция между темами и используемыми приемами. Область применения результатов – синтез, идентификация аргументов, классификация текстов.

В работе [Wachsmuth et al., 2018] строится модель стратегии, которая опирается, по утверждению авторов, на каноны риторики, сформулированные Аристотелем. Модель реализуется в три этапа, которые выполняются «вручную», а ее оценка проводится экспертами. Для каждого заданного тезиса авторами из базы выбираются аргументативные дискурсивные единицы (ADU). Из них составляются структуры аргументации (цепочки из посылок, заключений). Выбранные утверждения оформляются в определенном стиле согласно принимаемой стратегии. Стратегия убеждения в этой работе определяется по пропорции средств соответствующей (контекстуальной) семантики, использованных в тексте, например, логос – 70 %, этос – 10 %, пафос – 20 %. Результаты синтеза коротких аргументативных текстов совпадают у разных экспертов примерно на 50 %. Изучение структурных особенностей в организации последовательности рассуждений, реализуемой в текстах, не входило в задачу авторов, и это их просчет, поскольку знания о такой организации могут быть полезны на этапе формирования структуры. Например, они могли бы отчасти нивелировать различия в оценке аргументации, синтезированной разными экспертами.

Авторы работы [El Baff et al., 2019] предложили алгоритм, согласно которому аргументационные цепочки строятся автоматически вне зависимости от темы ADU из базы, которая и содержит тезисы, аргументы «за» и «против» с указанием реализованной в них стратегии (логос, пафос). Выбранные ADU были упорядочены согласно критерию связности, определяемой путем вычисления семантического расстояния между ними. Совпадение с построенными экспертами структурами аргументации составило здесь порядка 50 % на уровне двух подряд следующих аргументов. Мы полагаем, что полезным дополнением к данному методу могли бы быть детализация связей между аргументами и учет организации схем в структуры.

[1] В английском понимании этого слова.

В нашей работе основное внимание уделяется исследованию организации схем рассуждений в структурах (графах) аргументации. Под приемами нами понимается применение отдельных повторяющихся моделей рассуждений и образуемых ими повторяющихся структур в аргументации, реализуемой в авторских текстах. Задача поиска приемов аргументации в нашем случае – это извлечение всех повторяющихся подграфов в заданной коллекции. Задачи такого сорта могут решаться методами частотного анализа подграфов *FSM* (Frequent subgraph mining) [Jiang et al., 2004], который включает генерацию подграфов, представляющих интерес, а также подсчет частоты встречаемости этих подграфов в заданном наборе данных. В нашем случае генерацию кандидатов заменяет разбиение графа аргументации текста на подграфы с фиксированным числом вершин. Для подсчета частоты в этом случае требуется провести процедуру сравнения полученных подграфов, которая известна как проверка подграфов на изоморфизм. Два самых известных на данный момент алгоритма, позволяющих получить точное решение, предложены в работах [Ullmann, 1976; Cordella et al., 2001]. Мы применяем последний, использующий стратегию поиска в глубину и набор правил для сокращения времени поиска (и потребляемой памяти компьютера).

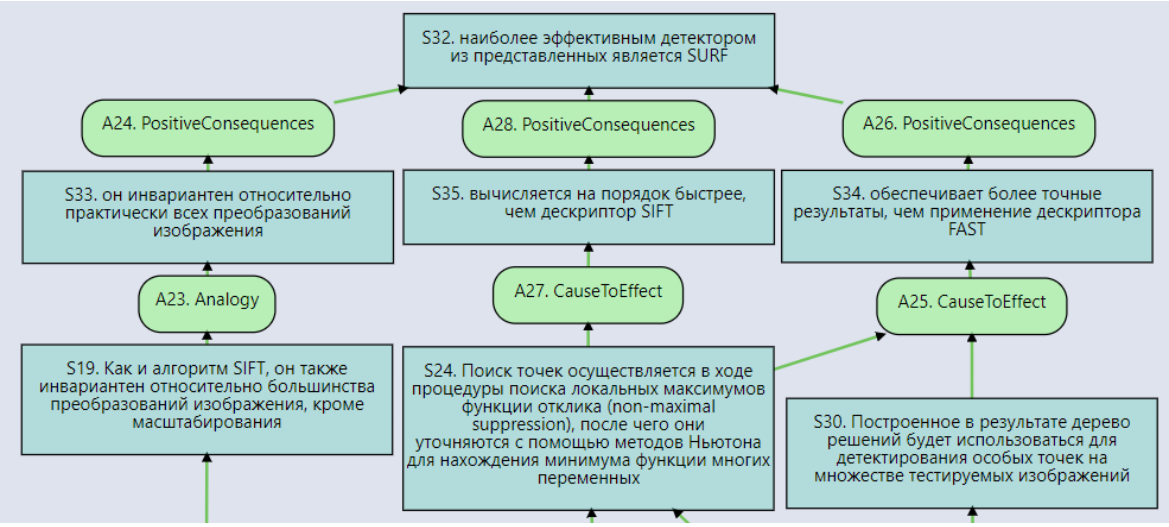
2. Моделирование аргументации посредством схем рассуждения

Под аргументом здесь понимается совокупность связанных утверждений, применяемых для доказательства заключительного утверждения. В составе утверждений аргумента выделяют утверждения-посылки и утверждение-заключение. Они объединяются определяемыми моделью (схемой) рассуждения отношениями. Заключение одного утверждения может служить посылкой для одного или нескольких других утверждений или использоваться в качестве заключения у других аргументов. Утверждение представляет собой сформулированное на естественном языке высказывание. Связи, устанавливаемые между аргументами, позволяют объединить их в единую аргументативную структуру.

Для описания аргументов и аргументативных структур приняты стандарты, фиксированные форматом AIF (Argument Interchange Format) [Rahwan, Reed, 2009]. Согласно формату, аргументы представляются ориентированными графами, в которых выделяют два типа вершин: информационные вершины (вершины-утверждения) и вершины-схемы. С вершинами-утверждениями сопоставляются посылки, заключения, а с вершинами-схемами – схемы (модели) рассуждений. В используемом нами для разметки текстов инструменте доступно порядка сорока схем аргументации из компендиума Уолтона [Walton, 2008]. В графе выделяется корневая вершина, соответствующая главному тезису. Тем самым предполагается, что в любом тексте можно выделить ровно один главный тезис (в научных статьях он часто отражается в названии, но также в явно сформулированной или неявно выраженной цели работы, может дублироваться в заключении).

Пример фрагмента аргументационной разметки текста приведен на рисунке. Вершины-утверждения изображены прямоугольниками, вершины-схемы – эллипсами. Утверждения и схемы обозначены символами S и A соответственно и снабжены номерами согласно линейному порядку утверждений в тексте. Стоит, однако, отметить, что линейный порядок отличается от порядка в аргументационной структуре: посылки могут выражаться в тексте как до, так и после заключения, а между тезисом и доводами в его поддержку может приводиться обоснование этих доводов.

На рисунке представлены основные типы связей между утверждениями [Lawrence, Reed, 2019], к примеру: Convergent Arguments (S33, S35 → S32), Linked Arguments (S24 & S30 → S34), Divergent Arguments (S24 → S34, S35), Sequential Arguments (S24 → S35 → S32).



Фрагмент аргументационной разметки текста
A fragment of the argumentation annotation of a text

3. Методы выявления приемов аргументации

Как уже было определено в п. 1, под приемами аргументации в данном исследовании понимается применение как отдельных моделей рассуждений, так и подграфов (т. е. графов, образованных некоторым подмножеством вершин-схем графа аргументации и некоторым подмножеством смежных с ними рёбер), повторяющихся в аргументации в разных текстах.

Пусть $A = \{a_i\}$ – множество аргументационных аннотаций коллекции текстов. Каждая аннотация a_i представляет собой связный граф G_i, $G_i = \langle V_i^{inf} \cup V_i^{ch}, E_i \rangle$, где V_i^{inf} – множество информационных вершин, V_i^{ch} – множество вершин-схем, E_i – множество рёбер, соединяющих вершины. На данном этапе нами проводится анализ структур (графов) $\hat{G}_i$, образуемых из графов G_i с сохранением только вершин-схем: $\hat{G}_i = \langle V_i^{ch}, \hat{E}_i \rangle$. Рёбра $\hat{E}_i$ строятся следующим образом: 1) в случае удаления информационной вершины при цепочечной их организации – путем замены входящего и исходящего ребра на ребро, соединяющее две схемы и сохраняющее направление; 2) в случае конвергенции информационных вершин аналогичным образом строятся рёбра при удалении каждой из них; 3) в случае дивергентного связывания информационных вершин строятся рёбра, объединяющие каждую схему с входящим в информационную вершину ребром с каждой схемой, соединенной исходящими из информационной вершины рёбрами. Аннотацию a_i удобно представлять совместной частотной характеристикой, а именно совокупностью характеристик $\Phi(a_i) = \{\Phi_1(a_i), \ldots, \Phi_n(a_i), \ldots, \Phi_{Nmax}(a_i)\}$, где $\Phi_1(a_i)$ – статистика отдельных схем (разных вершин из V_i^{ch} и частот их встречаемости $F_{abs}(V_i^{ch})$). Характеристика $\Phi_n(a_i)$ ($n > 1$) аккумулирует – множество подграфов $\{sg_{ik}^n\}$ графа $\hat{G}_i$ с фиксированным числом вершин, равным n ($n = 2, \ldots, N_{max}$, N_{max} – задаваемая константа, ограниченная сверху значением $|V_i^{ch}|$): $\Phi_n(a_i) = \{sg_{ik}^n\}$, $k = 1,\ldots, K_n$ – число *разных* подграфов с n вершинами. Для каждого подграфа sg_{ik}^n вычисляется число его вхождений $F_{abs}(sg_{ik}^n)$ в граф $\hat{G}_i$.

Представление множества A включает аналогичные характеристики и является совместным частотным спектром коллекции: $\Phi(A) = \{\Phi_1(A), \Phi_2(A), \ldots, \Phi_n(A), \ldots, \Phi_{Nmax}(A)\}$, где N_{max} – максимальное число вершин в подграфах, общих хотя бы для двух графов аргументации разных текстов: $\Phi_n(A) = \{sg_{ik}^n\}_{i=1}^{|A|}$. Для каждого подграфа sg_{ik}^n вычисляются $F_{abs}(sg_{ik}^n)$ и $F_{txt}(sg_{ik}^n)$ – абсолютная и текстовая частота в коллекции A. Под текстовой частотой понимается число текстов из коллекции A, в графах которых встречается данный подграф.

Задача построения Ф(A) эквивалентна отысканию общих совпадающих по структуре подграфов sg_{ik}^{n} и sg_{ik}^{n} в графах аргументации $\hat{G}_i$ и $\hat{G}_j$ для всех $i, j = 1,\ldots, |A|$; $i \neq j$; $k = 1,\ldots, K_n$. Как сказано во введении, для определения идентичности структур двух графов используется понятие «изоморфизм графов». По определению два графа изоморфны, если у них одинаковое число вершин (n) и вершины каждого из них можно переименовать так, что в первом графе две вершины соединены ребром тогда и только тогда, когда вершины с такими же именами соединены во втором графе.

При поиске изоморфного подграфа для каждой комбинации значений индексов i, j, k, n ($i \neq j$) в каждом отдельном случае нужно определять, не содержит ли граф $\hat{G}_j$ подграф, изоморфный подграфу $sg_{ik}^{n} \subset \hat{G}_i$. Для установления изоморфизма используется реализация алгоритма *VF*2 из библиотеки *NetworkX*, предназначенной для обработки графов на Python [Hagberg et al., 2008].

4. Поиск подграфов в графах аргументации

Построение совместного частотного спектра Ф(A) производится в три этапа.

I. *Этап предобработки*. Основные функции этого этапа – извлечение из каждого аргументационного графа, считываемого из описания в формате .json, множества применяемых схем и множества его подграфов согласно заданному числу n вершин-схем $\{sg_{ik}^{n}\}$ ($n > 1$). Для этого выполняются следующие шаги.

1. Преобразование текстового представления графа из .json-формата в матрицу смежности.

2. Построение по матрице смежности компактного представления графа $\hat{G}_i$, состоящего только из вершин-схем (без информационных вершин с текстовым содержанием отдельных утверждений, но с сохранением всех связей, проходящих через вершину-схему). В условиях отсутствия информационных вершин для обеспечения связности графа $\hat{G}_i$ добавляется техническая вершина MainThesis, обозначающая главный тезис исходного графа (с указанием всех переходов от ведущих к нему вершин-схем).

Удаление из рассмотрения информационных вершин обусловлено абстрагированием на данном этапе исследования от содержания тезисов при анализе приемов аргументации (приемы определяются на уровне типовых моделей рассуждения). В этом случае число вершин графа уменьшается почти в два раза, что заметно сокращает трудоемкость поиска изоморфных подграфов.

3. Извлечение пар связанных вершин.

4. Извлечение подграфов $sg_{ik}^{n} \subset \hat{G}_i$ для всех $i = 1,\ldots, |A|$; $k = 1,\ldots, K_n$. Нижняя граница диапазона n соответствует наименьшему числу вершин, при котором проявляется структурная вариативность между подграфами (все подграфы с $n = 2$ образуют линейную цепочку, три же вершины могут соединяться последовательно, либо через конвергентный переход от двух к третьей, либо через дивергенцию от одной к двум другим). Верхняя граница изменения n определяется в ходе работы алгоритма на этапе исследования подграфов с $n + 1$ вершиной.

Извлечение всех подграфов sg_{ik}^{n} осуществляется полным перебором: из множества вершин графа поочередно выбирается n вершин ($n > 2$), для которых по матрице смежности графа $\hat{G}_i$ проводится проверка связности вершин.

II. *Построение совместного частотного спектра* Ф(A).

1. Вычисление характеристик $\Phi_1(A)$ на базе V_i^{ch} для всех $i = 1, \ldots, |A|$.

2. Вычисление характеристик $\Phi_2(A)$ по парам связанных вершин из (V_i^{ch}, $\hat{E}_i$) для всех $i = 1, \ldots, |A|$.

3. Вычисление характеристик $\Phi_n(A)$, $n > 2$.

Поиск изоморфных подграфов. На этом этапе производится попарный анализ преобразованных графов $\hat{G}_i$ всех текстов коллекции с помощью алгоритма *VF*2. Выявляемые изоморфизмы sg_{ik}^{n} фиксируются в Ф(A) с указанием вычисленных $F_{abs}(sg_{ik}^{n})$ и $F_{txt}(sg_{ik}^{n}) > 1$.

Итеративный поиск изоморфных подграфов с числом вершин $n + 1$ ($n > 2$) реализуется только при обнаружении для пары текстов хотя бы одного изоморфизма на n вершинах. Из анализа исключаются вершины, не вошедшие в изоморфные подграфы с n вершинами; они вообще не могут входить ни в какой изоморфный подграф размером $n + 1$: в противном случае они бы содержались в его вложенном подграфе размером n, также изоморфном для двух текстов.

III. *Постобработка результатов*. Как было отмечено выше, алгоритм *VF*2 выявляет изоморфизмы, т. е. графы одинаковой структуры (без учета имен вершин). На данном этапе исследования при анализе аргументационных графов мы ограничиваемся рассмотрением случая точного совпадения имен вершин-схем. Исследование одинаковых конфигураций, образуемых изоморфными подграфами с разными именами вершин, несомненно, также представляет интерес и будет проведено в следующих работах. Постобработка изоморфных подграфов осуществляется с целью фильтрации подграфов с несовпадающими именами вершин.

5. Результаты эксперимента

В данном эксперименте использована коллекция из 25 научных текстов двух предметных направлений: 14 – лингвистика (*Ling*) и 11 – информационные технологии (*Comp*). Аргументационная разметка каждого текста проводилась одним и тем же участвующим в эксперименте экспертом. Объем аннотируемых текстов варьируется от 800 до 1 500 слов; они отличаются выделением большого числа тезисов и подробной детализацией при фиксировании аргументативных связей. Все тексты скачаны из онлайн библиотеки (https://cyberleninka.ru/). Всего в получившихся аннотациях насчитывается 1 066 аргументативных утверждений и 925 схем.

Анализ встречаемости схем аргументации (из характеристики $\Phi_1(A)$) показал, что десяти самых частотных из них достаточно, чтобы хорошо описать употребляемые авторами отдельные модели (приемы) рассуждений: они покрывают 90 % всех схем, примененных для разметки научных текстов. В табл. 1 приведены их названия, обозначения в полной и краткой (используемой далее) формах, абсолютные и текстовые частоты встречаемости в коллекции A (F_{abs}, F_{txt}), а также относительные частоты встречаемости разных схем для отдельных тем, вычисленные по значениям F_{abs}.

Самой частотной в текстах коллекции является схема с поддержкой тезиса примером (*Example*). Эта модель применяется почти во всех работах (24 из 25), но значимо то, что в лингвистических статьях она встречается значительно чаще, чем в статьях по информационным технологиям (71 против 29 %) даже при неравенстве числа тематических текстов в нашей коллекции. Прагматическое обоснование состоит в том, что в работах по лингвистике автору удобно иллюстрировать свои тезисы типичными речевыми примерами. Кроме того, статьям этой тематики свойственен анализ глубинных языковых структур через их наглядные внешние проявления (по схемам *CorrelationToCause* для общих языковых тенденций и *Sign* на уровне частных семиотических переходов; две эти указанные модели встречаются в *Ling* текстах в 69 и 70 % случаев). Наоборот, прикладная направленность работ по IT влечет за собой предпочтение практических доказательств (*PracticalReasoning*). Наконец, обоим предметам присущи прямые причинно-следственных связи (от структуры программы к особенностям функционирования, по схеме *CauseToEffect*) и основательная систематизация описываемых явлений по модели *VerbalClassification*.

Соотношение текстовой и абсолютной частот характеризует избирательность применения отдельных схем авторами. Например, рассуждения от экспертного мнения или конфликта применяются в большем количестве текстов (15), чем модели *PartToWhole* и *Sign* (11 и 12), но при этом уступают им по абсолютным частотам (47 и 34 против 68 и 56). Это объясняется особенностями их употребления в научных текстах.

Таблица 1

Частоты встречаемости отдельных схем аргументации

Table 1

Frequencies of individual argumentation schemes usage.

Схема	Обозначение	Аббр.	F_{abs}	F_{txt}	F_{Comp}, %	F_{Ling}, %
От примера	*Example*	*E*	183	24	29	71
От взаимосвязи к причине	*Correlation to Cause*	*CtoC*	136	22	31	69
Через классификацию	*Verbal Classification*	*VC*	133	21	49	51
От причины к следствию	*Cause to Effect*	*CtoE*	114	23	43	57
От практической цели	*Practical Reasoning*	*PR*	69	20	58	42
От части к целому	*PartToWhole*	*PtoW*	68	11	34	66
От знака к означаемому	*Sign*	*S*	56	12	30	70
От экспертного мнения	*Expert Opinion*	*EO*	47	15	34	66
Через конфликт	*LogicalConflict*	*LC*	34	15	44	56
От применяемого метода	*AppliedMethod*	*AM*	23	12	43	57

Так, при доказательстве главного тезиса достаточно привести ограниченное число чужих авторитетных суждений, на основе которых затем развивается подробный самостоятельный анализ, в котором логические переходы между частью и целым, знаком и означающим способны выстраиваться неоднократно. Конфликты же могут применяться в обосновании главного тезиса через указание возможных возражений и их встречное опровержение, при этом рассмотрение большого числа таких возражений нетипично ввиду отвлечения внимания от основного доказательства. Схожим образом при рассуждении от практической цели (на уровне всего исследования или его отдельного этапа) могут подробно анализироваться пути ее достижения, что отражается в соотношении текстовой и абсолютной частоты схемы: *PracticalReasoning* применяется 69 раз в 20 текстах, в то время как для *PartToWhole* отмечаются схожие 68 реализаций лишь в 11 работах.

В работе [Пименов, 2021] было, однако, показано, что приемы аргументации на уровне применения авторами отдельных схем отличаются и для номинально близких жанров, а именно научного и научно-популярного.

Более сложным приемам аргументации соответствуют подграфы двух типов. Совокупность связанных вершин в них образует либо дерево (далее – «цепочка»), в котором каждая вершина имеет только одно входящее и исходящее ребро, кроме корневой (у нее нет исходящего ребра) и листовой (у нее нет входящего ребра), либо дерево, не обладающее таким свойством (далее – дерево). Следует отметить, что согласно сложившейся в области аргументационных исследований традиции, дуги в дереве ориентированы нетрадиционным образом: от потомков к родительским узлам, что, впрочем, характерно и для некоторых других предметных областей, например теории риторических структур [Taboada, Mann, 2006]. Переориентация дуг может быть проведена однозначно заменой каждой дуги в дереве на направленную противоположным образом: если дуга вела из вершины *a* в вершину *b*, то она заменяется на дугу из *b* в *a*.

Количество всех встретившихся в 2-х и более текстах коллекции разных цепочек (из характеристики $\Phi_n(A)$, $n = 2, ..., 5$) и разных деревьев (из характеристики $\Phi_n(A)$, $n = 3, ..., 8$) – 231 и 221 соответственно. Самые часто встречающиеся в разных текстах коллекции цепочки приведены в табл. 2, а деревья – в табл. 3.

Таблица 2

Частоты встречаемости цепочек аргументов

Table 2

Frequencies of argument sequences usage

N	F_{txt}	F_{Comp}	F_{Ling}	Цепочки
			n = 2	
1	14	7	7	*CtoE→PR*
2	13	4	9	*CtoC→CtoE*
3	12	3	9	*E→CtoC*
4	12	2	10	*CtoE→CtoC*
5	11	5	6	*E→CtE*
			n = 3	
1	8	1	7	*E→CtoC→CtoE*
2	7	4	3	*CtoE→PR→CtoE*
3	6	0	6	*CtoC→CtoE→CtoC*
4	5	1	4	*CtoC→CtoE→MainThesis*
5	5	4	1	*PR→CtE→PR*
			n = 4	
1	5	4	1	*CtoE→PR→CtoE→PR*
2	4	0	4	*E→CtoC→CtoE→CtoC*
3	3	0	3	*CtoE→CtoC→CtoE→MainThesis*
4	3	0	3	*EO→CtoE→CtoC→CtoE*
			n = 5	
1	2	2	0	*E→CtoE→PR→CtoE→PR*
2	2	0	2	*CtoC→CtoE→CtoC→CtoE→MainThesis*
3	2	0	2	*CtoE→E→CtoC→CtoE→MainThesis*
4	2	1	1	*CtoE→PR→CtoE→PR→MainThesis*

Таблица 3

Частоты встречаемости структурных приемов аргументации

Table 3

Frequencies of tree-structured argumentation patterns usage

N	F_{txt}	F_{Comp}	F_{Ling}	Деревья
			n = 3	
1	6	0	6	*CtoC* ↘ *CtoC→CtoE*
2	5	3	2	*CtoC* ↘ *CtoC→MainThesis*
3	5	0	6	*E* ↘ *E→CtoC*
4	4	0	4	*CtoE* ↘ *CtoE→PR*
			n = 4	
1	3	0	3	*PtoW* ↘ *E→PtoW→PtoW*
2	3	3	0	*E* ↘ *E→CtoE→PR*

Окончание табл. 3

N	F_{txt}	F_{Comp}	F_{Ling}	Деревья
3	3	1	2	*E* ↘ *CtoE→PR→CtoE*
				n = 5
1	3	0	3	*CtoC→CtoC* ↘ *CtoC→CtoC→ MainThesis*
2	2	2	0	*VC* ↘ *VC→CtoC* *PtoW→VC* ↗
3	2	1	1	*VC* ↘ *VC→ PtoW→CtoE* *VC* ↗
				n = 6
1	2	2	0	*E* ↘ *E* ↘ *E→ CtoE→PR* *CtoC* ↗
2	2	0	2	*E→CtoC* ↘ *CtoC→ CtoE→CtoC→MainThesis*
3	2	1	1	*CtoC* ↘ *CtoC* ↘ *CtoC→ MainThesis* *CtoE→CtoC* ↗
				n = 7
1	2	2	0	*CtoC* ↘ *CtoC* ↘ *CtoC→ MainThesis* *CtoE→PR→CtoE* ↗
2	2	0	2	*CtoC→CtoE* ↘ *CtoE→ E → CtoC→CtoE→MainThesis*
3	2	1	1	*VC* ↘ *VC* ↘ *VC→ PR* *CtoE→PR→CtoE* ↗
				n = 8
1	2	0	2	*CtoC* ↘ *E→CtoC* ↘ *CtoC→MainThesis* *CtoE→CtoE→Cto*C ↗

Исследование цепочек, проведенное на коллекции научно-популярных и научных текстов и представленное в работе [Саломатина, Пименов, 2021], выявило сильную вариативность в организации схем – самые длинные общие цепочки характеризовались длиной 4 (без учета узла MainThesis).

Анализ приемов аргументации (цепочек и деревьев с тремя и более вершинами) позволил выявить нижеперечисленные зависящие и не зависящие от предмета особенности организации рассуждений в научных текстах коллекции.

Во-первых, если в узлах дерева возникает ветвление, то вне зависимости от уровня узла в большинстве случаев схемы в узлах следующего уровня на разных ветвях будут одинаковы. Это значит, что построение параллельных доводов чаще происходит по одной и той же модели вне зависимости от предметной области текста (см. примеры в табл. 3: схема *MainThesis* (*n* = 3, 5–8) поддерживается несколькими *CorrelationToCause*; *CorrelationToCause* (*n* = 5), *PracticalReasoning* (*n* = 7) и *PartToWhole* (*n* = 5) – несколькими *VerbalClassification*; *CauseToEffect* поддерживается двумя *CorrelationToCause* (*n* = 3) и несколькими *Example* (*n* = 4, 6) и др.

Такое построение свидетельствует о частом использовании так называемой «интенсивной аргументации»: через организацию рассуждения от нескольких аргументов одного типа. Доказательство тезиса через несколько аргументов разных типов является менее регулярным.

Иными словами, если авторы или составители научных текстов выстраивают рассуждение от нескольких доводов, то они регулярно организуют эти аргументы по одинаковой модели рассуждения (при возможном применении нескольких: *CorrelationToCause*, *Example*, *Verbal Classification*). Сочетание двух доводов через разные модели является менее типичным. Отмеченная тенденция может объясняться удобством восприятия: читателю проще осмыслить доказательство от нескольких доводов тогда, когда они все соотносятся с тезисом одинаково. И наоборот, использование нескольких доводов разного типа способно оказаться избыточным, и тогда более убедительным окажется применение лишь одного довода из нескольких доступных.

Во-вторых, корневая (техническая) вершина в графе *MainThesis* (см. п. 2.1) чаще является корнем в дереве, чем конечным звеном в цепочке: в 63-х подграфах из 221 (28,5 %) аргументы направлены непосредственно на доказательство главного тезиса, тогда как среди цепочек примыкают к главному тезису только в 25-ти из 122 (с тремя или более вершинами), т. е. в 20 % случаев. Важно подчеркнуть, что цепочки встречаются и внутри подграфов (при рассмотрении их отдельных путей), в то время как обратное структурно невозможно. Таким образом, для научных текстов в окрестности главного тезиса чаще отмечаются сочетания нескольких аргументов, чем одного завершающего в цепочке.

Причиной этому служит предпочтение в научных текстах многоуровневых доказательств главного тезиса: ключевые выводы анализируются в различных аспектах (возможно, разрозненных, если пути рассуждения не пересекаются вне главного тезиса), а их обоснование обеспечивает аргументационную связность и, следовательно, логико-семантическую целостность всего текста. Поскольку же главный тезис служит связующим элементом для всех путей рассуждения, типичным является выделение смысловых подблоков текста в непосредственной с ним связи.

Наглядный пример для двух указанных наблюдений приведен на рисунке. На нем представлен главный тезис текста (без исходящих связей к каким-либо иным утверждениям), в котором утверждается преимущество одного алгоритма над двумя другими. Три довода в поддержку главного тезиса приведены по одной и той же модели (от положительных результатов), а их обоснование состоит в подробном представлении каждого из алгоритмов по отдельности.

Наконец, в употреблении приемов аргументации отмечается заметное влияние предметно-тематической области. Так, среди 15 наиболее частотных приемов (реализуемых в 5 или более текстах) треть используется исключительно в *Ling*. К этим приемам относятся, например, [E, E → CtC], [CtE → CtC → CtE], [CtC, CtC → CtE], [CtC → CtE → CtC] и [E → CtC → CtE]. Несмотря на высокую частоту каждой из этих схем по отдельности (в том числе внутри текстов по *Comp*: по абсолютным значениям частоты указанные модели уступают в них только классификационной схеме VC), их указанные комбинации применяются только в текстах одной группы.

Такая особенность обусловливается предметно-тематическими ограничениями на сочетаемость схем: модели *Example*, *CauseToEffect* и *CorrelationToCause* применяются в работах

по *Comp* не совместно друг с другом, а с добавлением иных схем. К примеру, цепочка [CtE → PR → CtE], отличающаяся на одну замену от [CtE → CtC → CtE], встречается в 3-х статьях по *Ling* и в 4-х по *Comp*.

Предметно-тематические особенности аргументации проявляются и в конфигурации деревьев, что особенно заметно при $n > 4$. Деревья, характеризующие приемы аргументации, применяемые в *Ling*, значительно реже демонстрируют интенсивное ветвление в вершинах (что часто проявляется в корневой вершине) в отличие от текстов *Comp*. Исключение составляют случаи применения моделей *Example* и *VerbalClassification*, которые встречаются при интенсивном ветвлении в вершинах деревьев, характеризующих аргументационные приемы в текстах обеих предметных тематик.

Заключение

На коллекции русскоязычных научных текстов с «ручной» разметкой аргументации, построенной в виде графа с вершинами-утверждениями и вершинами-схемами, связывающими эти утверждения согласно реализуемой модели рассуждения, проведено количественное исследование по применению приемов аргументации разными авторами. Под приемами в данной работе понимается использование повторяющихся отдельных моделей рассуждения и образуемых ими повторяющихся структур (подграфов). Использовано описание аргументационных аннотаций и всей коллекции в форме совместного спектра характеристик, содержащих повторяющиеся приемы с их абсолютными и текстовыми частотами. Получены частотные характеристики употребления отдельных схем аргументации и подграфов двух видов: цепочек схем и деревьев разной глубины. Для выявления структурных приемов, содержащих три и более схем аргументации, использован трехэтапный алгоритм поиска общих подграфов в графах аргументации, включающий 1) предобработку графов аргументации, главным в которой является разбиение графов на подграфы с фиксированным числом вершин; 2) поиск изоморфных подграфов с помощью алгоритма *VF2* и 3) постобработку для выявления рассматриваемых на данном этапе подграфов с точным совпадением имен вершин-схем. На основе частотных характеристик приемов аргументации продемонстрированы их общие свойства для научных текстов и специфические особенности в зависимости от темы текста (предпочтительное употребление отдельных схем, ограничения на сочетаемость схем внутри цепочек, различия в конфигурации деревьев).

Полученные результаты могут быть использованы для определения близости текстов по применяемым в них приемам (что может быть полезно при классификации и кластеризации текстов), для оценки убедительности текстов, для формального синтеза аргументации.

Список литературы

Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: ИД ЯСК, 2019. 376 с.

Лукашевич Н. В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 512 с.

Пименов И. С. Специфика аргументационного аннотирования научных и научно-популярных текстов // Корпусная лингвистика – 2021: Тр. Междунар. конф. СПб.: Скифия-принт, 2021. ISBN 978-5-98620-557-1

Саломатина Н. В., Пименов И. С. N-граммный анализ аргументационных аннотаций текстов // Знания – Онтологии – Теории (ЗОНТ): Тр. Междунар. конф., 2021. URL: https://drive.google.com/file/d/1vLlHJk_cjYaSK9lwpw1i2HPNr8Qtmy1t/view

Сидорова Е. А., Ахмадеева И. Р., Загорулько Ю. А., Серый А. С., Шестаков В. К. Платформа для исследования аргументации в научно-популярном дискурсе // Онтология проектирования. 2020. Т. 10, № 4 (38). С. 489–502.

Al-Khatib, K., Wachsmuth, H., Hagen, M., Stein, B. Patterns of Argumentation Strategies across Topics. In: Proc. of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language. Copenhagen, Denmark, 2017, pp. 1351–1357.

Anand, P. et al. Believe Me – We Can Do This! Annotating Persuasive Acts in Blog Text. In: Computational Models of Natural Argument. San Francisco, CA, USA, 2011, August 7.

Cordella, L. P., Foggia, P., Sansone, C., Vento, M. A (Sub)Graph Isomorphism Algorithm for Matching Large Graphs. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 2004, vol. 26, no. 10, pp. 1367–1372.

El Baff, R., **Wachsmuth, H., Al Khatib, Kh., Stede, M., Stein, B.** Computational Argumentation Synthesis as a Language Modeling Task. In: Proc. of the 12th International Conference on Natural Language Generation. Tokyo, Japan, 2019, pp. 54–64.

Hagberg, A. A., Schult, D. A., Swart, P. J. Exploring network structure, dynamics, and function using NetworkX. In: Proc. of the 7th Python in Science Conference (SciPy2008). Pasadena, CA, USA, 2008, pp. 11–15.

Fishcheva, I., Kotelnikov, E. Cross-Lingual Argumentation Mining for Russian Texts. In: Proc. of the 8th International Conference "Analysis of Images, Social Networks and Texts". Kazan, 2019, pp. 134–144.

Jiang, C., Coenen, F., Zito, M. A Survey of Frequent Subgraph Mining Algorithms. *The Knowledge Engineering Review*, 2004, no. 000(1), pp. 1–31.

Lawrence, J., Reed, C. Argument Mining: A Survey. *Computational Linguistics*, 2019, vol. 45, no. 4, pp. 765–818.

Lippi, M., Torrony, P. Argumentation Mining: State of the Art and Emerging Trends. *ACM Transactions on Internet Technology*, 2016, vol. 16, article 10.

Madnani, N., Heilman, M., Tetreault, J., Chodorow, M. Identifying high-level organizational elements in argumentative discourse. In: Proc. of the 2012 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. Montréal, Canada, NAACL, Association for Computational Linguistics, 2012, pp. 20–28.

Rahwan, I., Reed, C. The argument interchange format. In: Rahwan, I., Simari, G. (eds.). Argumentation in artificial intelligence. Springer, 2009, pp. 383–402.

Taboada, M., Mann, W. Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead. *Discourse Stud*., 2006, no. 8, pp. 423–459.

Ullmann, J. R. An Algorithm for Subgraph Isomorphism. *Journal of the ACM*, 1976, vol. 23 (1), pp. 31–42.

Wachsmuth, H., Stede, M., El Baff, R., Al-Khatib, K., Skeppstedt, M., Stein, B. Argumentation Synthesis following Rhetorical Strategies. In: Proc. of the 27th International Conference on Computational Linguistics. Santa Fe, New Mexico, USA, 2018, pp. 3753–3765.

Walton, D., Reed, C., Macagno, F. Argumentation schemes Fundamentals of critical argumentation. New York, Cambridge Uni. Press, 2008, 443 p.

Xinyu Hua, Lu Wang. Understanding and Detecting Supporting Arguments of Diverse Types. In: Proc. of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Vancouver, Canada, ACL Association for Computational Linguistics, 2017, vol. 2, pp. 203–208.

References

Al-Khatib, K., Wachsmuth, H., Hagen, M., Stein, B. Patterns of Argumentation Strategies across Topics. In: Proc. of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language. Copenhagen, Denmark, 2017, pp. 1351–1357.

Anand, P. et al. Believe Me – We Can Do This! Annotating Persuasive Acts in Blog Text. In: Computational Models of Natural Argument. San Francisco, CA, USA, 2011, August 7.

Cordella, L. P., Foggia, P., Sansone, C., Vento, M. A (Sub)Graph Isomorphism Algorithm for Matching Large Graphs. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, 2004, vol. 26, no. 10, pp. 1367–1372.

El Baff, R., **Wachsmuth, H., Al Khatib, Kh., Stede, M., Stein, B.** Computational Argumentation Synthesis as a Language Modeling Task. In: Proc. of the 12th International Conference on Natural Language Generation. Tokyo, Japan, 2019, pp. 54–64.

Hagberg, A. A., Schult, D. A., Swart, P. J. Exploring network structure, dynamics, and function using NetworkX. In: Proc. of the 7th Python in Science Conference (SciPy2008). Pasadena, CA, USA, 2008, pp. 11–15.

Fishcheva, I., Kotelnikov, E. Cross-Lingual Argumentation Mining for Russian Texts. In: Proc. of the 8th International Conference "Analysis of Images, Social Networks and Texts". Kazan, 2019, pp. 134–144.

Inkova, O., Manzotti, E. Text coherence: mereological logico-semantic relations. Moscow, LRC Publ., 2019, 376 p. (in Russ.)

Jiang, C., Coenen, F., Zito, M. A Survey of Frequent Subgraph Mining Algorithms. *The Knowledge Engineering Review*, 2004, no. 000(1), pp. 1–31.

Lawrence, J., Reed, C. Argument Mining: A Survey. *Computational Linguistics*, 2019, vol. 45, no. 4, pp. 765–818.

Lippi, M., Torrony, P. Argumentation Mining: State of the Art and Emerging Trends. *ACM Transactions on Internet Technology*, 2016, vol. 16, article 10.

Lukashevich, N. V. Thesauri in Information Retrieval Problems. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2011, 512 p. (in Russ.)

Madnani, N., Heilman, M., Tetreault, J., Chodorow, M. Identifying high-level organizational elements in argumentative discourse. In: Proc. of the 2012 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. Montréal, Canada, NAACL, Association for Computational Linguistics, 2012, pp. 20–28.

Pimenov, I. S. On argumentation annotation of scientific and popular science texts. In: Corpus Linguistics – 2021. Proc. of the International Conference. St. Petersburg, Skifia Print, 2021. (in Russ.) ISBN 978-5-98620-557-1

Rahwan, I., Reed, C. The argument interchange format. In: Rahwan, I., Simari, G. (eds.). Argumentation in artificial intelligence. Springer, 2009, pp. 383–402.

Salomatina, N. V., Pimenov, I. S. The N-gram analysis of argumentation annotations of texts. In: Knowledge – Ontology – Theory. Proc. of the VIII International Conference, 2021. (in Russ.) URL: https://https://drive.google.com/file/d/1vLlHJk_cjYaSK9lwpw1i2HPNr8Qtmy1t/view

Sidorova, E. A., Akhmadeeva, I. R., Zagorulko, Yu. A., Sery, A. S., Shestakov, V. K. Research platform for the study of argumentation in popular science discourse. *Ontology Design*, 2020, vol. 10, no. 4 (38), pp. 489–502. (in Russ.)

Taboada, M., Mann, W. Rhetorical Structure Theory: Looking back and moving ahead. *Discourse Stud*., 2006, no. 8, pp. 423–459.

Ullmann, J. R. An Algorithm for Subgraph Isomorphism. *Journal of the ACM*, 1976, vol. 23 (1), pp. 31–42.

Wachsmuth, H., Stede, M., El Baff, R., Al-Khatib, K., Skeppstedt, M., Stein, B. Argumentation Synthesis following Rhetorical Strategies. In: Proc. of the 27th International Conference on Computational Linguistics. Santa Fe, New Mexico, USA, 2018, pp. 3753–3765.

Walton, D., Reed, C., Macagno, F. Argumentation schemes Fundamentals of critical argumentation. New York, Cambridge Uni. Press, 2008, 443 p.

Xinyu Hua, Lu Wang. Understanding and Detecting Supporting Arguments of Diverse Types. In: Proc. of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Vancouver, Canada, ACL Association for Computational Linguistics, 2017, vol. 2, pp. 203–208.

Информация об авторах

Иван Сергеевич Пименов, аспирант
Наталья Васильевна Саломатина, кандидат физико-математических наук
Мария Кирилловна Тимофеева, доктор филологических наук

Information about the Authors

Ivan S. Pimenov, Postgraduate Student
Natalia V. Salomatina, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics)
Mariya K. Timofeeva, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 25.11.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2022; *принята к публикации 01.02.2022*
The article was submitted 25.05.2021;
approved after reviewing 01.02.2022; *accepted for publication 01.02.2022*

Научная статья

УДК 81’42
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-37-48

Конфликт комического и рационального в кинодиалогах микрометражных фильмов

Денис Александрович Сухих [1]
Вера Евгеньевна Горшкова [2]

[1, 2] Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

[1] aldersein@icloud.com, https://orcid.org/0000-0002-7251-898X
[2] gorchkova_v@mail.ru, prof.gorchkova@yahoo.fr, https://orcid.org/0000-0001-8765-5234

Аннотация

Рассматривается проблема конфликта комического и рационального в кинодиалогах микрометражных фильмов. Анализ комического как феномена, присущего исключительно человеку, и как формы демонстрации в аргументации научно-популярного дискурса и кинодиалога осуществлен на материале микрометражных фильмов серии «Tu mourras moins bête», снятых по комиксам французского художника-карикатуриста Марион Монтень. Исследование показывает частотность использования комического в научно-популярном дискурсе, повышая его прагматический потенциал за счет аудиовидеоряда и расширяемого диапазона используемых средств комического, среди которых выделяется форма демонстрации в аргументации и абсурд как демонстрация профанного знания. Форма демонстрации в аргументации не только выполняет увлекательную и развлекательную функции, но и наглядно представляет сложную для восприятия информацию. Абсурд, предполагающий двоемирие, создает игру со зрителем, в которой посредством аудиовидеоряда показывается нелепость наивной картины мира, что с большей эффективностью способствует распространению знания благодаря выраженному конфликту комического и рационального.

Ключевые слова

кинодиалог, микрометражный фильм, комическое, научно-популярный дискурс, абсурд

Для цитирования

Сухих Д. А., *Горшкова В. Е.* Конфликт комического и рационального в кинодиалогах микрометражных фильмов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 37–48. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-37-48

The Conflict of the Comical and the Rational in Short-Short Film Dialogues

Denis A. Sukhikh [1]
Vera E. Gorshkova [2]

[1, 2] Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

[1] aldersein@icloud.com, https://orcid.org/0000-0002-7251-898X
[2] gorchkova_v@mail.ru, prof.gorchkova@yahoo.fr, https://orcid.org/0000-0001-8765-5234

Abstract

This article considers the conflict of the comical and the rational in the dialogues of the short-short film serial entitled “Tu mourras moins bête” (“You will die less stupid”) produced on the basis of comics of a French artist and caricaturist Marion Montaigne and broadcast by the French-German company ARTE. In the framework of the study we define

© Сухих Д. А., Горшкова В. Е., 2022

a short-short film as a comic microfilm text whose structure includes a thesis and an argumentation sentence with an unexpected ending. This meets the specificity of the present popular scientific discourse both to inform and influence the viewer, thus making the interpretation easier.

Analyzing the comical in popular scientific discourse, we rely on its conceptualization by the French philosopher Henri Bergson proposed in his essay "Laughter". He considers the comic as the phenomenon appropriate only to the humans. Defined as the formula of laughter and a way of semiotization of funny aspects, the comical is used to express emotions which reinforce the impression the viewer receives from the information in the text. It is argued that due to frequent usage of the comical (typical of everyday speech) the author manages to convey both the rational and the emotional information in popular scientific discourse.

A video sequence provides a good example of the two trends' interaction in popular scientific discourse. The rational verbal description which already contains the main information needs to be demonstrated as the part of argumentation. In the film it is the borderline symptoms (manifestations) which are discussed and one of them "anger / impulsivity" is demonstrated in a comical form. The dialogue demonstrates the above symptoms of the character's behavior with his/her usage of slang and vulgar language to make the situation funny and to add a stronger argumentative force to it.

Another characteristic form of presenting knowledge in argumentation is realized by means of nonsense which makes the conflict of the rational and the comical possible. A necessary condition for it is the creation of two worlds (planes): one is real and rational, the other is fictional and irrational. Absurdity is supposed to play a game with the viewer in which audio and video sequence shows the absurdity of the naïve worldview in order to get home the knowledge more effectively.

Keywords

film dialogue, short-short film, the comical, nonsense, popular science discourse, infotainment

For citation

Sukhikh, D. A., Gorshkova, V. E. The Conflict of the Comical and the Rational in Short-Short Film Dialogues. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 37–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-37-48

Введение
Специфика научно-популярного дискурса и комического

С учетом непрерывного развития киноиндустрии проблемы экранного искусства, непосредственно отражающиеся в формах коммуникации и выводящие на первый план так называемую «визуальную грамотность» (visual literacy), не теряют своей актуальности. В ракурсе данного исследования находится кинодиалог микрометражных фильмов серии «Tu mourras moins bête», рассчитанной в значительной степени на подростковую аудиторию. Фильмы сняты по комиксам [1] французского художника-карикатуриста Марион Монтень [2] и демонстрируются каналом франко-немецкой компании ARTE с 2016 г. Каждая серия представляет собой отдельное законченное трехминутное произведение, объединенное сквозными персонажами, такими как профессор Мусташ и его достаточно взрослый, но очень наивный ассистент Натанаэль. Серия насчитывает сто фильмов, каждый из которых отражает конкретную научную проблематику и направлен на ее решение в игровой (комической) форме (см. подробнее [Сухих и др., 2020]). Собственно цель данной статьи заключается в обосновании взаимодействия комического и рационального в научно-популярном дискурсе с использованием функционально-прагматического подхода.

Микрометражный фильм определяется нами как комический кинотекст малой формы, построенный в форме тезисно-аргументативного высказывания (рассуждения) с неожиданной концовкой. Кинодиалог таких фильмов трактуется нами как «вербальный компонент художественного фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным (звукозрительным) рядом в общем дискурсе фильма» [Горшкова и др., 2014, с. 9].

[1] Отметим, что французская традиция развития этого визуально-вербального жанра специфична, и поэтому у французского термина «банд дессине» (bandes dessinées) отсутствует развлекательная коннотация, в отличие от тех же американских комиксов. Акцент во французском комиксе ставится прежде всего на увлекательности, а не на развлекательности [Дебренн, 2021, с. 170]. При этом нельзя не отметить присутствие последней, хоть и не в столь явном виде.

[2] Montaigne Marion. Tu mourras moins bête. URL: http://tumourrasmoinsbete.blogspot.com (дата обращения 06.12.2021).

Особенность научно-популярного дискурса анализируемых микрометражных фильмов заключается в гибридном характере используемых средств выражения авторской интенции, интегрирующих из-за специфичности своего адресата как рациональное, так и комическое.

Действительно, базовым отличием научно-популярного дискурса от собственно научного (преследующего цель изложения непосредственно научного знания) является то, что распространение научного знания реализуется путем комбинации познавательного и увлекательного способов означивания в творческой и компрессированной форме с опорой на иронию и сарказм. Такая взаимосвязь становится возможной благодаря как можно более органичной интеграции комического, рационального и игрового начал массовой научно-популярной коммуникации.

В настоящее время некогда «классический» научно-популярный текст как преимущественно простое, ясное и доступное представление результатов научных изысканий в форме своеобразного внутриязыкового перевода, если воспользоваться критериями Р. Якобсона, со строгого языка науки на «язык» широкой публики со средним образованием, постепенно уходит в прошлое. Научно-популярный дискурс перестает быть преимущественно способом «вульгаризации» научных результатов, а рассматривается, скорее, как коммуникативная практика в рамках сферы научного общения, устанавливающей связь между исследователем и его адресатом, не подготовленным к формально-научной коммуникации и не владеющим достоверными знаниями в данной конкретной области, хотя и освоившим некоторые расхожие и потому нередко мифические представления о ней. Меняется и адресат научно-популярного дискурса, что обусловлено изменением принципов усвоения и использования знаний подрастающим поколением. Соответственно, современная реальность требует от науки не только ясного обозначения своих результатов для максимально разнообразной аудитории, но и убеждения в их состоятельности, обоснованности и реализуемости [Вольф, 2020, с. 427].

В этой связи особую важность приобретает прагматическая функция научно-популярных кинопроизведений. Другими словами, важно не только то, ЧТО автор намерен передать, но и то, КАК эта прагматико-коммуникативная установка реализуется. Именно параметр адресата становится определяющим в плане формы подачи научного материала и трактовки жанра научно-популярного кинопроизведения в целом. С учетом этого на первый план выходит не стремление к гибридизации как таковое, а то, КАК автор организует взаимодействие элементов разных жанров между собой, придавая им новые свойства и подчиняя их новым закономерностям в рамках логической категории единства части и целого. Такой подход очень четко обозначен кинотеоретиком С. И. Фрейлихом в отношении фильма «Броненосец “Потемкин”», когда он говорит, что сюжетный материал может быть выстроен по принципу хроники, но действовать как драма [Фрейлих, 2013, с. 73]. Аналогично микрометражный фильм по внешней форме рассматривается как развлекательное произведение, тогда как его композиционно-структурная организация позволяет говорить о нем как о научно-популярном тексте.

Адресат последнего, в отличие от строго научного формально-логического дискурса, посредством которого автор обращается, главным образом, к группе единомышленников / экспертному сообществу, является профаном. Прагматическая функция научно-популярного дискурса заключается в том, чтобы заинтересовать, увлечь и в какой-то степени развлечь зрителя. Поэтому при выборе предметной области и адресата, научно-популярный жанр представляет его не в терминах той или иной науки с учетом норм ее конвенционального дискурса, а с помощью синтеза различных стилистических и композиционно-речевых замен, если снова воспользоваться переводческой аналогией. Художественность проявляется в опосредованности изложения материала или в создании конкретных наглядных образов. Разговорно-бытовой стиль привносит образность, субъективность и экспрессию [Фудель, Васильева, 1972, с. 98–99], органичные для адресата научно-популярного фильма, длительность которого подталкивает к динамичности.

Вышесказанное обусловливает жанрово-стилистические особенности научно-популярного дискурса, проявляющиеся в свойственной ему диалогичности, повышенной экспрессивности, упрощении содержания и формы изложения.

Особую роль в данном контексте приобретает экспрессивность как свойство языковых единиц, позволяющее им выражать «эмоциональное состояние говорящих в момент речи, характеризовать и давать субъективные оценки окружающим предметам и другим людям, усиливать впечатление адресата от полученной им информации, воздействовать на него, побуждая к ответной реакции» [Лукьянова, 2015, с. 187]. Всякое усиление экспрессивности укрепляет диалогические позиции участников коммуникации, поскольку, как отмечал М. М. Бахтин, именно экспрессия (оценка действительности) и их субъективное отношение к предшествующей и последующей реплике, а не предметно-логическое значение употребленных ими слов определяют стиль общения. Речь определяет и отношение к собеседнику, и отношение к предмету [Бахтин, 1997, с. 211–217].

Выражению экспрессивности способствуют разные средства комического, используемые автором для более сильного прагматического воздействия на зрителя. В принципе, комическое в той или иной форме свойственно всем типам дискурса [Архипов, 2007, с. 112], что обусловливает непреходящую актуальность изучения данного феномена (см. [Клименко, 2007; Мечковская, 2007; Сычев, 2003; Attardo, 1994; Bergson, 1900; Irony in language..., 2007; Lipińska, 2020; Raskin, 1984] и др.).

Стремительное развитие средств комического можно объяснить тем, что в XX–XXI вв. значительно увеличилась насыщенность повседневной жизни элементами игры-насмешки. Доказательством этому служит сокращение количества «серьезного» в искусстве в пользу пародийно-игрового и иного комического; уменьшение доли «серьезного» в повседневном неформальном общении, что находит отражение в преобладании насмешек, шуток, ёрничества, пародии, издевок в речи [Мечковская, 2007, с. 142–143], свидетельствующих об увеличении насыщенности дискурса элементами комического.

Собственно комическое трактуется нами как «человеческий способ семиотизации смеховой стороны нашего бытия» [Радбиль, 2007, с. 686]. Другими словами, комическое выступает в качестве формулы смешного.

Ограничимся приведенным выше определением, учитывая, что в филогенезе сознания отсутствует прототипическая содержательная категория смешного. Следовательно, между «смешным» и «несмешным» не существует объективной границы; не бывает также и универсального смешного [Мечковская, 2007, с. 144]. При этом если что-либо может кого-то рассмешить, то это не значит, что это «что-либо» будет понятным и смешным для каждого. Отсюда следует, что смешное *a priori* свойственно человеку, и в качестве фундаментального доказательства этого процитируем вывод французского философа А. Бергсона о том, что комическое невозможно вне человеческого: «Il n'y a pas de comique en dehors de ce qui est proprement humain» [Bergson, 1900, p. 3]. Но смешное, вместе с тем субъективно, и это значит, что оно раскрывается во всей полноте лишь в том культурном слое (или субкультуре), к которому принадлежит носитель национальной культуры. Человек, по мнению И. К. Архипова, сам себя смешит, констатируя нарушение нормы, которую он сам для себя установил с учетом мнения других [Архипов, 2007, с. 115–116], но прежде всего тех, кто ориентируется на те же субкультурные ценности. Подчеркнем при этом, что для создания комического эффекта комическое не должно быть самоцелью.

Использование комического в разных жанрах вводит особую шутливую тональность, позволяющую выражать отношение говорящего к предмету обсуждения и моделировать восприятие адресата в диалоге. В этой связи уровень тональности комического в диалоге соответствует эмоциональной силе реплики говорящего. Отсюда следует, что чем сильнее комическое, тем насыщеннее экспрессивность, служащая для воздействия на зрителя.

Справедливо задать вопрос, касающийся преобладания комического в «серьезном» жанре. Будут ли смещены акценты вследствие перевеса в сторону комического, что переведет

«серьезный» жанр в сферу «несерьезного» и развлечения? По мнению Т. Б. Радбиль, комическое не ведет к деструкции, наоборот, оно служит средством исправления аномальности настоящего мира и системы ценностей, творчески привнося аномальность в существующий мир [Радбиль, 2007, с. 688]. В этом смысле в научно-популярном дискурсе обнаруживается тенденция, согласно которой при коммуникативно-прагматическом воздействии автор сообщает как рациональную, так и эмоциональную информацию.

Проиллюстрируем взаимосвязь комического и рационального на примере кинодиалогов микрометражных фильмов.

Конфликт комического и рационального

Для достижения успеха в коммуникации информация должна быть сформулирована адекватно и экспрессивно. Эффективность высказывания зависит от степени передаваемой экспрессивности автора. Максимальное достижение цели коммуникативного акта зависит от вербального оформления мысли и целого ряда иных факторов. Так, нельзя игнорировать экстралингвистические факторы (внешность, стиль, мимику, жесты персонажей, коммуникативную ситуацию в целом).

Подчеркнем, что человек, «играющий» словами, неизбежно снижает уровень серьезности ситуации общения. Следовательно, снижение уровня серьезности ведет к снижению естественного напряжения в диалоге у слушающего, принадлежащего к той же самой культуре или субкультуре, что, в целом, облегчает восприятие по-новому поданной информации [Левицкий, 2007, с. 295], поскольку бросает «вызов» стереотипным формам ее передачи. При этом смех может вызывать как форма подачи информации, так и ее содержание.

Каким же образом рациональное взаимодействует с комическим в научно-популярном дискурсе? В фильме «*La triste vie de Darth Vader*» (*Грустная жизнь Дарта Вейдера*) комическое выступает в качестве формы, как аргументативное средство демонстрации, поскольку для объяснения некоего научного явления его необходимо продемонстрировать, а не просто рассказать о нем.

> *– Deux psychiatres français ont soumis la personnalité de Dark Vador au DSM-VI, le manuel diagnostique et statistique de trouble mentaux. Résultat: Dark était totalement borderline. Rappelons les symptômes du trouble de la personnalité borderline. Premièrement: l'impulsivité et la colère.* – Два французских психиатра проверили личность Дарта Вейдера по методике «Диагностико-статистического руководства по психическим расстройствам». Вывод: у Вейдера обнаружено пограничное психическое расстройство. Напоминаем вам его симптомы: во-первых, импульсивность и приступы гнева.

Данная реплика профессора Мусташа на примере известного антагониста «Звездных войн» Дарта Вейдера характеризует рациональный ход мысли, оформленной как описание. В конце реплики приводится один из симптомов психического расстройства, хотя множественное число существительного настраивает зрителя на то, что далее речь пойдет о нескольких симптомах. Комического как такового в описании практически нет, так как второй симптом оказывается прямым следствием первого, а вместе они настолько привычны в поведении обычного человека, что можно говорить об отсутствии аномалии. Последняя проявляется все-таки в последующем диалоге между наставником Йодой – положительным героем, выступающим в качестве учителя, и Энакином [3] (Дартом Вейдером в молодости), которому Йода объясняет азы школьной программы.

[3] Французское произношение устраняет из него всякие признаки английского имени – Анаке́н (с ударением на последнем слоге). Подобная ономастическая «апроприация», т. е. принудительная ассимиляция, чрезвычайно характерна для французской истории. Фигурирующая здесь форма Энакин является гибридной и своим первым слогом сохраняет принадлежность героя к американской культуре, пусть и вопреки французским правилам. Подробнее см. [Фефелов, 2017].

Yoda: De quatre, la racine carrée c'est... – Йода: Квадратный корень из числа четыре…
Anakin: Je pige rien ce que tu me raccontes, une vieille grenouille. – Энакин: Да я отстань ты, не въезжаю я, старая жаба.
Yoda: Nul en maths, Anakin, tu es. – Йода: Ноль, Энакин, в математике ты ноль.

Значение французского слова *grenouille* – лягушка, но для достижения адекватного прагматического эффекта его следует заменить «жабой», поскольку в русской лингвокультурной среде словосочетание «старая лягушка» не обладает воздействующим потенциалом, в отличие от пейоративного «старая жаба», отлично выявляющего культурный уровень американского героя.

Продолжим анализ данного примера. С одной стороны, диалог отчетливо показывает вспыльчивость персонажа, в реплике которого используется сленг (piger – въезжать, врубаться) для обозначения процесса понимания, а также эмоционально-окрашенная сниженная лексика (une vieille grenouille), служащая для передачи экспрессии с ярко выраженной вербальной агрессией, демонстрирующей гнев Энакина. Использование сниженной лексики позволяет, с одной стороны, подтвердить наличие приведенных выше симптомов, а с другой – создать практически «на пустом месте» комической эффект, эксплицируемый видеорядом, красочно показывающим формы проявления буйства Энакина: они таковы, что вполне оправдывают диагноз «пограничное психическое расстройство», с которого был начат анализ. Заметим также для полноты картины, что в микрометражном фильме постоянно имплицируется и «глухое» франко-американское межкультурное противостояние – диагноз американскому антагонисту выносится французскими психиатрами, а жизнь знаменитого персонажа квалифицируется в названии словом *безрадостная* (печальная, грустная и т. д.).

Рисунок 1 отражает семантику слов *импульсивность* и *приступ гнева*, когда учитель объясняет взрослому человеку азы школьной программы. Но комизм данной ситуации в контексте всего фильма рассчитан на понимание зрителем своеобразного оксюморона: он видит перед собой Героя, готового совершать межпланетные путешествия, но не способного выполнить простейшее математическое действие. Такой нестандартный сюжетный ход диалога и становится причиной возникновения комического эффекта. При этом смешное заключается также в абсолютной невозмутимости учителя в ответ на использование учеником сниженной эмоционально-окрашенной лексики (une vieille grenouille), направленной в его адрес. Демонстрация разницы в поведении персонажей создает контраст, основанный на противопоставлении личных культур. К тому же реакция учителя тоже несколько «пограничная», что подтверждается явной эмоциональной и содержательной резкостью его вербально выраженного заключения, хотя, в отличие от ученика, он сохраняет полное спокойствие, причем у рисовальщика оно ассоциируется с образом скорее древнего китайского мудреца, а не европейца.

Рис. 1. Урок математики
Fig. 1. Math lesson

Безусловно, тривиальная демонстрация разгневанного персонажа, может, и произвела бы комический эффект, но его воздействие на зрителя было бы слабее в сравнении с диалогом, в котором реплика говорящего эксплицируется комическим видеорядом, что значительно усиливает впечатление зрителя от информации, полученной в одной лишь вербальной форме. Отсюда следует, что комическое как форма демонстрации аргументации в научно-популярном дискурсе повышает прагматический потенциал сказанного, приводит к более эффективной «вульгаризации» знаний за счет увлекательности сюжета и развлекательности, привносимой комическим.

Немаловажен и другой аспект исследуемой проблемы. Демонстрация знания в аргументации может реализовываться и посредством абсурда, что приводит к открытому конфликту рационального и комического. Любопытно, что семиотическая природа комического хорошо прослеживается в способе интерпретации одного и того же события. По мнению Т. Б. Радбиль, необходимым условием комического является возникновение двоемирия: «на фоне нормального ожидаемого стереотипного мира возникает другой, со смешанными ориентирами» [2007, с. 687]. Соответственно, суть комического заключается в фиксации или порождении аномальности, обнаруживающей две несовпадающие точки зрения на мир. Следовательно, комическое направлено на порождение «возможного мира» из существующего, установления определенного двоемирия (предполагаемого / воображаемого и реального). Причем в этом одновременно обнаруживается и акт остранения наблюдателя от существующего положения вещей в реальном мире [Там же].

При образовании двух миров допускается возможность столкновения рационального и иррационального. В последнем задействуется логика абсурда, демонстрирующая прагматику наивного сознания. Наиболее ярко это показано в фильме «*Les parachutes*» (Парашюты). Началом рассуждения выступает реплика героини по имени Жюли:

– *Cher prof, pourquoi n'y a-t-il pas de parachute pour chaque passager dans les vols long-courrier?* – Уважаемый препод, почему на дальнемагистральных самолетах нет парашютов для всех пассажиров?

С одной стороны, ответом на данный вопрос может быть аргументативное и логичное высказывание Мусташа, который в данном фильме выступает с двух позиций (рациональной и иррациональной):

– *Julie, réfléchissez un peu! Des parachutes? Entre les gilets de sauvetage, l'écran, les journaux, l'oreiller, des jambes, un siège devant, le tout dans un espace de 25 cm carrés, vous le mettez où le parachute de 12 kilos?* – Жюли, ну подумайте немного! Там и спасательный жилет, экран, газеты-журналы, подушка, ноги... Всего 25 см^2 пространства перед спинкой. А парашют – это 12 кг... куда вы его положите?

С другой стороны, актуальный смысл реплики Жюли заключается в том, что наличие парашюта для каждого пассажира предполагает его использование в случае чрезвычайной ситуации. Моделирование данной ситуации происходит в воображаемом мире посредством метафоры, что позволяет посмотреть на проблему под углом допущения возможности перевозки всех парашютов на борту самолета. При этом в фильме показывается, что парашюты закреплены с наружной стороны фюзеляжа, что усиливает абсурдность ситуации.

– *Bref, imaginons qu'on ait assez de place dans notre A380 pour transporter des parachutes de 12 kg pour 853 passagers, soit 10 tonnes de parachutes.* – Короче, представим, что в нашем А380 достаточно места для перевозки парашютов по 12 кг каждый для 853 пассажиров, что в сумме даст 10 тонн.

Аномальность, свойственная комическому, позволяет ввести условия, которые будут следовать логике абсурда. Как считает Т. Н. Клименко, абсурд нарушает привычные, закрепленные в народной памяти смысловые блоки значений, искажая реальную картину мира, создает алогичный мир фантазии, где действует иная, подчиненная законам игры логика творческой личности [Клименко, 2007, с. 232–233]. Покажем это на примере диалога пилотов из того же микрометражного фильма:

– *Hé, tu vas rire.* – Вот умора!
– *Quoi?* – Че такое?

– *Y a plus d'essence. J'ai plus ou moins oublié de compter le poids des parachutes. Désolé.* – Да топливо выработали. Блин, я забыл про вес парашютов! Извини.
– *Tu leur dis?* – Ты им так и объявишь?
– *Vas-y.* – Давай ты.
– *A toi l'honneur.* – Ну, нет. Это твоя почетная миссия.
– *Non.* – Не-е.

Данный диалог, вербально моделирующий ситуацию катастрофы, предельно ясно отражает логику абсурда. Гипотетическая виртуальная ситуация, «вызванная» упущением пилота, забывшего учесть при заправке самолета топливом 10-тонный вес парашютов, предназначенных для спасения пассажиров, разворачивается как реальная. В этой ситуации пассажирам остается только прыгать. Акцент поставлен на якобы «мелочи»: кто им должен сообщить об этом? Пилоты начинают препираться между собой, причем в шутливой тональности с элементами французского сарказма. Весь этот воображаемый диалог рассчитан на уровень развития и информированность Жюли; ей (и профанному адресату) будет проще понять в такой эмоционально-экспрессивной подаче, почему парашюты не смогут спасти пассажиров. Далее этот вывод переформулируется, но уже в корректной рационально-логической форме. Там же вводятся еще две переменные: температура и разреженность воздуха.

– *Le long-courrier n'est pas idéal pour sauter en parachute, car il vole trop vite et trop haut. Tout le monde risque crever de froid et d'asphyxie, mais imaginons...* – Дальнемагистральный самолет не идеален в плане прыжков с парашютом, так как он летит слишком быстро и слишком высоко. Пассажиры рискуют околеть от холода и от асфиксии еще в воздухе, однако представим, будто это возможно.

Реплика Мусташа «mais imaginons» переводит ход рассуждения с учетом этих переменных в иной, *теоретически* возможный мир. Задача абсурдиста заключается в том, чтобы доказать ложное, логически оперируя невозможным. Так, чтобы показать, как он может защититься от сильного холода и от асфиксии, Мусташ надевает теплую кофту поверх парашюта, сопровождая действие английским вкраплением[4] «ready» и соответствующим жестом (рис. 2). С рациональной точки зрения программа спасения Мусташа оказывается нелогичной: обычная кофта не спасет от холода и асфиксии, и к тому же он сразу осознает, что парашют под ней не раскроется. Поскольку действия совершаются в предполагаемом мире, но с отсылкой к реальному миру, логическое несоответствие одного мира другому создает комический эффект, что лишь повышает увлекательность сюжета.

Рис. 2. Кофту поверх парашюта надел. К прыжку готов!
Fig. 2. I put a jacket on top of the parachute. Ready to jump!

[4] Проблема использования английских вкраплений и других иностранных слов для придания комического эффекта или создания языковой игры со зрителем требует отдельного рассмотрения, но уже в рамках другой статьи.

С рациональной точка зрения информация может и соответствовать действительности, как в следующем примере:

– *Autre tout petit souci, à 12 000 m d'altitude, les portes de l'avion sont bloquées par la différence de pression avec l'extérieur. Il faudrait y appliquer une force de plus d'une tonne!* – Да только на высоте 12 000 м возникает небольшая проблемка с дверьми самолета. Их невозможно открыть из-за разницы давления внутри и снаружи. Чтобы открыть, надо приложить усилие более одной тонны. Нечеловеческая сила!

В терминах иррационального мышления абсурд показывается, т. е. утверждается словом и изображением, как реальность. При этом абсурд расширяет иррациональную основу мысли. Так, допущение, что слон весом в несколько тонн может лететь на пассажирском самолете вместе с пассажирами, уже противоречит здравому смыслу. Однако такое логическое допущение вполне уместно в абсурде, где его можно вербально оформить как факт в расчете на малокомпетентного получателя, если переключить его внимание на экстраординарность «виртуального события» и на единственную возможность спастись в безвыходной ситуации, когда остается надеяться только на чудо.

– *Ça tombe bien, un éléphant voyage avec nous.* – Как повезло, что с нами летит слон.

В анализируемом материале абсурдный дискурс требует осуществления таких псевдологических действий для выстраивания собственной цепочки умозаключений. Если холодно, надевают кофту, и тогда почему бы не поступить точно так же в полете? Если дверь заблокирована силой страшного давления и открывается только вовнутрь, то, в принципе, можно воспользоваться подручными средствами. Пусть в роли таковых выступит слон, оказавшийся кстати (как по мановению волшебной палочки) в салоне самолета и выбивающий (но только когда это требуется!) дверь фюзеляжа передней конечностью. Всё это напоминает игру со зрителем, которому показывают, «что будет, при условии… что вы поверите». Такая игра значительно повышает увлекательность рассуждения.

– *Surtout que la porte s'ouvre vers l'intérieur. Imaginons qu'on arrive à ouvrir la porte et que personne n'est projeté hors de l'avion par la différence de pression ni ne meurt de froid...* – И кстати, дверь открывается внутрь. Предположим, что нам удастся открыть дверь, что никого не вышвырнет из самолета из-за разницы давления и никто не умрет от холода…

Высказывание Мусташа уже изначально содержит условия реального: «*Surtout que la porte s'ouvre vers l'intérieur*» и иррационального мира «*on arrive à ouvrir la porte et que personne n'est projeté hors de l'avion par la différence de pression ni ne meurt de froid*». Маркером переключения между мирами может служить глагол в императивной форме, семантика которого указывает на условность, на предположение, например, «imaginons que...». В иррациональном мире непреодолимые проблемы решаются всегда в рамках логики абсурда, но именно это противоречие рациональной логике и способно вызвать удивление, изумление или смеховую – физиологическую – реакцию.

При допущении абсурдных условий теория логического вывода вполне справедлива по отношению к абсурдным умозаключениям. Приемы нарушения последних служат источником создания огромного числа потенциально возможных комических, ироничных, пародийных ситуаций в целом, а также с использованием стилистических средств, таких как английские вкрапления, сленг, эмоционально-окрашенная сниженная лексика.

Заключение

Проанализированные нами примеры показывают способы, механизмы и приемы реализации комического в научно-популярном дискурсе микрометражных фильмов.

Более частое использование средств комического в повседневном общении отражается и в научно-популярном дискурсе, что повышает прагматический потенциал последнего за счет использования аудиовидеоряда и расширяет диапазон используемых средств комического, среди которых выделяются (1) форма, в которой демонстрация конкретного явления

в аргументации осуществляется в шутливой тональности, и (2) абсурд как стратегия демонстрации уровня знаний типичного носителя наивной научной картины мира.

В первом случае комическое как форма демонстрации в полном объеме выполняет свою функцию: оно позволяет увлечь зрителя, развлечь его смешными сюжетами, просто и наглядно раскрыть содержание сложной, на первый взгляд, информации, полезной для понимания обыденного мира.

Стратегия, базирующаяся на вербальной формулировке абсурдных допущений и умозаключений, создает эффект увлекательной игры со зрителем, в ходе которой посредством синхронного или последовательного аудиовидеоряда показывается нелепость пожеланий и допущений того или иного персонажа, носителя наивной научной картины мира. Выраженный, акцентированный конфликт комического (иррационально желаемого) и рационального (реально возможного) с большой эффективностью способствует доказательству истинности знания и его распространению среди потенциальных зрителей.

Список литературы

Архипов И. К. Делу – время, потехе – час. О смешном и несмешном // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007. С. 112–120.

Бахтин М. М. Проблема диалогической речи // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 209–218.

Вольф М. Н. Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия: Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 3. С. 426–440. DOI 10.21638/spbu17.2020.301

Горшкова В. Е. и др. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: Монография / Под общ. ред. В. Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.

Дебренн М. Образ России во франкоязычных комиксах: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 167–180. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180

Клименко Т. Н. Логика абсурда, или Can you say something? // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007. С. 230–237.

Левицкий А. Э. Комическое: играем языком // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007. С. 295–307.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9. С. 183–201.

Мечковская Н. Б. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007. С. 140–153.

Радбиль Т. Б. Природа комического sub specie языковой аномальности // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007. С. 686–698.

Сухих Д. А., Горшкова В. Е., Фефелов А. Ф. Комическое как составляющая аргументации в дискурсе научно-популярного микрометражного фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 59–77. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77

Сычев А. А. Природа смеха или философия комического. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 176 с.

Фефелов А. Ф. Имена собственные и названия в межкультурной коммуникации и переводе: Учеб. пособие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 250 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35052003

Фрейлих С. И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. 512 с.

Фудель В. С., Васильева А. Н. Научно-популярный жанр (к вопросу о возможностях его использования в практике преподавания русского языка иностранцам) // Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам. М., 1972. С. 96–113.

Attardo, S. Linguistic theories of humor. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1994, 426 p.

Bergson, H. Le rire. Paris, Félix alcan Publ., 1900.

Irony in language and thought: a cognitive science reader. Ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs, Jr. New York, London, Taylor & Francis Group, 2007, 607 p.

Lipińska, M. Le comique de phrases autonymiques polonaises et françaises. Analyse sémantique, stylistique et pragmatique. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020, 246 p.

Raskin, V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht, D. Reidel Publ., 1984, 284 p.

Список источников

La triste vie de Darth Vader. URL: https://www.arte.tv/fr/videos/067093-004-A/tu-mourras-moins-bete (дата обращения 01.12.2021).

Les parachutes. URL: https://www.arte.tv/fr/videos/087419-013-A/tu-mourras-moins-bete (дата обращения 01.12.2021).

References

Arkhipov, I. K. Business first, pleasure afterwards. About funny and unfunny things // Logical analysis of the language. Linguistic mechanism of the comical. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 112–120. (in Russ.)

Attardo, S. Linguistic theories of humor. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1994, 426 p.

Bakhtin, M. M. The issue of dialogue speech. In: Bakhtin, M. M. Collected writings. In 7 vols. Moscow, Russkie slovari, 1997, vol. 5, pp. 209–218. (in Russ.)

Bergson, H. Le rire. Paris, Félix alcan Publ., 1900.

Debrenne, M. Image of Russia in French-Language Comics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 167–180. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-167-180

Fefelov, A. F. Proper names and designations in intercultural communicatiion and translation studies. Novosibirsk, NSU Press, 2017, 250 p. (in Russ.) URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35052003

Freylikh, S. I. Theory of cinema: from Eisenstein to Tarkovsky. Moscow, Akademichesky Proekt, Gaudeamus Publ., 2013, 512 p. (in Russ.)

Fudel, V. S., Vasilyeva, A. N. Science-popular genre (on opportunities of its usage in Russian language teaching for foreigners). In: Stylistics issues in Russian language for foreigners. Moscow, 1972, pp. 96–113. (in Russ.)

Gorshkova, V. E. et al. Film dialogue. Image – sense. Translation. Ed. by V. E. Gorshkova. Irkutsk, MGLU EALI, 2014. 367 p. (in Russ.)

Irony in language and thought: a cognitive science reader. Ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs, Jr. New York, London, Taylor & Francis Group, 2007, 607 p.

Klimenko, T. N. The logic of absurdity, or Can you say something? In: Logical analysis of the language. Linguistic mechanism of the comical. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 230–237. (in Russ.)

Levitsky, A. E. Comical: playing with language. In: Logical analysis of the language. Linguistic mechanism of the comical. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 295–307. (in Russ.)

Lipińska, M. The Humour in Polish and French Autonymous Sentences. Semantic, Stylistic and Pragmatic Analysis. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2020, 246 p. (in French)

Lukyanova, N. A. Expressive vocabulary of colloquial use in the semantic aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 9, pp. 183–201. (in Russ.)

Mechkovskaya, N. B. A phenomen of "funny" in speech, its linguistic primary elements and extralinguistic mechanisms. In: Logical analysis of the language. Linguistic mechanism of the comical. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 140–153. (In Russ.)

Radbil, T. B. The nature of comical sub specie linguistic abnormity. In: Logical analysis of the language. Linguistic mechanism of the comical. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 686–698. (in Russ.)

Raskin, V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht, D. Reidel Publ., 1984, 284 p.

Sukhikh, D. A., Gorshkova, V. E., Fefelov, A. F. Comical as a Component of Argumentation in a Pop Sci Short-Short Film. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 59–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77

Sychev, A. A. The nature of laughter or the philosophy of comical. Saransk, Mordovian Uni. Press, 2003, 176 p. (in Russ.)

Volf, M. N. Rhetorical argumentation in popular science discourse: Features and prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series: Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 426–440. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu17.2020.301

List of Sources

La triste vie de Darth Vader. URL: https://www.arte.tv/fr/videos/067093-004-A/tu-mourras-moins-bete (accessed 01.12.2021).

Les parachutes. URL: https://www.arte.tv/fr/videos/087419-013-A/tu-mourras-moins-bete (accessed 01.12.2021).

Информация об авторах

Сухих Денис Александрович, аспирант
Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Denis A. Sukhikh, PhD Student
Vera E. Gorshkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 12.11.2021;
одобрена после рецензирования 10.01.2022; *принята к публикации 20.01.2022*
The article was submitted 12.11.2021;
approved after reviewing 10.01.2022; *accepted for publication 20.01.2022*

Научная статья

УДК 811.11-112
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-49-60

Одушевление болезни в позднее Средневековье и риторика вербального взаимодействия с ней (на материале средневерхненемецких лечебных заговоров XV века)

Наталья Андреевна Труфанова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия

rasorblade@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9707-6567

Аннотация

Рассматриваются риторико-дискурсивные схемы вербального взаимодействия с болезнью (т. е. ее «заговаривания», отпугивания и изгнания из своего микромира (дома)) в средневерхненемецких лечебных заговорах на материале трех заговорных текстов XV в., направленных на исцеление от лихорадки, апоплексического удара и гнойного поражения. Анализируемые тексты представляют особый интерес в связи с тем, что они не затрагивались ранее в исследованиях такого типа и являются практически неизвестными отечественному читателю, в то время как они способны предложить любопытный материал для поиска типологических параллелей как внутри немецкой заговорной традиции, так и шире – в германской и индоевропейской заговорной литературе. Кроме того, в них наблюдается характерное смешение прежней языческой и новой христианской ментальности, где болезнь (и, следовательно, страх смерти) рисуется как элемент мрачного архаичного Нижнего мира (представленного, однако, Диаволом), а надежда на спасение (исцеление) ассоциируется с чудодейственной силой христианства (т. е. монотеистической религии), представленного именами Иисуса Христа, девы Марии и святых апостолов-евангелистов. Христианство, таким образом, накладывает свою дихотомию добра и зла на языческую картину мира, населяя старый языческий Верхний мир общехристианскими авторитетами и реликвиями. Рассматриваемые заговоры приводятся в оригинале по изданию Верены Хольцманн (Holzmann V. “Ich beswer dich wurm und wyrmin…”: Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. Bern, 2001, 322 S.) и снабжаются переводом на русский язык и необходимым комментарием. Автор делает выводы о специфике восприятия болезни в средневековых немецких заговорах как чужеродной, привнесенной из Нижнего мира субстанции, наделенной злой волей, а также выделяет три типа вербального взаимодействия субъекта заговора с одушевленной болезнью (повествовательная, императивная, повествовательно-императивная модели), иллюстрируя их примерами из текстов. Полученные выводы будут интересны специалистам в области фольклористики, а также истории немецкого языка и литературы, культурологии и медицины Средневековья.

Ключевые слова

заговоры, фольклор, средневерхненемецкий язык, магия, медицина, Нижний мир, Средние века, язычество, христианство, XV век

Для цитирования

Труфанова Н. А. Одушевление болезни в позднее Средневековье и риторика вербального взаимодействия с ней (на материале средневерхненемецких лечебных заговоров XV века) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 49–60. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-49-60

© Труфанова Н. А., 2022

Perception of Disease in Late Middle Ages and Rhetoric of Verbal Interaction with It (Based on the Material of Middle High German Medical Incantations of the 15th Century)

Natalia A. Trufanova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

rasorblade@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9707-6567

Abstract

This article examines methods of verbal interaction with disease in Middle High German medical incantations on the material of three charms of the 15th century aimed at healing fever, apoplexy and purulent disease. The analyzed texts are of special interest since they have never been discussed in such types of research before and have never been translated into Russian, whilst they may provide some useful material for typological studies within the German charm literature as well as within the Germanic and Indo-European traditions. In addition, they demonstrate a characteristic mixture of the old pagan and new Christian mentality, in which disease (and, therefore, the fear of death) is depicted as an element of the gloomy archaic Lower World (represented, however, by the Devil), and the hope of salvation (healing) is associated with miraculous power of Christianity (that is, monotheistic religion), represented by the names of Jesus Christ, Virgin Mary and the holy evangelical apostles. Thus, Christian authorities and relics occupy the place of the old pagan Upper World in this hybrid picture of the world, manifested in incantations. All the texts are printed in the original in the transcription by V. Holzmann (Holzmann V. "Ich beswer dich wurm und wyrmin…": Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. Bern, 2001, 322 S.) with our translation into Russian and necessary comments. In this article we speculate upon the specifics of the perception of disease in Medieval German charms as heterogeneous and hostile substance originated in the Lower World and propose our typology of Middle High German medical incantations, which is based on three main types of communicative strategies supplied with text examples. The conclusions arrived at may interest specialists in the German language history and literature as well as folkloristic, culture studies and medicine of the Middle Ages.

Keywords

charms, folklore, Middle High German, magic, medicine, Lower World, Middle Ages, paganism, Christianity, 15th century

For citation

Trufanova, N. A. Perception of Disease in Late Middle Ages and Rhetoric of Verbal Interaction with It (Based on the Material of Middle High German Medical Incantations of the 15th Century). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 49–60. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-49-60

Введение

Начать следует с метафизики заговорного текста [1]. Являясь для современного исследователя отголоском очень древнего наивного мифопоэтического сознания, заговор запечатлевает в своей модели мира архаичную пространственную триаду: Нижний мир – Средний мир – Верхний мир с соответствующим для каждого члена оппозиции набором характеристик (подчеркнем, что речь идет главным образом о заговорах индоевропейской традиции с ее троичной моделью мира, подробнее об этом см. [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 485]). В соответствии с ней в центре заговорного универсума расположен человеческий – средний – мир, находящийся между двумя полюсами трансцендентности: отрицательно маркированной, связываемой всегда с Нижним миром, и положительно маркированной, относимой к Верхнему миру. Если с пространством Верхнего мира субъект заговора ассоциирует поддержку боже-

[1] Подчеркнем во избежание межкультурных «недоразумений» глобализации, что они рассматриваются главным образом на фоне религиозной, в широком смысле, культуры, сформировавшейся в индоевропейской традиции с ее троичной моделью мира.

ства, надеясь на его содействие в даровании желаемого, включая исцеление, то с проявлениями Нижнего мира – всякое вредоносное воздействие, оказываемое на человеческий микрокосм силами хаоса и деструкции.

Отметим, что описанная пространственная триада, безусловно, восходящая к языческому мировосприятию, в период христианизации претерпевает вынужденные изменения («подгонку» под христианскую космологию), что проявляется в наложении библейских маркеров на языческую систему координат, рождая гибридную (переходную) картину мира, представленную в заговоре. Как известно, церковь никогда не признавала ни заговоров, ни заклинаний, относя их к языческим пережиткам, однако даже в позднее Средневековье население охотно прибегало к помощи словесной магии такого рода, создавая на основе дохристианских текстов (продолжающих жить в народной памяти) новые модификации с вовлечением в канву заговора имен христианских святых и отсылок к эпизодам Священной Истории, не говоря уже о том, что сами заговорные тексты часто находят записанными на полях богослужебных книг, скомпилированных монахами. Таким образом, христианская космогония и гносеология органично сосуществуют в заговорах с языческими представлениями о мироустройстве и архаичной верой в силу вербальной магии (подробнее о месте языческих суеверий в ментальности и языке христианина см. [Степаненко, 2020]).

Болезнь в этом мироустройстве относится, бесспорно, к одному из порождений внешних деструктивных сил. Архаичное сознание, по крайне мере массовое, еще не воспринимает болезнь как нечто самостоятельно возникающее и развивающееся в организме в силу внутренних причин. Недуг всегда мыслится как нечто, привнесенное извне, т. е. из мрачных, темных и пугающих глубин Нижнего мира. Функция лечебного заговора, таким образом, состоит в том, чтобы восстановить баланс здоровья внутри человеческого микрокосма, изгнав заболевание из его пределов силой Слова, поскольку субъект заговора верит в нее еще беспредельно. Отметим, что рецидив такого мировосприятия мы можем проследить и в настоящее время, в особенности показательна в этой связи реакция обывателя на ковид. Научная медицина не может «аннулировать» страх перед инфекцией, разящей каждого. Хотя архаичные Нижний и Верхний мир из сознания ушли, в нем еще много «архаичных атавизмов», в первую очередь неверие в достижения науки (= Высокий мир). Для сравнения можно вспомнить «антипандемийную» балладу начала XX в., «Марш шпионов» Р. Киплинга, транслирующую обратные установки в условиях эпидемии лёгочной чумы в Маньчжурии в 1911 г., – безграничную веру во врачей-инфекционистов и восхищение их героизмом (подробнее об этом см. [Боголюбов, 2020]).

В данной статье мы подвергаем типологизации различные коммуникативные стратегии, используемые субъектом заговора для реализации описанной выше функции лечебного заговорного текста. Тексты заговорного жанра при всей своей древности стали объектом научно-лингвистического осмысления сравнительно недавно. Примерно за сто пятьдесят лет интенсивной работы исследователями был пройден долгий путь от накопления материала до его первичной формальной и содержательной систематизации, однако поиск оснований для классификации сложившегося корпуса по-прежнему остается актуальным. Во многом это связано с развитием смежных с фольклористикой дисциплин, позволивших взглянуть на некоторые аспекты изучения этого речевого жанра с нового ракурса. Так, в настоящее время в исследованиях заговорной литературы приоритетным направлением становится типологизация с использованием методов функциональной лингвистики. В этой связи особого внимания заслуживает работа К. М. Хэзеле [Haesele, 2011], посвященная анализу древневерхненемецких заговоров с позиции перформативных стратегий, содержащихся в тексте, а также работы С. М. Толстой (см., например: [Толстая, 2015]), внесшие весомый вклад в изучение прагматики заговорного текста на материале славянского фольклора.

Подходы, развиваемые этими авторами, явились методологической базой и настоящего исследования, объектом которого стали типы вербального взаимодействия участника речевой ситуации (самого больного или лекаря) с болезнью в средневерхненемецких лечебных

заговорах. Материалом для нашего исследования служат заговорные тексты из собрания Верены Хольцманн [Holzmann, 2001]. Корпус В. Хольцманн представляет собой обширную картотеку древне- и средневерхненемецких заговорных текстов, включающую все немецко- и латиноязычные заговоры, обнаруженные в средневековых немецких рукописях за всю историю их изучения, структурированную не только по основным сюжетным мотивам, т. е. литературоведчески, но и по композиционным особенностям, что раскрывает в определенной степени функциональную специфику их дискурсивной организации. Эти черты делают его незаменимым источником при работе с немецкими заговорами. В нашу выборку вошли 146 текстов из 326, представленных в сборнике.

Анализ отобранных лечебных заговоров XI–XV вв., записанных на средневерхненемецком языке и составляющих основную часть корпуса Хольцманн, показал, что вербальное взаимодействие субъекта средневерхненемецких заговоров, представляющего Средний мир, с болезнью, элементом Нижнего мира, можно условно свести к трем риторико-дискурсивным моделям: повествовательная, императивная и повествовательно-императивная.

Выбор текстов для анализа обусловлен не только их малой известностью в российской германистике, но и отсутствием перевода на русский язык; этот пробел мы решили отчасти заполнить. Отметим также, что немецкая заговорная традиция располагает внушительным массивом текстов, направленных на изгнание болезни, проникшей в человеческий организм или в организм животного в образе болезнетворного «червя» (так называемые *Wurmsegen*). Из 146 текстов нашей выборки заговоры этой категории составляют одну треть (49 текстов). Однако в рамках настоящего исследования данная проблематика освещаться не будет, так как она подробно рассматривалась нами ранее в [Труфанова, 2019; 2020].

1. Повествовательная модель

Приводимый ниже заговорный текст воплощает повествовательную, или, по терминологии С. М. Толстой [2015, с. 68], «констатирующую» модель заговора. Он отображает буквальный захват болезнью территории Среднего мира, произошедший некогда в эпической древности. Действительно, субъект средневерхненемецкого заговора может обращаться напрямую к болезни как к живому существу, проникшему из Нижнего мира самостоятельно или по санкции сверхъестественного врага, либо опосредованно – через святого покровителя, действующего в рамках «матричной» интертекстуальной historiol'ы, т. е. вводного эпизода заговора, обычно мифологического характера, отсылающего к архетипическому прецеденту с эталонным («каноническим») описанием события легендарной эпической древности.

Исходный текст (Berleburger Hs. F4, Bl. 16b, датирован XV в.):

Nun rydden sassen,
sie sich vermassen,
sie wolden schaden grakn.
Dey gingen gen osten,
dey gingen gen westen,
dey gingen ghen dolen.
Da quam der gute sant Johan,
er fing si, er bant sie,
gebunden sint sie mit den yseren banden
[Holzmann, 2001, S. 218].

Перевод [2]:

Девять лихорадок сидели,
они собирались с силами,
они хотели накликать вред.

[2] Здесь и далее перевод выполнен автором статьи с установкой на как можно более точную передачу предметной информации.

Они пошли на восток,
они пошли на запад,
они пошли сеять страдания.
Тогда пришёл добрый святой Иоанн,
он поймал их, он связал их,
связаны они железными оковами.

Сюжетная составляющая данного заговора восходит, вероятно, к восточным преданиям, предположительно, к халдейскому учению о двенадцати астральных духах, усвоенному позднее гностическими и манихейскими сектами [Мансветов, 1881, с. 25]. Одушевленная лихорадка распространяется по всем сторонам света, сея скорбь: “Nun *rydden* sassen, / sie sich vermassen, / sie wolden schaden grakn”. Остановить натиск всех девяти лихорадок помогает святой заступник – “der gute sant Johan”, т. е. апостол Иоанн Креститель, лишающий их возможности передвигаться. Заметим, кроме того, что с XV в. под влиянием византийских заклинаний и легенд, переосмысливающих данный сюжет, в Восточной и Западной Европе появляются заговоры, центральной фигурой которых становятся дочери царя Ирода, жестокого гонителя Иисуса и первых христиан, насылающие болезни на их последователей [Ohrt, 1927, S. 1]. Для подтверждения этой мысли приведем славянский заговор от лихорадки:

На горѣ Синайской, подъ дубомъ Мавританскимъ стояли свв. отцы, архангелы и ангелы: Михаилъ, Урiилъ и Гавріилъ, и четыре евангелиста: Іоаннъ, Матфей, Марк и Лука, и Филиппъ и Косьма и Даміанъ. Тутъ вышли къ нимъ изъ моря седмь женъ, растрепаны власы. Свв. отцы вопросиша: «Что за жены и куда вы идете?» – Онѣ же отвѣщаша: «Мы жены трясавицы, дочери царя Ирода, идемъ христіянъ мучити: огнемъ палити, мразомъ знобити и кости ихъ ломити, а имена наши: Лилія, Навія, Христина, Ежея, Хулія, Мидія, Невунія, Огненная и Злѣйшая». – Свв. отцы биша ихъ прутьями желѣзными, даша имъ по три стороны бѣжати и заповѣдаша къ христіяномъ ходити… [Ветухов, 1907, с. 165].

Число «жён трясавиц» в таких заговорах может колебаться от 7 до 99, но наиболее частотны варианты: 7, 9, 12. В качестве их имен могут выступать как иноязычные слова, намекающие на заимствование легенды, так и исконные, образно отражающие суть недуга, либо, как в рассматриваемом немецком тексте, может быть указано лишь число лихорадок (“Nun”). Под наименованием лихорадки (слав. *трясавица*, свн. *rydden*, совр. нем. *Ritten = Fieberdämonen*) мог, конечно, скрываться целый комплекс заболеваний, имеющих в симптоматике повышенную температуру и являющихся инфекционными по своей природе. Названия лихорадки, используемые в данных текстах, являются описательными наименованиями недуга по одному из его главных симптомов – ознобу, вызывающему дрожь (слав. *тряска*, свн. *rite*).

Средневерхненемецкий заговорный текст целиком состоит из *historiol*’ы, описывающей события эпической христианской древности (сковывание Святым апостолом Иоанном лихорадок, несущих вред человечеству). Субъект заговора от лихорадки выступает, таким образом, с позиции рассказчика сакрального прецедента и исходит из следующих пресуппозиционных установок: в глубокой древности в наш мир пришло страшное зло, но было нейтрализовано божественной силой добра, исходящей от Святого апостола Иоанна. Согласно логике заговорного текста аналогичная операция должна произойти в точке «здесь и сейчас»: проговаривание сакрального эпизода, завершающегося «связыванием» лихорадок (“Da quam der gute sant Johan, / er fing si, er bant sie, / gebunden sint sie mit den yseren banden”), должно запустить механизмы телесной трансформации реальности Среднего мира – ожидается, что после прочтения заговора лихорадка отступит, так же как некогда она была повержена Святым апостолом Иоанном. Такой ретроспекции достаточно для воплощения интенции заговорного субъекта, и это значит, что ссылка на прецедент, освященный знаковой религиозной фигурой, работает без прямого обращения заговаривающего к болезни, т. е. к ее заклинанию.

Заговорные тексты повествовательной модели, как правило, состоят из одной лишь *historiol*’ы, излагающей сакральный прецедент. Субъект таких заговоров – хронист, воспроизводящий в слове события эпической древности и лишенный собственного голоса.

2. Императивная модель

В отличие от вышеприведенного заклинания лихорадки субъект заговора может действовать активно, не скрываясь за фигурой повествователя и открыто навязывая свою волю заболеванию. Такая модель реализована в следующем заговоре, направленном против «удара» (т. е. паралича), насланного Дьяволом, упоминание которого, как и иных знаковых для христианства фигур, снова связывает текст с христианским мировидением, несмотря на то, что само оно считает заговоры и заклинания языческим наследием, вводя вместо них молитвенное обращение.

Исходный текст (Cgm. 384, Bl. 68b, датирован XV в.):

Für den schlag.
Ich beschwer dich schlag und schlag,
den dir der tüffel gab,
daz du nit witter griffest und nit tüffer grabist,
siechen macht und nit tötten legist
das bütt ich dir by dem vater vnd suon und haillgen gaist;
by miner frowen sant Marien
und aber maister jeglichem 3 pater noster und 3 ave maria
[Holzmann, 2001, S. 138–139].

Перевод:

От апоплексического удара.
Я заклинаю тебя, паралич, и тот удар,
что тебе Дьявол дал,
чтобы ты дальше не распространялся и глубже не зарывался,
больным не делал и не убивал,
это повелеваю я тебе именем Отца, Сына и Святого Духа
и именем Святой Девы Марии.
И помимо этого исполни трижды "Pater Noster" и трижды "Ave Maria".

В приведенном тексте отчетливо слышен голос заговаривающего субъекта: использование личного местоимения *ich* и перформативных глаголов и делокутивов в сочетании с ним (*bieten*, *besweren*) демонстрируют исходящую от субъекта инициативу в борьбе с недугом – порождением дьявольских сил. Посланная Дьяволом в мир людей ("schlag, den dir der tüffel gab"), болезнь пытается отвоевать жизненное пространство (экспансия, выраженная глаголами *grīfen*, *graben*), поработив тело человека (*siechen machen*, *tötten legen*), но встречает отпор со стороны продуцента заговорного текста, устраняющего способный оказаться фатальным дисбаланс микрокосма.

Субъект заговора с первых строк напрямую обращается к болезни, не используя приём *historiol*'ы ("Ich beschwer dich schlag…"), но при этом всё же ссылается на святые для всех христиан имена, верифицирующие его слово ("das bütt ich dir by dem vater vnd suon und haillgen gaist; by miner frowen sant Marien"). Использование оптативных конструкций в заговоре ("daz du nit witter griffest und nit tüffer grabist, siechen macht und nit tötten legist"), по словам Т. В. Топоровой, имеет своей целью подчеркнуть стремление заговорного субъекта «выдать желаемое за действительное, быстрее добиться результата» [1996, с. 23]. Последующий комментарий к тексту заклинания четко регламентирует механизм закрепления заговорного слова.

Заговоры императивной модели, подобно рассмотренному выше заклинанию (это жанровое определение подтверждено самим текстом оригинала), представляют собой эксплицитно выраженное побуждение к действию (глагольные формы оптатива и императива, перформативные глаголы), исходящее от субъекта заговора (через использование личных местоимений и делокутивов). Для них характерно отсутствие развернутой *historiol*'ы как гаранта исполнения заговорной формулы, так как их механизм действия принципиально иной: движущей силой заговора является не повествование об освященном религиозной традицией прецеденте

прошлого, а прямое обращение к болезни, ниспосланной Дьяволом, которому здесь и сейчас противопоставляются истинные христианские символы.

3. Повествовательно-императивная модель

Эта модель представлена заговором от гнойного поражения, который, совмещая в себе обе вышеназванные риторико-дискурсивные модели, открывается эпическим зачином, перетекающим в прямое обращение заговаривающего субъекта к болезни:

Исходный текст (Wolfsthurn Papierhs., Bl. 2b, Bibl. Freiherr von Sternbach, датирован XV в.):

Für den afel sprich disen segen.
Afel und äflin giengen vber ein wisen weitt,
da begegnet in die weich fraw sand Amarey.
“Afel vnd äflin, wo welt ir hin mit den siben kinden,
mit denn syben vnd sibentzigk schüsslingen?” –
“Da will ich hin in N. haws,
da will ich vel reissen vnd pain prechen
vnd plut lapffen,
vnd auf dem fletz will ichs recht besetzen
vnd vntter dem dach ain gros geschray machen.”
“Afel vnd äflin, ich gepeut dir
bey der weich fraw sand Amarey,
das du hin farest vber mer mit den siben kinden,
mit den siben vnd sibentzigk schüsling,
da fliessen drey prünn,
der ein ist gut,
der ander ist plut,
der dritt ist äflig;
da peut ich dir in mit den siben kinden,
mit den siben vnd sibentzigk schuslingen.
Des helff mir der vil gut Jhesum Christum vnd sein mueter,
das helff mir die weich fraw sand Amarey,
das helff mir alle die kindt,
die im namen gotz gekrisembt vnd getauft sindt,
das helff mir der man, der dott vnd marter
am stam des heiligen kreutz nam,
im namen des vater vnd des svn vnd des heiligen geist”
[Holzmann, 2001, S. 219].

Перевод:

От гноя произноси этот заговор.
Гной и гнойница шли по белому пастбищу,
там повстречалась им кроткая Святая Дева Мария.
«Гной и гнойница, куда вы идёте со своими семью детьми,
со своими семьюдесятью отпрысками?» –
«Иду я в имярека дом,
там хочу я кожу рвать и кость ломать,
и кровь хлебать,
покои хочу я по праву занять,
а под крышей большое волнение учинить».
«Гной и гнойница, я повелеваю тебе
именем кроткой Святой Девы Марии,
чтобы ты оправлялся за море со своими семью детьми,
со своими семьюдесятью отпрысками.
Там текут три источника:
один – благо,
другой – кровь,
третий – гнойный;
туда повелеваю я тебе [отправиться] со своими детьми,
со своими семьюдесятью отпрысками.

В этом поможет мне всеблагой Иисус Христос и его мать,
в этом поможет мне кроткая Святая Дева Мария,
в этом помогут мне все дети,
которые во имя Господа миропомазаны и крещены,
в этом поможет мне человек, который смерть и мученичество
на стволе святого распятия принял,
во имя Отца, Сына и Святого Духа».

Historiola повествует о встрече персонифицированной в образе гноя и его женской пары болезни с Девой Марией на просторах Среднего мира. Двуполая дифференциация названия болезни и соответствующих обращений – “afel und äflin” – сконструирована по аналогии с частотными для средневерхненемецких заговорных текстов апелляциями типа “wurm und wyrmin” («змей и змея» / «червь и червиха»). Приведенная же далее по тексту «генеалогия» – “mit den siben kinden, mit denn syben vnd sibentzigk schüsslingen” – отсылает нас к известным по *Wurmsegen* моделям, например: “nesso, mid nigun nessiklinon” («червь с девятью червятами»), устанавливая семантические параллели с лечебными заговорами против червей и змеиных укусов (подробнее об этом см.: [Труфанова, 2019]).

Как и в вышеприведенном заговоре от лихорадок (а также во многих заговорных текстах от червей), мы сталкиваемся здесь с числовыми маркерами, фиксирующими точное количество вредоносных объектов (“mid nigun nessiklinon”, “nun rydden”, “mit den siben kinden, mit denn syben vnd sibentzigk schüsslingen”). Число, помимо символической или магической нагрузки, выполняет упорядочивающую функцию: посредством счета нерасчлененный хаос дробится на умопостигаемые единицы, что позволяет оказать воздействие на отдельные элементы системы. В этом отношении мы разделяем положения В. Н. Топорова, согласно которым «числовой ряд <…> оказывается простейшей моделью порядка, а порядок – гарантия устойчивости против нарастающих тенденций энтропического характера. <…> не только объект определяется числом, но число обретает полнозначность, когда известно, какие объекты оно определяет» [Топоров, 2004, с. 333–334]. Исследователями славянской заговорной традиции (см., например: [Мансветов, 1881; Топоров, 2004; Агапкина, 2005]) выявлены три наиболее частотных числа, фигурирующие как отдельно, так и в инкорпорированном во вторичное число виде: 3, 7, 9 (33, 77, 900 и пр.). Наши наблюдения показывают, что данное утверждение правомерно и в отношении германской заговорной традиции. Так, числа 7, 9 и их варианты, как правило, маркируют представителей Нижнего мира, ворвавшихся в человеческое измерение и подвергшихся упорядочивающему их счету и, следовательно, жесткому контролю со стороны заговаривающего субъекта (см. примеры выше). Число три, являясь высшим сакральным числом, либо становится атрибутом доброй силы (см. заговоры “Drei-Engel-Segen”, “Drei-Brüder-Segen” и пр., устойчивые формулы “In dem namen des vaters, des sones unde des heiligen geistes”), либо фиксирует количество повторов в рекомендации к тексту заговора (“maister jeglichem 3 pater noster und 3 ave maria”), либо косвенно отражает трехчастную модель мира, как в рассматриваемом заговоре.

Болезнь, высказывающая намерение проникнуть в дом человека, отсылается уже самим исполнителем заговора (но с опорой на авторитет Иисуса Христа и Девы Марии) как можно дальше, за море, к источнику гноя – по всей видимости, туда, откуда она и пришла на землю: “Afel vnd äflin, ich gepeut dir / bey der weich fraw sand Amarey, / das du hin farest vber mer mit den siben kinden, / mit den siben vnd sibentzigk schüsling, / da fliessen drey prünn…”. Названия пронумерованных источников символичны – они воспроизводят вертикальную структуру мироздания: первый источник (“gut”) относится к пространству Верхнего мира, третий (“äflig”) уходит в Нижний мир, а посередине расположен иной во всех отношениях (“der ander”) источник Среднего мира (“plut”) – центр космологической вертикали. Пространство Среднего мира являет собой синтез предельных противоположностей: его источник – кровь – с одной стороны, биологическая жидкость, такая же, как гной, но с другой стороны, кровь – это жидкость «чистая», живительная, выступающая в качестве связующего звена с областью сакрального и потому часто становящаяся посредником в священных ритуалах, будь то язы-

ческие жертвоприношения или обряды инициации, таинство евхаристии с символическим приобщением крови Христовой или же традиция прочтения заговора (например, заговоров от кровотечения).

Передвижения болезни носят физически ощутимый характер, она вторгается в пределы обжитого пространства, в человеческий дом, воплощающий Вселенную в миниатюре, занимает каждый его уголок, буквально от пола до потолка – “vnd auf dem fletz will ichs recht besetzen vnd vntter dem dach ain gros geschray machen” (свн. *fletz*, переведенное нами как «покои», помимо значения ‘ложе’, имеет также значения ‘пол’, ‘сени’). Препятствуя ее передвижению, субъект заговора отсылает гной и гнойницу со всеми их отпрысками за море (“das du hin farest vber mer”), т. е. на максимальное от дома расстояние, за пределы видимого мира. Так реализуется характерная для заговорного универсума бинарная оппозиция: дом (дружественный субъекту заговора локус) – внешняя среда (средоточие хаоса).

Субъект заговора активно повелевает болезни отступить, дважды используя перформативный глагол *gebieten* (*bieten*), типичный для реализации этой функции в средневековых немецких заговорах наряду с делокутивом *besweren* (см. заговор от апоплексического удара). На базе этих двух глаголов выстраивается вся коммуникация субъекта заговора с его адресатом – представителем Нижнего мира. Это обусловлено ярко выраженной прагматической направленностью заговорного текста, накладывающей отпечаток на выбор лексических единиц. Как считает С. М. Толстая, в подобных заговорах «прагматически маркированный текст как бы одновременно принадлежит и персонажу повествовательного зачина, и лекарю-исполнителю текста, т. е. является элементом и первичной, и вторичной прагматической семантики» [2015, с. 68–69]. Отсюда следует, что четкую демаркационную линию между словами персонажа *historiol*’ы и словами субъекта обряда провести невозможно. В рамках данного заговора, как и в заговоре от паралича, субъект не обращается напрямую к святым заступникам, он использует авторитет сакрального имени для изгнания болезни (“ich gepeut dir bey der weich fraw sand Amarey”), а также в заключительной формуле выражает уверенность в содействии высших сил в борьбе с негативными проявлениями (“Des helff mir der vil gut Jhesum Christum vnd sein mueter, / das helff mir die weich fraw sand Amarey…”), причем делает это с нарочитыми риторическими повторами, превращающими текст заговора в славословие.

Таким образом, заговорные тексты, относимые нами к заговорам повествовательно-императивной модели, представляют собой сочетание повествовательного компонента, содержащего отсылку к архетипическому прецеденту, и прагматически направленного высказывания субъекта от первого лица, произносимого в условиях текущего момента. При этом два временных пласта (прошлое и настоящее) органично взаимодействуют, образуя тесное единство посредством ретроспекции и наложения слов персонажа эпического зачина на слова заговаривающего субъекта.

Заключение

Средневерхненемецкие лечебные заговоры воспроизводят архаичные представления христианского человека о болезни как о живом существе, вторгающемся в человеческий микрокосм из пространства прежнего языческого Нижнего мира по собственной воле или по санкции главного врага Христа – Дьявола, которого в заговорах по-язычески относят к области сверхъестественного.

При этом вербальное взаимодействие с болезнью может производиться разными способами, сводящимися к трем основным коммуникативным моделям, обладающим специфическим риторическим рисунком:

1) повествовательной: ретроспекция архетипа события через приём *historiol*’ы призвана блокировать проявления болезни через обращение к опыту древности; главный механизм

действия – аналогия, выраженная вербально либо лишь мыслящаяся (см. заговор от лихорадки);

2) императивной: обращение к болезни в ситуации настоящего, болезнь подчиняется интенции заговаривающего субъекта; главный механизм действия – неопосредованный приказ (см. заговор от апоплексического удара);

3) комбинированной, позволяющей соположить оба временных пласта при интенсивном вербальном контакте (см. заговор от гнойного поражения).

По текстам авторского корпуса распределение выявленных моделей выглядит следующим образом:

1) повествовательная модель – 31 заговор, или 21 % от общего количества текстов;

2) императивная модель – 27 заговоров (19 %);

3) повествовательно-императивная модель – 88 заговоров (60 %).

Таким образом, можно заключить, что повествовательно-императивная модель коммуникации является наиболее частотной в лечебных заговорах средневерхненемецкого периода. Это связано, вероятно, с расширенными возможностями ее воздействия на адресата заговора за счет сочетания апелляции к авторитету *historiol*'ы и прямого приказа. Такой прием позволяет заговаривающему субъекту эффективно взаимодействовать с болезнью на вербальном уровне, конструируя реальность посредством магии слова.

Список литературы

Агапкина Т. А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (Мотив мифологического центра) // Заговорный текст: генезис и структура. М., 2005. С. 247–292.

Боголюбов А. Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтения *Марша шпионов* Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153

Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907. 522 с.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. 1426 с.

Мансветов И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах // Древности. Тр. Имп. Моск. археол. об-ва. 1881. Т. 9, вып. 1. С. 24–36. URL: https://www.icon-art.info/bibliogr_item.php?id=8323

Степаненко В. А. Кумуляция и амбивалентность в семантике мифологем (на примере репрезентанта *horseshoe* концепта *SUPERSTITION* в англосаксонской культуре) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 85–98. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98

Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. 528 с.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантики (Opera Etymologica. Звук и смысл). М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. 860 с.

Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996. 214 с.

Труфанова Н. А. Заговоры от змеи и червя в средневековой немецкой традиции // Вестник Костром. гос. ун-та. 2019. № 1. С. 99–101.

Труфанова Н. А. О природе наименования древневерхненемецкого 'nesso' в текстах заговоров // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 134–140.

Haesele, C. M. Magische Performativität: Althochdeutsche Zaubersprüche in ihrem Überlieferungskontext (Philologie der Kultur). Würzburg, Königshausen & Neumann, 2011, 255 S.

Holzmann, V. "Ich beswer dich wurm und wyrmin…": Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. Bern, 2001, 322 S.

Ohrt, F. Beiträge zur Segenforschung. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, 1927. Bd. 35/38, S. 1–9. URL: https://www.digi-hub.de/viewer/image/DE-11-001860973/330

References

Agapkina, T. A. Syuzhetny sostav vostochnoslavyanskikh zagovorov (Motiv mifologicheskogo tsentra) [Composition of East Slavic charms (The motif of mythological centre)]. In: Zagovorny tekst: genezis i struktura [Incantations: genesis and structure]. Moscow, 2005, pp. 247–292. (in Russ.)

Bogolubov, Anatoli F. Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of *The Spies' March* in Time of the Media War and Pandemic). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 132–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, Vyach. Vs. Indoevropeiskii yazyk i indoevropeitsy [The Indo-European language and the Indo-Europeans]. Tbilisi, 1984, 1426 p. (in Russ.)

Haesele, C. M. Magische Performativität: Althochdeutsche Zaubersprüche in ihrem Überlieferungskontext (Philologie der Kultur). Würzburg, Königshausen & Neumann, 2011, 255 S.

Holzmann, V. "Ich beswer dich wurm und wyrmin…": Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. Bern, 2001, 322 S.

Mansvetov, I. D. Vizantiiskii material dlya skazaniya o dvenadtsati tryasavitsakh [Byzantine material for the legend of twelve shakes] In: *Drevnosti. Trudy Imp. Moskovskogo arheologicheskogo obshhestva* [*Antiquities. Works oft the Emperor's Moscow Arcaelogical Society*], 1881, vol. 9, iss. 1, pp. 24–36. (in Russ.) URL: https://www.icon-art.info/bibliogr_item.php?id=8323

Ohrt, F. Beiträge zur Segenforschung. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, 1927. Bd. 35/38, S. 1–9. URL: https://www.digi-hub.de/viewer/image/DE-11-001860973/330

Stepanenko, Valentina A. Cumulation and Ambivalence in Mythologemes (Based on the Example of the Representative *Horseshoe* of the Concept *SUPERSTITION* in the Anglo-Saxon Culture). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 85–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-85-98

Tolstaya, S. M. Obraz mira v tekste i ritual [Image of the world in text and ritual]. Moscow, 2015, 528 p. (in Russ.)

Toporov, V. N. Issledovaniya po etimologii i semantike (Opera Etymologica. Zvuk i smysl) [Research in etymology and semantics. (Opera Etymologica. Sound and Sense)]. Moscow, 2004, vol. 1: Theory and some of its particular application. 860 p. (in Russ.)

Toporova, T. V. Yazyk i stil' drevnegermanskikh zagovorov [Language and style of Old German charms]. Moscow, 1996, 214 p. (in Russ.)

Trufanova, N. A. O prirode naimenovaniya drevneverkhnenemetskogo 'nesso' v tekstakh zagovorov [The Problem of Denotation of Old High German 'Nesso' in Charms]. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 134–140. (in Russ.)

Trufanova, N. A. Zagovory ot zmei i chervya v srednevekovoi nemetskoi traditsii [Charms against serpent and worm in the medieval German tradition]. *Bulletin of Kostroma State University*, 2019, no. 1, pp. 99–101. (in Russ.)

Vetukhov, A. V. Zagovory, zaklinaniya, oberegi i drugie vidy narodnogo vrachevaniya, osnovannye na vere v silu slova [Incantations, spells, charms and other kinds of folk remedies based on the belief in the power of word]. Warsaw, 1907, 522 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Андреевна Труфанова, аспирант (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова); преподаватель (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Information about the Author

Natalia A. Trufanova, PhD Student (Lomonosov Moscow State University); Teacher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 07.07.2021;
одобрена после рецензирования 03.12.2021; *принята к публикации 10.01.2022*
The article was submitted 07.07.2021;
approved after reviewing 03.12.2021; *accepted for publication 10.01.2022*

Научная статья

УДК 811.111-26
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-61-72

Зоологическая метафора как средство образной характеристики ребенка в американской и британской лингвокультурах

Александра Ивановна Коршунова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Alexandra.korshunova.96@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2414-9753

Аннотация

Рассматривается использование зоологической метафоры как средства вербализации субъективного восприятия детей взрослыми. Исследование проводится на основе опроса, проведенного среди представителей американской и британской культур, а также медиа-материалов (*The NY Times* и *The Times*). Подход, применяемый в исследовании, позволяет сфокусироваться как на коллективных особенностях восприятия американцами и британцами детей (детства), так и на специфических, индивидуальных. Цель проводимого исследования состоит в выявлении, анализе и сравнении контекста использования зоологических метафор для концептуализации опыта детства представителями американской и британской лингвокультур.

Ключевые слова

зоологическая метафора, образное сравнение, ребенок, британская лингвокультура, американская лингвокультура, медиа дискурс

Для цитирования

Коршунова А. И. Зоологическая метафора как средство образной характеристики ребенка в американской и британской лингвокультурах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 61–72. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-61-72

Zoologic Metaphor as a Means of Characterizing a Child in American and British Linguocultures

Alexandra I. Korshunova

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

Alexandra.korshunova.96@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2414-9753

Abstract

This paper examines the issue of using zoologic metaphors as a means of verbalizing group/individual perception of children by adults. The research was carried out on the basis of a survey conducted among representatives of American and British cultures, as well as on the examples from media discourse, namely *The New York Times* and *The Times*. This approach allows us to focus not only on the child perception by Americans and Britons as a whole, but also by individuals. The purpose of this study is to identify, analyze and compare the context of the use of zoologic metaphors employed to conceptualize childhood experiences by representatives of American and British linguocultures.

© Коршунова А. И., 2022

Keywords
zoologic metaphor, child characrerization, British linguoculture, American linguoculture, media discourse
For citation
Korshunova, A. I. Zoologic Metaphor as a Means of Characterizing a Child in American and British Linguocultures. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 61–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-61-72

Введение

Метафора представляет собой основной инструмент символического моделирования и является одним из главных способов осмысления и вербализации феноменов субъективной реальности [Lawley, Tompkins, 2000]. Использование метафоры позволяет устранить многие когнитивные барьеры, так как носители языка получают возможность облекать свои мысли и чувства в те формулировки, которые в наибольшей степени соответствуют их восприятию действительности. С помощью метафор они структурируют свою субъективную реальность, задавая определенные концептуальные ориентиры и выстраивая вокруг них собственное пространство символов. Анализ наиболее часто используемых метафор в той или иной области в конкретной культуре дает нам возможность получить представление о том, как принято понимать эту область на определенном историческом этапе развития общества.

В рамках данной статьи рассматривается использование зоологической метафоры в качестве характеристики детей. Актуальность данной темы обосновывается тем, что детство является значимым периодом в жизни человека в современной западной культуре. При этом детство, как и другие возрастные категории, представляет собой дискурсивный конструкт. Различные общества, опираясь на сложившиеся в конкретный период нормы и ценности, приписывают детям и детству определенные характеристики. Также стоит отметить историческую изменчивость представлений о детстве.

Таким образом, особенности, которыми различные культуры, в частности британская и американская, наделяют детство, будут отражены в используемых метафорах.

Методы

Для сравнительного анализа метафор детства и взросления, используемых в обиходно-разговорных дискурсах США и Великобритании, нами был проведен опрос на онлайн-платформе *Survey Monkey* [1]. Среди американских респондентов – 12 февраля 2020 г., среди британских респондентов – 3 мая 2021 г. В них приняли участие 58 американцев и 50 британцев. Из США в опросе поучаствовали 25 респондентов мужского пола и 33 – женского. Среди британских представителей 24 респондента – мужчины и 26 – женщины. В опросе участвовали респонденты от 18 до 80 лет. Мы сочли нецелесообразным вводить ограничение по возрасту, так как тема «детство» в одинаковой мере релевантна для представителей всех возрастных групп, и любой респондент старше 18 лет может предложить собственные ее интерпретации.

Опрос содержал 7 открытых вопросов, каждый из которых представляет собой незаконченное утверждение, которое респонденту необходимо было закончить любым приемлемым для него способом. Список вопросов приведен ниже:

Q1: Childhood reminds me of...	*Q1: Детство напоминает мне о...*
Q2: In childhood you mostly feel like a...	*Q2: В детстве вы в основном чувствуете себя как...*
Q3: Being a child is similar to...	*Q3: Быть ребенком похоже на...*

[1] https://www.surveymonkey.com/

Q4: All children are like ...	*Q4: Все дети как...*
Q5: Some kids resemble...	*Q5: Некоторые дети похожи на...*
Q6: Growing up is like …	*Q6: Взросление похоже на…*
Q7: Growing up can be compared to...	*Q7: Взросление можно сравнить с...*

Структура вопроса представляет собой форму образного сравнения. Такая форма была выбрана для того, чтобы мотивировать респондентов к использованию образного языка, в основе которого лежат проекции между разными областями опыта. Отсутствие в вопросах классической метафорической структуры «А – это Б» не противоречит поставленной цели извлечения индивидуальных метафор. Согласно теории жизни метафоры (*Career of Metaphor Theory*), метафора и сравнение образуют одну цельную категорию мышления, которая, в свою очередь, отражает способность человека к построению аналогий [Gentner, Colhoun, 2010]. Сравнение представляет собой первый этап конструирования, затем оно переходит в метафору по мере «конвенционализации» или постепенного укоренения в мышлении. Идентификация метафоры производилась с помощью метода MIP (*Metaphor Identification Procedure*) [Pragglejaz Group, 2007, p. 29].

Результаты

При анализе ответов респондентов были получены следующие результаты. Среди ответов американских респондентов метафорический компонент присутствует в 33 % ответов. Стоит отметить гетерогенность метафорического «ландшафта» в этом случае: среди ответов, содержащих в себе метафорический компонент, можно выделить как односложные метафоры, которые составляют 25 % от общего числа ответов, так и индивидуальные развернутые метафоры, составившие 8 % от общего числа ответов. Такой результат свидетельствует о метафорической креативности [Kövecses, 2015], которую американские респонденты проявили при осмыслении детства.

При анализе ответов британских респондентов наблюдается другая картина. Лишь 19 % ответов представлены в метафорическом формате. Подавляющее большинство ответов (84 %) – это прямые необразные формы. Более половины используемых метафор отличаются предельной лаконичностью (выражены одним словом) и относятся к числу конвенциональных метафорических форм (16 % от общего числа ответов). Насчитывается ограниченное количество индивидуальных и / или развернутых метафор (3 % от общего числа ответов). Таким образом, в рамках данного исследования британские респонденты проявили меньшую метафорическую креативность, по сравнению с американскими респондентами (рис. 1).

Однако следует отметить, что в обоих опросах было представлено одинаковое количество зоологических метафор. Несмотря на отсутствие стимулов, побуждающих респондентов к использованию зооморфных метафор, 26 американцев (9 %) и 27 британцев (11 %) выбрали названия различных видов животных для образного сравнения ребенка (рис. 2). Такой результат нельзя назвать неожиданным; он объясняется культурной универсальностью зоологической метафоры. Зооморфный код представляет собой один из базовых лингвокогнитивных инструментов, позволяющих вербализировать субъективный опыт [Гудков, 2004, с. 40]. Он оказывается применим к осмыслению особенностей внешности, поведения, эмоциональных состояний и т. д.

При анализе метафоры были распределены по группам в соответствии с видом животного, с которым сравнивают ребенка.

Наиболее часто британские респонденты при использовании зоологической метафоры сравнивали детей с животным вообще, без уточнения его вида (8 ответов). Аналогичное сравнение также было использовано американцами, но в меньшей степени (5 ответов). Американцы в основном проводили такую параллель на основании схожих характеристик детей

и детенышей животных. Салиентным признаком выступает небольшой размер, неподготовленность к жизни. Ср.: Q5, 4 / R18, 49 [2] *Untrained animals*; Q4 / R55 *Little animals*. Двое британских респондентов использовали ту же стратегию. Ср.: Q4 / R25 *Small animals*, Q3 / R21 *a young animal that is still finding its feet*. При этом респондент № 21 представил развернутую метафору и использовал идиоматическое выражение *to find one's feet*, чтобы сделать акцент на неопытности существа, которое пытается «встать на ноги» [3]. Один из британских респондентов выделил в качестве салиентного признак сердитости животных и детей, сделав упор на таких отрицательных сторонах поведения детей, как склонность к капризам. Ср.: Q5 / R1 *grumpy animals*. Другой британский респондент сравнил детей с дикими животными (ср.: Q5 / R5 *Wild animals*), обратив внимание на неисчерпаемый запас детской энергии, которую взрослым сложно обуздать. Здесь было бы уместно упомянуть ответ американского респондента, который при описании детей предложил метафору «дикие лошади», акцентируя внимание на неуемной энергии и нежелании детей вписываться в социальные рамки: Q4 / R14 *Wild horses*.

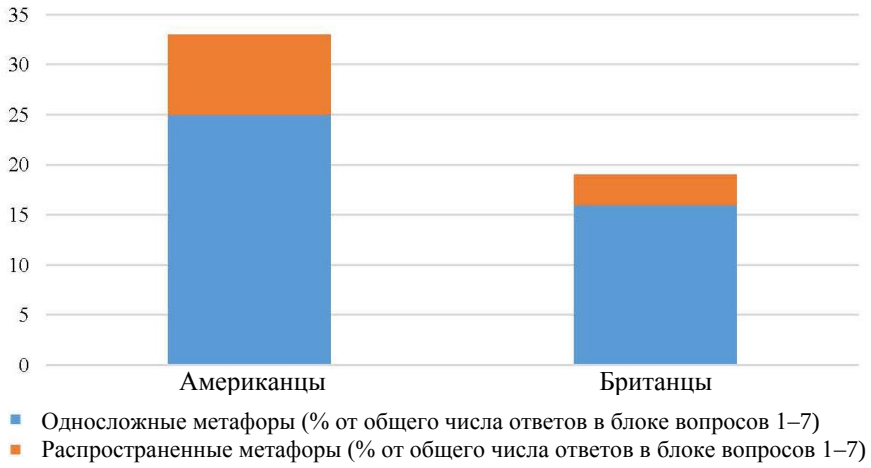


Рис. 1. Наличие метафорического компонента в ответах респондентов (составлено автором на основе проведенного опроса)
Fig. 1. The presence of a metaphorical component in the respondents' answers to the questions (compiled by the author on the basis of the survey)

Таким образом, при использовании метафоры A CHILD IS AN ANIMAL британские респонденты «обыграли» бóльшее количество признаков (табл. 1). Помимо распространенного среди американцев сравнения на основании таких сходств детей и детенышей животных, как небольшой размер и неподготовленность к жизни, некоторые из участвовавших в опросе британцев выделили более яркие негативные черты – сердитость, злость (*grumpy*) и дикость (*wild*) – в качестве салиентных признаков.

[2] Здесь и далее: Q (question) – вопрос, R (respondent) – респондент. – Примеч. авт.
[3] Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/find-your-feet (дата обращения 03.06.2021).

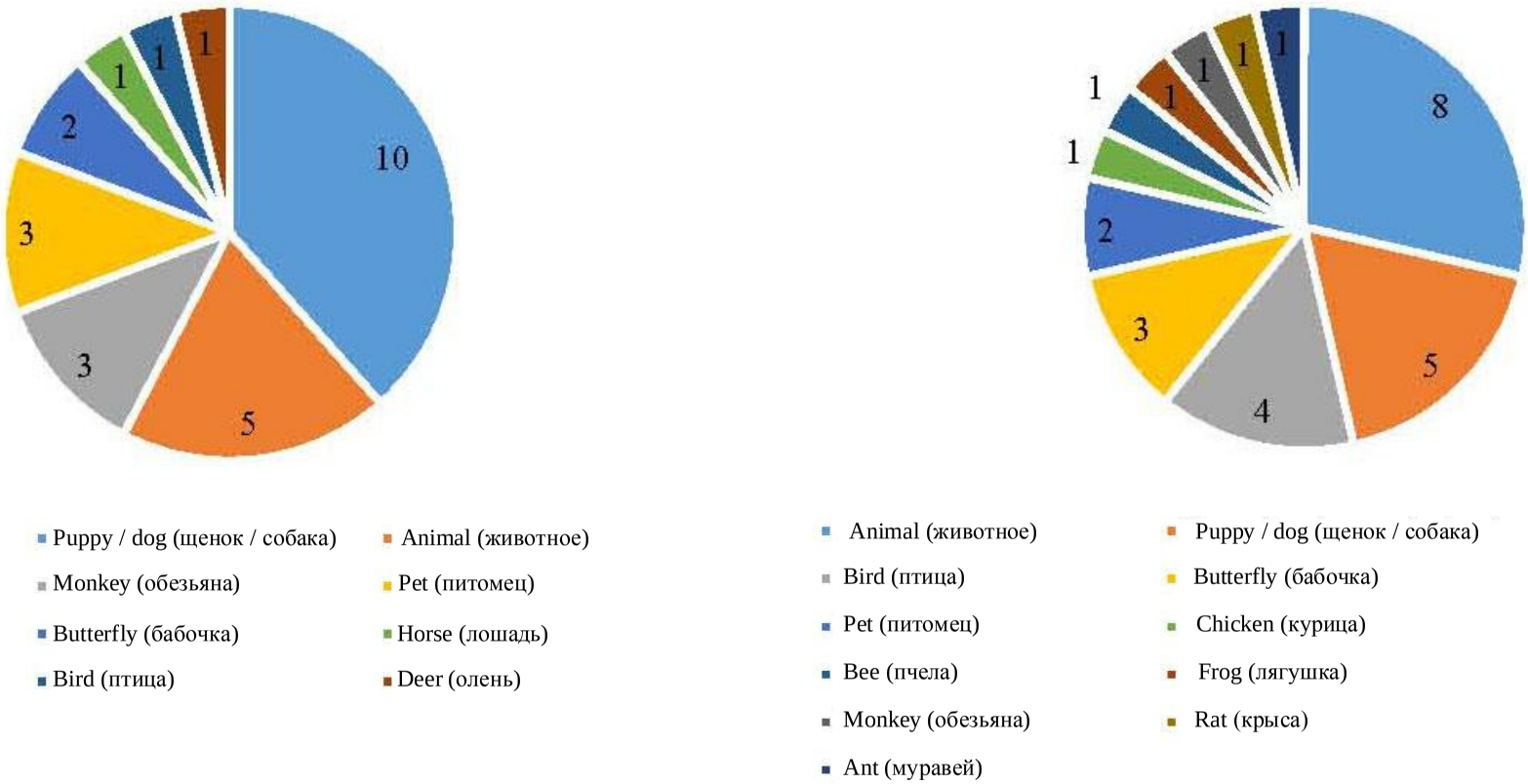


Рис. 2. Виды животных, используемых в качестве салиентных признаков
(составлено автором на основе проведенного опроса)
Fig. 2. Species of animals used as salient signs
(compiled by the author on the basis of the survey)

Таблица 1

Ответы респондентов с использованием метафоры CHILD IS AN ANIMAL

Table 1

Respondents' responses using metaphor CHILD IS AN ANIMAL

Британцы		Американцы	
Q / R	Ответ	Q / R	Ответ
Q3 / R49	Being an animal (быть животным)	Q5 / R4, 48	Animals (животные)
Q4,7 / R1, 42, 21	Animals (животные, зверята)	Q5, 4 / R18, 49	Untrained animals (недрессированные зверята)
Q4 / R25	Small animals (маленькие животные)	Q4 / R55	Little animals (маленькие животные)
Q3 / R21	a young animal that is still finding its feet (молодое животное, которое еще только встает на ноги)		
Q5 / R1	grumpy animals (злые, сердитые животные)		
Q5 / R5	Wild animals (дикие животные)		

Составлено автором на основе проведенного опроса.

Аналогичная родовидовая метафора была обнаружена в медиадискурсе. При поиске по ключевым словам в электронной версии американской газеты *The New York Times* было найдено 10 вхождений, в британской газете *The Times* – 11 вхождений. В газете *NY Times* метафора A CHILD IS AN ANIMAL зачастую встречается при описании родителями шаловливого поведения своих детей и размышлений о том, что взрослые должны делать в такой ситуации.

- *Here are some tips for **corralling** your **little animals*** (Grose, 2019).

В данном случае наблюдается использование развернутой метафоры, которая применима не только к сравнению ребенка с животным (*little animals*), но и к действиям родителя по отношению к нему (*corralling*).

Как отмечалось выше, встречаются и видовые названия животных. В следующем примере мы наблюдаем высказывание мамы девочки, которая притворяется львом. Мама иронично сравнивает ее завтрак с зеброй, туфли – с лапами, школу – с саванной.

- *...**She's a lion** and will not answer any questions asked in English. She must **roar** her every reply. This can be particularly exhausting when it comes to getting her to eat her **breakfast (a zebra)**, or getting her **shoes (paws)** on, or getting her to **school (the savanna)** without an extensive round of make-believe before I've even had my coffee* (Grose, 2019).

Другая мама описывает, как ее дочь мяукает, отвечая на ее вопросы. При этом мама с иронией замечает, что она сама не прочь издавать подобные звуки на совещании в ответ на неуместные вопросы.

- *Every time I try to tell my almost 3-year-old something she doesn't want to hear, she **meows** at me... I wish I could **meow** at people in meetings sometimes instead of responding pleasantly to unreasonable requests* (Grose, 2019).

Другая картина наблюдается при анализе британского медиадискурса. В большинстве случаев сравнение ребенка с животным используется при описании общественного недовольства поведением детей. Такая метафора используется для того, чтобы сделать акцент на негативном поведении ребенка, не одобряемом обществом.

- *Public intolerance of young people has reached such levels that more than half of all adults think that* ***British children are beginning to behave like animals****, a poll has found* (Frean, 2008).
- *More than a third of people agree that "it feels like the streets are* ***infested*** *with children"* (Frean, 2008).

Наиболее часто встречающейся зоологической метафорой по результатам американского опроса является сравнение со щенком (8 ответов) и собакой (2 ответа). Ср.: Q3 / R4, 17, 42 *Being a puppy*; Q5 / R17 *Puppies and kittens*. Можно предположить, что, используя лексему *puppy* в качестве метафорического сравнения, респонденты хотят сделать акцент на беспомощности, уязвимости и привлекательности ребенка. Что касается выбора лексемы *dog* в качестве метафоры для вербализации концепта *CHILD*, в данном случае салиентным признаком является энергичность. Респондент № 29 объяснил такое сравнение большим количеством энергии как у ребенка, так и у молодого пса, использовав метафорическое высказывание о том, что ни у того, ни у другого «нет выключателя». Ср.: Q3 / R29 *A young dog… all go, no off switch, and being pretty sure you're the smartest person alive*. Стоит отметить, что британцы также использовали метафорическое сравнение ребенка с собакой, но в значительно меньшей мере (табл. 2). Лингвистически сравнительно редкое использование лексемы *dog* можно объяснить набором переносных значений, раскрывающих это слово. Согласно *Cambridge Dictionary* [4], вышеупомянутая лексема может употребляться в сленге, для того чтобы описать неприятного человека или для оскорбительного отзыва о внешности женщины. Такую разницу также можно объяснить культурными различиями. Американцы являются одними из лидеров по количеству «собачников». Собаки как домашние животные занимают лидирующую позицию в США: 38,4 % семей заботятся о собаках; на втором месте находятся кошки – 25,4 % [5]. В Британии распределение между этими видами домашних животных примерно одинаковое: 26 % – собаки, 24 % – кошки [6].

В американском медиадискурсе сохраняется тенденция использования метафоры CHILD IS A PUPPY при сравнении поведения ребенка и маленького щенка. В примере из *NY Times*, представленном ниже, автор перечисляет действия, которые свойственны щенкам и младенцам: и те, и другие небрежно раскидываются на полу, быстро проваливаются в сон, грызут всё, до чего могут дотянутся их челюсти.

- *ALMOST anyone who has watched both babies and puppies –* ***sprawling on the floor, plopping into sleep, gnawing on anything they can get their jaws around*** *– will agree the two seem much alike* (Frank, 1947).

Ниже приведен пример использования образного сравнения ребенка с собакой в контексте общения родителей и ребенка. Рассуждая о неправильном поведении родителей по отношению к своим детям, автор задается вопросом, стоит ли нам общаться с «маленькими мальчиками» как с «маленькими собаками», отмечая, что способы, которые родители выбирают для общения с детьми, оставляют желать лучшего. Автор намеренно представляет расширенный вариант данной метафоры и использует слово «лаять» вместо «говорить» для того, чтобы привлечь внимание к проблеме.

[4] Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/dog (дата обращения 16.01.2022).

[5] AVMA. Pet Ownership & Demographic. URL: https://www.avma.org/resources-tools/reports-statistics/us-pet-ownership-statistics (accessed: 16.06.2021).

[6] PDSA Animal Wellbeing (PAW) Report (2020). URL: https://www.pdsa.org.uk/media/10540/pdsa-paw-report-2020.pdf (accessed: 16.06.2021).

- *Should We Speak to Little Boys as We Do Little Dogs? Contrast that with the way we treat children after they have been similarly cooped up in a day of classes, activities and homework. We bark* (Mogel, 2018).

Таблица 2

Ответы респондентов с использованием метафоры A CHILD IS A DOG / PUPPY

Table 2

Respondents' responses using metaphor CHILD IS A DOG / PUPPY

Британцы		Американцы	
Q / R	Ответ	Q / R	Ответ
Q3 / R30	A puppy (щенок)	Q2 / R38	Puppy (щенок)
Q5 / R23	Puppies (щенки)	Q5,4 / R1, 21, 38	Puppies (щенки)
		Q3 / R4, 17, 42	Being a puppy (быть щенком)
		Q5 / R17	Puppies and kittens (щенки и котята)
Q3 / R14	a dog (пес)	Q2 / R27	Being a dog (быть псом)
Q3 / R40	Being a dog (быть псом)	Q3 / R29	A young dog… all go, no off switch, and being pretty sure you're the smartest person alive (молодой пес... всегда на готове, без выключателя, уверенный в том, что он самый умный на свете)
Q5 / R41	Dogs (псы)		

Составлено автором на основе проведенного опроса.

В контексте воспитательных техник, однако с противоположной эмоциональной окраской, сравнение ребенка с собакой используется в британском медиадискурсе. Например, автор представленной ниже метафоры побуждает родителей к применению строгих методов воспитания детей и сравнивает строгую дисциплину с дрессировкой собак в лаборатории.

- *...he argues that children should not be left in the care of others for long periods, and lays into the* ***strict disciplining of young children by comparing it to training them "like a dog in a laboratory"*** (Smyth, Dixon, 2010).

В британской прессе ребенок сравнивается с собакой с целью подчеркнуть опасность, которую он несет обществу в случае ослабления контроля над ним. В некоторых случаях метафора A CHILD IS A DOG переходит в A DOG IS BETTER THAN A CHILD, что вновь обращает внимание читателя на недовольство и обеспокоенность британского общества по поводу воспитания детей.

- ***Children, like dogs, are a danger*** *to others and themselves if allowed to run amok…* (Loveitt, 2005).
- *... had bookings off the back of it. It immediately gives a more homely feeling, and* ***dogs are better behaved than babies*** (Spicer, 2017).

Три британских и один американский респондент проводят метафорическое сравнение ребенка с птицей (табл. 3). Все респонденты выделили неопытность и уязвимость как салиентный признак. Американский респондент № 35 сравнивает детей с неоперившимися птенцами, обращая внимание на пока еще не развившуюся приспособленность детей к самостоятельной жизни в реальном мире: Q5 / R35 *Baby birds who still have their downy feathers*.

Таблица 3

Ответы респондентов с использованием метафоры A CHILD IS A BIRD

Table 3

Respondents' responses using metaphor CHILD IS A BIRD

Британцы		Американцы	
Q / R	Ответ	Q / R	Ответ
Q2, 3 / R10, 7	Bird (птица)	Q5 / R35	Baby birds who still have their downy feathers (птенцы, чьи перья еще пушистые)
Q4 / R27	Little pigeons (маленькие голуби)		
Q4 / R10	Chicks (цыплята)		

Составлено автором на основе проведенного опроса.

В данном контексте будет уместно упомянуть ответ респондента № 19, который выразил неготовность детей к самостоятельный жизни, сравнив ребенка с постоянно пугающимся оленем: Q5 / R19 *Deer – quick to startle*.

В ряде случаев зоологическая метафора построена на базе схожего обращения взрослых с их домашними питомцами и детьми: им необходим специальный уход и забота (на вопросы № 3 и 4 трое американских и двое британских респондентов (3, 5, 44) ответили *pets*).

Отдельного внимания заслуживает сравнение детей с обезьянами, которое было предложено тремя американцами и одним британцем (табл. 4). Можно предположить, что эта метафора акцентирует внимание на таких качествах ребенка, как активность и неусидчивость. Британский респондент предложил развернутую метафору (ср.: Q4 / R18 *Monkeys who have endless energy*) и использовал гиперболу – нескончаемая энергия. Такой же салиентный признак (энергия), но другую метафору выбрал британский респондент, сравнивший ребенка с трудолюбивой пчелкой: Q2 / R23 *busy bee full of energy*.

Таблица 4

Ответы респондентов с использованием метафоры A CHILD IS A MONKEY

Table 4

Respondents' responses using metaphor CHILD IS A MONKEY

Британцы		Американцы	
Q / R	Ответ	Q / R	Ответ
Q4 / R18	Monkeys who have endless energy (обезьяны с бесконечным запасом энергии)	Q5 / R56	Baby monkeys (обезьянки)
		Q5 / R42	Monkeys (обезьяны)
		Q5 / R13	Orangutans (орангутаны)

Составлено автором на основе проведенного опроса.

Также можно предположить, что в основе сравнения ребенка с обезьяной лежит незавершенный процесс эволюции человека, а обезьяна и ребенок находятся на завершающей стадии перед становлением человека. Похожие примеры можно встретить и в медиадискурсе.

- *CHIMPANZEES and children have a great deal in common: No two are alike; both bite when they are teething; have temper tantrums when they are frustrated; and require a firm but kindly hand* (Cook, 1969).
- *…The boys are roaming like a pack of monkeys, looking for something to break. Oh God* (Clover, 2009).

Трое британских и двое американских респондентов дали метафорическое сравнение с бабочкой (табл. 5). Салиентным признаком в данном случае является постоянное развитие, изменения-метаморфозы. Респонденты проводят аналогию между взрослением ребенка и процессом превращения гусеницы в бабочку. При этом американцы использовали данный образ исключительно при описании взросления (Q6, Q7).

Таблица 5

Ответы респондентов с использованием метафоры A CHILD IS A BUTTERFLY

Table 5

Respondents' responses using metaphor CHILD IS A BUTTERFLY

Британцы		Американцы	
Q / R	Ответ	Q / R	Ответ
Q4 / R29	Butterflies (бабочки)	Q7 / R52	Butterfly (бабочка)
Q3 / R29	Being a caterpillar waiting to grow into a butterfly (быть гусеницей, которая ждет превращения в бабочку)	Q7 / R15	The stages of the life of a butterfly (стадии жизни бабочки)
Q7 / R23	chrysalis to butterfly (из куколки в бабочку)		

Составлено автором на основе проведенного опроса.

По такому же принципу британский респондент сравнил развитие ребенка с процессом превращения головастика в лягушку: Q3 / R20 *Being a tadpole but growing into a frog.*

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает, что набор названий животных, используемых в качестве сравнения с ребенком, относительно схож, но коннотации, стоящие за этими метафорами, могут значительно различаться. Для американской лингвокультуры характерно использование зоологической метафоры в качестве образной характеристики ребенка в позитивном контексте. Американские респонденты проводят такое сравнение на основании схожего поведения животных и детей. В медиадискурсе зачастую такие метафоры появляются в контексте совершенствования воспитательных методов и отношений «ребенок – родитель» в общем. В то же время британской лингвокультуре свойственно использование образного сравнения ребенка с животным в менее позитивном контексте, что особенно ярко выражено в медиадискурсе.

Однако стоит отметить, что количество информантов, принимавших участие в опросе и выбравших стратегию вербализации ребенка посредством зоологической метафоры, недостаточно для того, чтобы делать окончательные выводы. Данная статья лишь выявляет ряд общих тенденций и определяет степень релевантности метафоры для описания детства.

Таким образом, в перспективе данное исследование может быть улучшено за счет увеличения выборки и проведения дополнительного опроса, направленного на изучение использования зоологической метафоры для характеристики ребенка.

Список литературы

Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.

Gentner, D., Colhoun, J. Analogical Processes in Human Thinking and Learning. towards a Theory of Thinking: Building Blocks for a Conceptual Framework. Berlin, Springer, 2010, 380 p.

Kövecses, Z. Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor. Oxford, Oxford Uni. Press, 2015, 234 p.

Lawley, J., Tompkins, P. Metaphors in Mind: Transformation through Symbolic Modelling. London, Crown House Publ., 2000, 336 p.

Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and symbol*, 2007, vol. 22, no. 1, pp. 1–39.

References

Gudkov, D. B. Edinicy kodov kul'tury: problemy semantiki [Units of cultural codes: problems of semantics]. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya [Language, consciousness, communication]. Collection of articles. Moscow, MAKS Press, 2004, vol. 26, pp. 39–50. (in Russ.)

Gentner, D., Colhoun, J. Analogical Processes in Human Thinking and Learning. towards a Theory of Thinking: Building Blocks for a Conceptual Framework. Berlin, Springer, 2010, 380 p.

Kövecses, Z. Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor. Oxford, Oxford Uni. Press, 2015, 234 p.

Lawley, J., Tompkins, P. Metaphors in Mind: Transformation through Symbolic Modelling. London, Crown House Publ., 2000, 336 p.

Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and symbol*, 2007, vol. 22, no. 1, pp. 1–39.

Список источников / List of Sources

AVMA. Pet Ownership & Demographic. URL: https://www.avma.org/resources-tools/reports-statistics/us-pet-ownership-statistics (accessed: 16.06.2021).

Clover, A. Dad rules: party animals. *The Sunday Times*. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/dad-rules-party-animals-g27jlfngdft (accessed: 03.06.2021).

Cook, J. A Child and a Chimp: Both Need Lots of Love. *The New York Times*. URL: https://www.nytimes.com/1969/01/14/archives/a-child-and-a-chimp-both-need-lots-of-love.html (accessed: 02.06.2021).

Frank, L. K. Babies Are Puppies, Puppies Are Babies; An understanding of the fact, says this expert, will help parents in the rearing of the child. *The New York Times*. URL: https://www.nytimes.com/1947/03/16/archives/babies-are-puppies-puppies-are-babies-an-understanding-of-the-fact.html (accessed: 01.06.2021).

Frean, A. Most adults think children ‘are feral and a danger to society. *The Times*. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/most-adults-think-children-are-feral-and-a-danger-to-society-7l3nnmzllvd (accessed: 15.06.2021).

Grose, J. Why Won’t My Kid Stop Pretending to Be a Lion? *The New York Times*. URL: https://www.nytimes.com/2019/05/28/parenting/pretend-play.html#:~:text=In%20general%2C%20there%20are%20four,communicate%20something%20(this%20is%20particularly (accessed: 23.05.2021).

Loveitt, M. Letters to the Editor: Beware: brats are taking over. *The Times*. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/letters-to-the-editor-beware-brats-are-taking-over-qr6ndb26nbn (accessed: 03.06.2021)

Mogel, W. Should We Speak to Little Boys as We Do Little Dogs? *The New York Times*. URL: https://www.nytimes.com/2018/04/10/well/family/whos-a-good-boy.html (accessed: 20.05.2021).

PDSA Animal Wellbeing (PAW) Report (2020). URL: https://www.pdsa.org.uk/media/10540/pdsa-paw-report-2020.pdf (accessed: 16.06.2021).

Smyth, C., Dixon, L. Toddlers' bad behaviour is always mothers' fault, says Oliver James. *The Times*. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/toddlers-bad-behaviour-is-always-mothers-fault-says-oliver-james-b6qxkv3nh9j (accessed: 03.06.2021).

Spicer, K. The Times Pets welcome: how dog-friendly are London's restaurants and hotels? *The New York Times*. URL: https://www.thetimes.co.uk/article/pets-welcome-how-dog-friendly-are-london-s-restaurants-and-hotels-d90qlxw6d (accessed: 02.06.2021)

Информация об авторе

Александра Ивановна Коршунова, аспирант

Information about the Author

Alexandra I. Korshunova, PhD Student

Статья поступила в редакцию 06.11.2021;
одобрена после рецензирования 24.12.2021; *принята к публикации 20.01.2022*
The article was submitted 06.11.2021;
approved after reviewing 24.12.2021; *accepted for publication 24.01.2022*

Научная статья

УДК 81'23
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82

Концепт *КИТАЙ* в сознании носителей русского языка (на материале ассоциативного эксперимента)

Чжан Янь

Сианьский нефтяной университет
Сиань, Китай
464559263@qq.com, https://orcid.org/0000-0003-3693-8431

Аннотация

Статья посвящена исследованию концепта *КИТАЙ* в сознании носителей русского языка и, значит, отчасти в национальной картине мира, сформировавшейся в настоящее время. *Актуальность* данной статьи определяется исследовательским интересом, обусловленным заметно возросшей значимостью концепта *КИТАЙ* в глобальном международном контексте, требующем более полного изучения его культурно-специфических особенностей в целях адекватного восприятия другими культурами его национального менталитета и выстраивания взаимоприемлемых моделей общения. В условиях нынешнего кризиса политики глобализма важно различать истинный и ложный мультикультурализм. *Объектом* исследования выбран концепт *КИТАЙ*, актуальность которого в сознании носителей русского языка объясняется политическими, экономическими, культурными и научными контактами двух стран и, в частности, высокой популярностью китайского языка среди молодых россиян. В качестве источника материала для построения концепта *КИТАЙ* используются результаты свободного ассоциативного эксперимента, участниками которого стали студенты Казанского федерального университета (КФУ); преподаватели КФУ различных специальностей; переводчики, инженеры, работники разных предприятий и учреждений Казани; студенты подготовительного факультета для иностранных учащихся Сианьского Нефтяного Университета, т. е. иностранные студенты из России.

Цель статьи – выявление когнитивных признаков концепта *КИТАЙ*, а также описание структуры исследуемого концепта в сознании участников эксперимента. При реализации указанной цели были выполнены следующие задачи: 1) проведение свободного ассоциативного эксперимента (САЭ); 2) анализ реакций респондентов; 3) классификация (параметризация) реакций по когнитивным признакам; 4) описание и выявление концепта *КИТАЙ* в сознании русских респондентов; 5) построение структуры ассоциативного поля «Китай».

Доказано, что когнитивные признаки, полученные с помощью САЭ, демонстрируют большой интерес россиян к Китаю в культурной, экономической, политической и других областях. Установлено, что в ядро ассоциативного поля входят ассоциаты, связанные с китайской культурой и народом. Отсюда можно сделать вывод, что у участников эксперимента китайская культура и ментальность китайцев находятся на первом месте. Словом-символом Китая, его образом, определенным по частоте упоминаний, стало «панда», что отражает экзотику его многовековой истории. Вместе с тем часто отмечается и наличие высокоскоростных магистралей, транспортной инфраструктуры, созданной в последние годы. Центральная зона ассоциативного поля состоит из ассоциатов, относящихся к жизни китайского общества, здравоохранению и геокультурным достопримечательностям Китая. Чай, как любимый напиток и ценный подарок, также прочно вошел в сознание носителей русского языка. Кроме того, в периферию ассоциативного поля входят и ассоциаты, касающиеся китайской внешней политики, армии и российско-китайских межгосударственных отношений. Большое число испытуемых дает позитивную оценку Китаю и его народу, создавая всестороннее представление о стране.

Ключевые слова

когнитивная лингвистика, свободный ассоциативный эксперимент, концепт *КИТАЙ*, когнитивные признаки, ассоциативное поле «Китай»

© Чжан Янь, 2022

Благодарности

Данная статья представляет собой поэтапное достижение 13-го пятилетнего проекта учебной дисциплины в провинции Шэньси в 2020 году (проект № SGH20Q227)

Для цитирования

Чжан Янь. Концепт *КИТАЙ* в сознании носителей русского языка (на материале ассоциативного эксперимента) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 73–82. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82

The Concept *CHINA* in the Minds of Native Russian Speakers (Based on the Material of an Associative Experiment)

Zhang Yan

Xian Petroleum University
Xian, China

464559263@qq.com, https://orcid.org/0000-0003-3693-8431

Abstract

The article is dedicated to a study on the concept *CHINA* in the minds of native Russian speakers and the national worldview that has been formed at the present time. The relevance of this article is determined by the research interest in the significance attached to the concept *CHINA* worldwide and the need to identify specific cultural features of the Chinese national mentality as viewed from the outside. The relevance of the concept *CHINA* as the object of our paper is accounted for by the role of China in the contemporary world, as well as by political, economic, cultural, scientific, and other contacts between the Chinese and Russian peoples. The results of the free associative experiment on the stimulus "China" are used as a source of material for the reconstruction of the concept. The participants of the experiment were students of Kazan Federal University (KFU); teachers of KFU of various specialties; translators, engineers, employees from different enterprises and institutions in the city of Kazan; students of the preparatory department for foreign students of the Xian Petroleum University (foreign students from Russia).

The aim of the article is to identify the cognitive features of the concept *CHINA*, and describe its structure in the minds of native Russian speakers. While achieving this aim, the following tasks were performed: 1) conducting a free associative experiment; 2) analyzing the reactions of the informants in the associative experiment; 3) identifying the parameters of reactions according to cognitive characteristics; 4) building the structure of the associative field "China"; 5) describing and identifying the concept *CHINA* in the minds of native Russian speakers.

It has been shown that the core of the associative field includes associates about Chinese culture and its people. A high-frequency word "Panda", seems to symbolize China. Almost all the respondents emphasize Chinese culture and the people's mentality. The core of the associative field consists of the units concerning public life, health, and famous places in China. Tea exists in the minds of native Russian speakers as a favorite drink and a precious gift. The periphery of the associative field includes words related to Chinese politics, the army, and bilateral interstate relations. The cognitive signs identified in the free associative experiment on the stimulus "China" demonstrate Russian people's great interest in all the aspects of Chinese culture and create a multifaceted idea of China.

Keywords

cognitive linguistics, free associative experiment, concept *CHINA*, cognitive features, associative field "China"

Acknowledgements

This article is a step-by-step achievement of the 13th five-year academic discipline project in Shaanxi Province in 2020 (project no. SGH20Q227)

For citation

Zhang Yan. The Concept *CHINA* in the Minds of Native Russian Speakers (Based on the Material of an Associative Experiment). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 73–82. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82

Введение

В настоящее время остается популярной тенденция изучать один народ «глазами другого», т. е. анализировать и структурировать восприятие друг друга по формам его языкового выражения. Такие исследования чаще проводятся в рамках социологии, культурологии, философии и других гуманитарных наук, однако перспективным направлением в настоящий

момент является и когнитивная лингвистика, в рамках которой по языковому материалу можно эффективно исследовать концептуальную сущность одного народа в сознании другого, выявлять те их области, которые относятся к специфическим.

Концепты как базовая сущность сознания позволяют связывать употребление слова в речи с тем или иным смыслом – социальным, культурным и т. д. [Павлёнис, 1983, с. 15]. Конкретизируя эту сущность, Е. С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др., 1996, с. 443]. Следовательно, концепты как внешние формы языка тесно связаны с сознанием, мышлением и практической деятельностью человека – носителя языка.

О значимости исследования концептов в национальной картине различных народов мира свидетельствуют многочисленные работы (см.: L. W. Barsalou [1992], А. П. Бабушкин [1997], А. Вежбицкая [2001], Л. А. Шарикова [2008], В. И. Карасик [2010], Т. В. Глазкова [2015], А. Д. Палкин [2021], Янь Кай и Чжу Хуадунь [2021] и др.). Интерес к концептам в когнитивной лингвистике заключается в том, что они находятся в состоянии непрерывной трансформации, зависят от исторического времени, от опыта концептуального познания действительности каждым человеком и всем народом. Не вызывает сомнений тот факт, что «один и тот же» концепт в сознании разных людей и народов может восприниматься по-разному. Это значит, что репрезентация концепта в диахроническом аспекте должна основываться на рассмотрении всех влияющих на его концептуальную сущность факторов. Эффективность их выявления с помощью методики ассоциативного эксперимента в целях исследования концептов доказана многими учеными, среди которых А. А. Леонтьев [1997], Е. С. Кубрякова [Кубрякова и др., 1996], З. Д. Попова и И. А. Стернин [2006], Ю. Н. Караулов [2010] и др.

Концепт *КИТАЙ* и методология его исследования

Концепт как фрагмент сознания и концептосфера как результат познавательной деятельности субъекта определенного языка, которая состоит из концептов, принадлежат в последнее десятилетие к числу наиважнейших объектов лингвистики. Описание концепта *КИТАЙ*, фрагмента национальной картины мира, представляется нам как раскрытие максимально полного набора когнитивных признаков, свойственных данному концепту в языковой картине мира определенной социокультурной группы россиян в текущий период времени. Для реализации этой цели был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), поскольку методологически доказано, что он дает прямой вывод к языковому сознанию индивида. Н. В. Уфимцева справедливо подчеркивает, что САЭ является одним из способов «овнешнения сознания, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания» [2003, с. 103]. Можно сказать, что ассоциативное поле определенного концепта как совокупность ассоциатов (реакций на слово-стимул) является не только фрагментом вербальной памяти человека, но и фрагментом концептосферы этноса, отраженным и закрепленным в сознании носителей языка и культуры. При этом ассоциативный эксперимент, как подчеркивает О. Е. Приходько, «помогает <...> ранжировать признаки концепта “по яркости”, то есть выявить более и менее важные. А это позволяет идентифицировать и семантику слова, и языковые стереотипы, и специфические черты менталитета как индивида, так и нации в целом» [2017, с. 73].

В методологии обычно различают три вида ассоциативных экспериментов: свободный, направленный и цепной. Они могут быть использованы для разъяснения содержания концепта и выделения составляющих его когнитивных признаков. Нас в данной работе больше всего будет интересоваться САЭ, когда от испытуемого требуется как можно быстрее ответить первым пришедшим в голову словом (реакцией) на предъявленное слово (стимул).

Ассоциативный эксперимент представляет собой один из первых проектных методов изучения языкового сознания. Нет возможности изучать сознание напрямую, это можно сделать

только через продукты его деятельности. Сам эксперимент предполагает собой опрос респондентов с целью получения ассоциаций-реакций на определенные стимулы. Предметом исследования становятся непосредственно реакции опрашиваемых, на основе которых создаются ассоциативные поля, предоставляющие нам возможность описывать характеристики и качества образов сознания. Ассоциативное поле концепта – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознания носителя той или иной культуры [Уфимцева, 2003, с. 104].

Описанная выше методология исследования состояния языкового сознания и картин мира по ассоциатам не является, конечно, единственной. Так, в работах А. Д. Палкина, используется перечень обязательных ассоциативных компонентов, предложенный в коллективной монографии «Ментальность россиян» (1997), «уже ставший традиционным» для многих [Палкин, 2021, с. 73]. Все ассоциативные поля у всех исследователей сопоставляются по одним и тем же смысловым компонентам. Их типы таковы: «логико-понятийный (отражающий знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивный (знания, опирающиеся на представления о чувственно-телесной реальности), ценностно-смысловой (знания, связанные с духовными идеалами) и эмоционально-аффективный (знания, возникшие на основе субъективных переживаний)» [Там же].

Считается, что выделение стабильных смысловых компонентов в ассоциативных полях «позволяет отследить с большей объективностью особенности взаимосвязей между словами в ассоциативном тезаурусе. <…> А это, в свою очередь, повышает надежность выводов о содержании сопоставляемых образов сознания <…>» [Там же, с. 74].

Достоверность САЭ теоретически может зависеть даже от числа ассоциаций, которые респонденту разрешается дать в ходе эксперимента при ответе на стимул. Этот вопрос подробно рассматривается, например, в [Яковлев, 2018]. Он же предлагает строже отделять личностные смыслы, вкладываемые в реакции респондентами, от объективных социокультурных и национальных. Свой способ классификации полученных данных он называет *методом семантико-тематической группировки* реакций. Его специфика состоит в одновременном учете связей «как между стимулом и реакцией, так и между разными реакциями», что и «позволяет сконцентрироваться на личностном смысле, реализующемся в реакциях, и на его “удельном весе” во всей совокупности полученных реакций (ассоциативном поле)» [Башанова и др., 2019, с. 148].

Состояние сознания нации в целом можно исследовать в межкультурном, т. е. сопоставительном, плане также на материале концептуальных метафор, извлекаемых из текстов различных жанров. Этот подход эффективно продемонстрирован, например, в статьях О. И. Калинина в ходе сопоставительного анализа метафорического образа коронавируса в газетном дискурсе КНР и Республики Корея [Калинин, Мавлеева, 2020] и при сопоставительном анализе метафоричности официальных текстов военных доктрин России, США и Китая [Калинин, 2021].

И все-таки мы считаем, что в синхронии метод САЭ наиболее эффективно выявляет особенности картины мира тех или иных социокультурных групп изучаемого общества, их представления о мире.

Описание САЭ и когнитивный анализ концепта *КИТАЙ*

Мы провели свободный ассоциативный эксперимент «Китай» (далее – САЭ «Китай») в 2019–2020 гг. в городах Казань (Россия) и Сиань (КНР).

Участие в эксперименте приняло 208 человек – люди разного возраста, социального статуса и профессиональной принадлежности (студенты, которые учились в Сианьском нефтяном университете, преподаватели, инженеры, доктора, бизнесмены, рабочие, официанты и др.). Общее количество собранных ассоциатов (реакций) – 452, в том числе отличающихся друг от друга – 191.

Рассмотрение результатов ассоциативного эксперимента складывается из четырех этапов: 1) выделить ассоциаты; 2) провести их прямую когнитивную интерпретацию; 3) обобщить ассоциативную информацию, выделив из них когнитивные признаки изучаемого концепта, необходимые и достаточные для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира; 4) провести статистический анализ ассоциатов, чтобы показать удельный вес каждой из выделенных групп. Ассоциаты как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков концепта *КИТАЙ* классифицированы нами на основе 8 содержательных параметров.

Параметр 1 (П-1, отношение к китайскому народу и его знаменитым представителям) – 106 единиц, 23,5%.

Знаменитые люди (*философы, учёные-медики, спортсмены, актёры, писатели, поэты, государственные и политические деятели Китая*): Конфуций 2, Яо Мин 2, Чжун Наньшань 2, Ли Бо 1, Мао Цзэдун 1, Джеки Чан 2, Дэн Сяопин 2, Сунь Ян 3, Джек Ма 3, Брюс Ли 2, Ли Кэцян 1, Си Цзиньпин 1.

Обычные люди: людей много 2, туристы 8, брат 2, братан 2, целеустремлённые люди 1, дедушки 2, бабушки 2, люди 2, количество народа 2; врач 2.

Положительные качества народа: мудрые 4, искренний 2, сердечный 2, могучесть 2, честный 2, честность 2, гостеприимный 2, воспитанный 2, образованный 2, скромное обаяние 2, простодушность 2, простота 2, искренность 2, дружный 2, добро 2, прямолинейный 2, скромность 2, ум 1, прочный 1, сплочённый 1, мудрый 2, старание 2, трудолюбие 1, гостеприимство 1.

Отрицательные качества народа: хитрые 3, легко вспыхивать 2, нет манер 2, ложь 1, плохо 1, зло 1, ленивый 1, плохой 2.

П-2 (Культура Китая). К данному параметру относятся ассоциаты, в которых показывается отношение носителей русского языка к культуре Китая (100 единиц, 22,1 %). Поскольку понятие культуры является чрезвычайно многоплановым, отражающим ее духовные, символические, материальные, этнографические, языковые, художественно-эстетические и прочие проявления, то ассоциаты приходится разбивать на несколько подгрупп.

Символы Китая: панда 8, дракон 3, Великая китайская стена 4, феникс 1.

Китайский язык: язык трудный 4, Нихао (привет) 4, самый трудный язык 2, бесчисленное количество диалектов 2, иероглифы 1, иероглифы сложные 2, диалект 1, китайский литературный язык 1.

Китайская еда и питьё: вкусные блюда 4, рис 2, китайская капуста 1, чеснок 1, острые еды 2, чай 8, китайская водка 2, свиное копыто 2, чай Лунцзин 3, палочки 2, китайская кухня 2, доуфу (соевый творог) 1, пельмени 1, вкусно 1, горячая сухая лапша 1, фунчоза (лапша из крахмала) 1, жареная утка по-пекински 2.

Китайские сувениры: китайский самовар 4, китайский шелк 1.

Китайское искусство: тайцзи 4, кун-фу 3, пекинская опера 1.

Литература Китая: Сунь Укун [1] 4, «Сон в красном тереме» 1, «Красный гаолян» 1, поэзия 1.

Спорт в Китае: настольный теннис 3, гимнастика 1.

Другие: праздник Весна 1, Будда 2, Фэн-шуй 4.

П-3 (Условия и уровень жизни в Китае) – 88 единиц, 19,5 %. В эту подгруппу включены также ассоциаты, связанные с современным транспортом и дорожной инфраструктурой.

Транспорт: скоростные поезда 4, дороги хорошие 2, велосипеды общего использования 3, дорога 3, автомобиль 2, машина 1, дорога хорошая 1, железнодорожный 1, мост 2, шикарные машины 2.

[1] То есть Царь Обезьян – знаменитый китайский литературный персонаж, известный по роману «Путешествие на Запад».

Жизнь в Китае: безопасность 4, стабильность 3, стабильный 2, рай 2, райский 2, шум 1, небо 1, смог 2, дорого 1, реальный 2, реальность 2, honor 2, страшный 1, жестоко 1, коллективные физические упражнения 2, необходимость торговаться 2, байкшеринг 2, горячей водой 2, ритм жизни быстрый 2, делать покупки 3, покупать 1, Тао бао 2, будущее 2, Ali Pay 2, сделано в Китае 4.

Экспресс-доставка: Шуньфэн 2, aliexpress 4.

Качество товаров: товар 8, низкое качество 2, некачественные товары 1.

П-4 (Здравоохранение в Китае) – 58 единиц, 12,8 %:

коронавирус 26, Ухань 13, вирус 4, китайская медицина 5, опасность 2, опасный 1, случай 1, здоровье 1, маска 4, дыхание Китая 1.

П-5 (Культурная и туристическая география Китая) – 45 единиц, 10 %. В данный параметр входят ассоциаты, касающиеся известных мест в Китае:

Пекин 8, Шанхай 4, Музей Гугун 4, озеро Си Ху 3, Суйфэнхэ 2, Маньчжурия 2, Гора Тайшань 2, Гонконг 2, Хайнань 2, Тайвань 2, Санья 2, река Янцзы 1, Летний императорский дворец 2, площадь Тяньаньмэнь 1, университет Цинхуа 2, Пекинский университет 1, путешествие на Запад 2, Харбин 1, Ханчжоу 1, Птичье гнездо 1.

П-6 (Экономика) – 25 единиц, 5,5 %. В этой группе доминируют две темы.

1. *Богатая страна и быстро развивается*: богатство 5, богатый 2, деньги 5, экономика 1, развитие 2, юань 1, быстро 1.

2. *В Китае есть известные во всём мире предприятия*: Хуавэй 4, компания Алибаба 3, компания Сяоми 1.

П-7 (Политика и международное положение Китая) – 25 единиц, 5,5 %:

большая страна 2, большая 2, державный 2, удачный 2, сильный 2, успех 1, КПК 2; один пояс и один путь 5, ШОС 3, АБИИ 4.

П-8 (Китайская армия) – 5 единиц, 1,1 %:

военный 1, армия 3, парад 1.

Предварительные выводы

Проведенный анализ позволяет выявить не только представление о Китае в менталитете отдельного человека, но и содержательную структуру концепта *КИТАЙ* в сознании носителей русского языка. В их сознании и обыденной жизни концепт *КИТАЙ* представляет собой важный фрагмент, который можно, хотя и с осторожностью, проецировать на всю российскую национальную картину мира. Такая связь вполне обоснована, поскольку концепт *КИТАЙ* имеет большое число связей с другими концептами данной концептосферы. При этом разносторонность ассоциатов объективируется достаточно конкретно по видам и типам предметных областей, которые обозначаются в них прямо (эксплицитно) или имплицируются. Они касаются как этнографии (народа, истории), культуры в ее самых разнообразных формах существования, политики, экономики, условий и уровня жизни, общественного здравоохранения и даже армии Китая.

Типичными являются ассоциаты, репрезентирующие отношение к китайскому народу (23,5 %), к культуре Китая (22,1 %). Большинство испытуемых дает положительную оценку моральным качествам китайского народа (китайцев), характеризуя их словами «мудрые», «искренний», «сердечный», «честный», «гостеприимный», «воспитанный», «дружный» и др.

Представления о китайцах отличаются многообразием референций; в реакциях присутствуют образы древних философов, государственных и политических деятелей Китая различных эпох, писателей, поэтов, современных звезд спорта и киноискусства. В связи с эпидемией коронавируса в ответах несколько раз обнаруживается имя ученого-медика Чжун

Наньшаня, внесшего огромный вклад в борьбу против этой пандемии. Злободневными оказались и некоторые другие реакции, спровоцированные коронавирусом: «коронавирус», «Ухань», «вирус», «маска».

При анализе П-2 «реакции, в которых воплощаются отношение к культуре Китая» выявляются наиболее часто ассоциируемые феномены как бытовой, так и высокой культуры Китая, его символы: Великая Китайская стена, китайский язык очень трудный, китайские блюда вкусные, китайский чай хорошо пахнет, «Четыре Великих Творения» (*устойчивое наименование для четырех наиболее знаменитых романов китайской литературной традиции*).

Концептуальная структура ассоциативного поля «Китай»

На базе анализа частотности ассоциатов в структуре ассоциативного поля «Китай» достаточно четко определяются его ядро, центральная зона и периферия. Это дает нам возможность составить адекватное представление о концептуальной сущности исследуемых концептов в сознании молодых носителей русского языка и о специфике ее проявления.

Ядро составляют ассоциаты, которые относятся к этнокультурным областям П-1 (отношение к китайскому народу, 23,5 %) и П-2 (отношение к культуре Китая, 22,1 %). Это можно объяснить самой темой эксперимента, предполагающей активацию в сознании его участников самых важных элементов, формирующих понимание Китая.

В центральную зону ассоциативного поля входят П-3 (условия и уровень жизни, 19,5 %), П-4 (общественное здравоохранение, 12,8 %) и П-5 (география культуры, достопримечательности, 10 %).

Когда речь идет о китайских товарах, у большинства респондентов возникает ассоциация с их низким качеством и дешевизной. Но, тем не менее, всё больше и больше носителей русского языка стали обращать внимание на такие известные китайские бренды, как «Хуавэй» «Алибаба» «Сяоми». Это значит, что мнение о качестве китайской продукции меняется, особенно в области электронных изделий.

П-6 (экономика, 5,5 %), П-7 (политика и международное положение Китая, 5,5 %), П-8 (армия КНР, 1,1 %) формально могут быть отнесены к периферии ассоциативного поля «Китай». Об этих важнейших сторонах современного Китая участники САЭ упоминают мало, но это связано, скорее, с их возрастом и профессиональными интересами. Тем самым место политики Китая и его армии в современном мире и даже в его контактах с современной Россией в их сознании заметно искажается, но в сознании современного российского общества в целом их важность и даже приоритетность признается. Что касается экономики, то здесь сказалась широта этого понятия. Многое из того, что тесно связано с ней и является прямым следствием ее развития, было отнесено к П-3.

Заключение

Проведенное нами исследование является лишь одной из многих попыток выявить особенности ментальности россиян и китайцев, отследив их реакцию на тот или иной фрагмент мира. Наш фрагмент – *КИТАЙ* – это очень широкое понятие, поэтому приведем сначала выводы из работы [Башанова и др., 2019], в которой исследовалась ментальная реакция русских и китайских студентов на гораздо более конкретные понятия – названия дней недели, названия некоторых профессий, образы наук (научных предметов). Авторы пришли к выводу, что «в языковом сознании русских студентов наиболее явно отражены результат и орудие труда представителя профессии, сфера и конкретное место осуществления деятельности», тогда как китайские студенты выдвигают на первый план собственно деятельность представителя профессии. Выяснилось, кроме того, что в наименование профессии у них входит важный компонент, который описывает действия не самого представителя профессии, а того, с кем он взаимодействует в процессе ее выполнения [Там же, с. 146].

Что касается образов наук, то выяснилось, что языковом сознании китайских студентов содержится «стойкий оценочный компонент, отражающий трудность <...> наук», притом что он не характерен для языкового сознания русских студентов [Башанова и др., 2019, с. 153].

Стимул «Китай» не дает, конечно, респондентам возможности сконцентрироваться на какой-то одной узкой области, поэтому их реакции оказались очень разнообразными. САЭ «Китай» позволил выявить в сознании ближайшего соседа Китая, представленного людьми, имеющими больше прямых учебных и профессиональных контактов с нашей страной, чем обычные жители других регионов России, множество разнообразных когнитивных признаков концепта *КИТАЙ*. При этом отношения между концептом *КИТАЙ* и ассоциативным полем «Китай» являются взаимодополняющими: не только концепт отражается в ассоциативном поле, но и наоборот – ассоциативное поле отражается в концепте.

Наряду с упомянутыми выше статьями по сопоставлению русскоязычной и китайской культур, ментальности двух народов, данная работа открывает новые перспективы для дальнейших исследований. Более детальный анализ позволит получить данные, которые послужат базой для описания взглядов носителей русского и китайского языков на мир, на другие народы и страны.

Список литературы

Бабушкин А. П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности // Вестник ВГУ. Серия 1: Гуманитарные науки. 1997. № 2. С. 114–118.

Башанова М. А., Юй Чжан, Яковлев А. А. Наименования наук в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 145–155. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-145-155

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 289 с.

Глазкова Т. В. Базовые ценности россиян и ценностно-смысловое наполнение концепта «семья» // Культура культуры. 2015. № 4 (8). С. 142–148.

Калинин О. И. Анализ метафоричности текстов военных доктрин на русском, китайском и английском языках // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 110–121. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-110-121

Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99–109. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фт МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Павлёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Палкин А. Д. Образ родины в русской и японской лингвокультурах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 69–83. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-69-83

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

Приходько О. Е. Использование ассоциативного эксперимента в изучении концептов // Международный журнал Содружество. 2017. № 18 (1). С. 73–75.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–111.

Шарикова Л. А. Исследование сознания человека в концептологии: методика уровневого анализа концепта // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психологический аспекты. М., 2008. Вып. 14. С. 277–284.

Яковлев А. А. Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 16–25.

Янь Кай, Чжу Хуадунь. Сопоставительный анализ категоризации концепта *ОСЕНЬ* в русском и китайском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 87–103. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-87-103

Barsalou, L. W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. Hillsdale, NJ, Erlbaum, 1992.

References

Babushkin, A. P. General linguistic concepts and concepts of linguistic personality. *Vestnik VSU. Series 1: Humanities*, 1997, no. 2, pp. 114–118. (in Russ.)

Barsalou, L. W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. Hillsdale, NJ, Erlbaum, 1992.

Bashanova, Maria A., Zhang Yu, Yakovlev, Andrey A. Science Names in the Language Consciousness of Russian and Chinese Students. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, pp. 145–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-145-155

Glazkova, T. V. Basic values of Russians and value-semantic content of the concept "family". *Culture of culture*, 2015, no. 4 (8), pp. 142–148. (in Russ.)

Kalinin, Oleg I. Metaphor Power of Military Doctrines in Russian, Chinese and American English. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 110–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-110-121

Kalinin, Oleg I., Mavleeva, Darya V. Comparative Analysis of Coronavirus-Related Discursive Metaphors in PRC and ROK Media. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 99–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109

Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, Peremena, 2002, 477 p. (in Russ.)

Karaulov, Yu. N. Russian language and language personality. Moscow, LKI Publ., 2010, 264 p. (in Russ.)

Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. A short dictionary of cognitive terms. Moscow, MSU Press, 1996, 245 p. (in Russ.)

Leontiev, A. A. Fundamentals of psycholinguistics. Moscow, Nauka, 1997, 287 p. (in Russ.)

Palkin, Alexei D. Image of Motherland in Russian and Japanese Linguocultures. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 69–83. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-69-83

Pavlenis, R. I. The problem of meaning: a modern logical and philosophical analysis of language. Moscow, Mysl, 1983, 286 p. (in Russ.)

Popova, Z. D., Sternin, I. A. Semantic and cognitive analysis of language. Voronezh, Istok, 2006, 226 p. (in Russ.)

Prikhodko, O. E. The use of associative experiment in the study of concepts. International Journal Commonwealth, 2017, no. 18 (1), pp. 73–75. (in Russ.)

Sharikova, L. A. The study of human consciousness in conceptology: the methodology of the level analysis of the concept. In: The linguistic existence of a person and an ethnic group: Cognitive and psychological aspects. Moscow, 2008, iss. 14, pp. 277–284. (in Russ.)

Ufimtseva, N. V. Linguistic consciousness as a reflection of ethno-cultural reality. Questions of psycholinguistics, 2003, no. 1, pp. 102–111. (in Russ.)

Vezhbitskaya, A. Understanding cultures through keywords. Moscow, Languages of Slavic culture, 2001, 289 p. (in Russ.)

Yakovlev, Andrey A. On a procedure error in the free associations experiment. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 16–25. (in Russ.)

Yan Kai, Zhu Huadun. Comparative analysis of the concept *AUTUMN* in Russian and Chinese linguistic consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 87–103. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-87-103

Информация об авторе

Чжан Янь, кандидат филологических наук

Information about the Author

Zhang Yan, PhD in Philology

Статья поступила в редакцию 17.09.2021;
одобрена после рецензирования 22.12.2021; *принята к публикации 10.01.2022*
The article was submitted 17.09.2021;
approved after reviewing 22.12.2021; *accepted for publication 10.01.2022*

Обзорная статья

УДК 81’23
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-83-95

Изучение языкового сознания в статике и в динамике: различия в методологии, теории и области применения (обзор публикаций последних лет)

Андрей Александрович Яковлев

Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия

mr.koloboque@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1491-0577

Аннотация

Представлен обзор и анализ публикаций последних лет, посвященных изучению языкового сознания. Анализ выявил два типа исследований: те, которые нацелены на описание особенностей некоторых фрагментов языкового сознания некоторой группы людей, и те, которые нацелены на сопоставление фрагментов языкового сознания разных групп. Сопоставление основано, как правило, на характере той деятельности, которую представители двух групп осуществляют регулярно. Исследования этого типа позволяют сделать заключение о причинах наблюдаемых явлений, поскольку выявляют ключевые факторы, влияющие на изменения ментального лексикона исследуемой группы. Таковые факторы суть особенности регулярной деятельности и особенности индивидуально-личностного переживания собственного опыта. Для исследований первого типа подходит традиционная интерпретация языкового сознания как составной части сознания человека. Для исследований второго типа необходима иная интерпретация языкового сознания, фиксирующая закономерность изменения языкового сознания разных групп людей. Автор определяет языковое сознание как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков. Таким образом, языковое сознание – это не составная часть индивидуального сознания, а теоретический конструкт, фиксирующий закономерности изменения ментальных лексиконов группы людей в зависимости от социально-культурных и индивидуально-личностных факторов.

Ключевые слова

языковое сознание, статика, динамика, психолингвистика, терминология языкознания

Для цитирования

Яковлев А. А. Изучение языкового сознания в статике и в динамике: различия в методологии, теории и области применения (обзор публикаций последних лет) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 83–95. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-83-95

© Яковлев А. А., 2022

Study on Language Consciousness in Statics and Dynamics: Difference in Methodology, Theory and Application Field (Review of Recent Publications)

Andrey A. Yakovlev

North-West Institute of management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation

mr.koloboque@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1491-0577

Abstract

The article is a review and analysis of recent publications dealing with the study of language consciousness. The analysis has revealed two types of research: the one aimed at describing the characteristics of some fragments of the language consciousness of a certain group of people, and the other one aimed at comparing fragments of the language consciousness of different groups of people. As a rule, the comparison is based on the activity that representatives of the two groups carry out regularly. Studies of this type give ground for conclusions about the causes of the observed phenomena since they identify factors that influence changes in the mental lexicon. Such factors are essentially the features of regular activity and the features of the individual and personal experience. For studies of the first type, the traditional interpretation of language consciousness as an integral part of human consciousness is suitable. For studies of the second type, a different interpretation of linguistic consciousness is required, the one that fixates the pattern of changes in the language consciousness of different groups of people. The author defines language consciousness as a psycholinguistic concept that shows how the internal and external factors for the functioning of a language as a human property are associated with changes in the meanings and senses of linguistic signs. Thus, language consciousness is not an integral part of individual consciousness, but a theoretical construct that fixates the patterns of change in the mental lexicons of a group of people depending on sociocultural and individual and personal factors. This concept reflects the ways the speech experience of a cultural group is organized depending on certain internal and external factors (those fixed by theory). The language consciousness does not contain a listing of the properties of individual images of consciousness, but instead a general pattern according to which the images of group or individuals consciousnesses are organized forming finally a certain system with its specific connections and characteristics which are determined by the impact of a peculiar combination of inner (personal senses, emotions, values, etc.) and outer (regular activity, social codes, cultural stereotypes, etc.) factors.

Keywords

language consciousness, statics, dynamics, psycholinguistics, linguistic terminology

For citation

Yakovlev, A. A. Study on Language Consciousness in Statics and Dynamics: Difference in Methodology, Theory and Application Field (Review of Recent Publications). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 83–95. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-83-95

Вводные замечания

Цель настоящей статьи – обзор и анализ работ последних лет, посвященных изучению языкового сознания. Это позволит выяснить, насколько схожие языковые явления (предметные области исследований) охватываются этим понятием.

В современном российском языкознании понятие «языковое сознание» (далее – ЯС) получило большое распространение. К сожалению, для многих авторов оно является лишь модным термином, используемым как маркер актуальности и современности исследования. Однако его распространение говорит о стремлении исследователей нащупать за ним некоторые языковые явления, не охватываемые традиционными семантическими или психолингвистическими понятиями. Так, вполне ясно, что понятия «ментальный лексикон», «ассоциативное поле», «семантическое поле», «личностный смысл», «концептосфера» и др. не вполне подходят для той реальности, которая подвержена изучению в исследованиях ЯС.

При этом для определения содержания и объема этого понятия нельзя идти путем теоретизирования. Путь определения или уточнения содержания и объема ЯС как научного понятия должен быть от практики (анализа психолингвистических исследований, их материала и результатов) к теории, т. е. к понятию, в котором отражались бы наиболее значимые свойства предметной области и методов, фигурирующих в разных исследованиях.

Наиболее распространенной интерпретацией понятия ЯС является та, согласно которой ЯС есть некоторая «составная часть» сознания вообще. Языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для выражения (овнешнения) образов сознания в процессе общения [Уфимцева, 2011, с. 206; Уфимцева, Тарасов, 2009, с. 20]. Данная интерпретация ЯС указывает на некоторую совокупность языковых явлений, но не подразумевает возможных факторов, влияющих на закономерные изменения этой совокупности. Будем считать эту интерпретацию исходной, традиционной и посредством анализа разных работ попытаемся выяснить, для всех ли них такая интерпретация подходит.

В настоящей статье мы будем рассматривать не исследования словарей и текстов, а только психолингвистические исследования ЯС, основанные на экспериментальном материале (не обязательно ассоциативном). Из исследований, опирающихся на данные ассоциативных словарей, мы брали только те, которые подразумевали, во-первых, сопоставление данных нескольких ассоциативных словарей, во-вторых, сопоставление нескольких ассоциативных полей в каждом словаре.

В случае изучения отдельных концептов ЯС является не собственно предметом научного познания, но своего рода фоном, на котором выделяется предмет (конкретный концепт); см., например: [Исаева, Васильева, 2021; Лемяскина, 2020; Таирова, 2019; Ращупкина, 2018; Сюй, 2020; Щурина, Вырупаева, 2021]. Такие работы тоже не рассматривались подробно.

Изучение ЯС в статике

Имеется немало исследований, которые дают интересные и перспективные результаты и нацелены на выявление некоторых особенностей ЯС без дальнейшего сопоставления этих особенностей. Как правило, в таких исследованиях эмпирический (экспериментальный) материал получен от одной группы испытуемых. Эта группа может быть выделена по какому-то признаку (чаще всего географическому или профессиональному), а может представлять собой группу людей, никак не отграниченную от других носителей того же языка.

Так, А. А. Талицкая и И. И. Ананьева исследовали в ассоциативном эксперименте лексемы *брань*, *инвектива*, *клевета* на предмет того, какое содержание стоит за ними в сознании рядовых носителей языка и представлено в словарях и юридических текстах [Талицкая, Ананьева, 2020, с. 398]. Авторы указывают, что некоторые пары понятий (например, *клевета* и *оскорбление*, *брань* и *оскорбление*) воспринимаются рядовыми носителями языка как синонимы [Там же, с. 405]. Кроме того, выявленные в ассоциативном эксперименте семантические группы связаны с чувствами, оценками, качествами личности (БРАНЬ – *невоспитанность*, *унижение*, *ужас*), а также имеет место большое число нулевых реакций на стимул ИНВЕКТИВА, редко используемый в повседневном общении [Там же, с. 399, 401]. Данное исследование не носило сопоставительного характера и было нацелено на выявление компонентов психолингвистического и лексикографического значения, поэтому традиционная интерпретация ЯС для него вполне целесообразна.

В. А. Миллер изучила эмоционально-оценочную лексику в языковом сознании молодежи (*косяк*, *лох*, *чмо*, *монстр*, *няшка* и др.). Автор приходит к выводу о неоднородности такой оценки: «Аксиологический статус лексем, выбранных для исследования, носит субъективный характер: то, что для одного человека связано с выражением иронии или одобрением, другим может быть воспринято как презрение или грубость» [Миллер, 2020, с. 92]. Основная цель автора состояла в выявлении эмоционально-оценочного компонента в значениях исследуемых слов и не подразумевала какого-либо сопоставления.

О. Н. Колышева [2021] выявляла особенности семантики ассоциаций на стимул ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА в ЯС студентов. Исследованию, таким образом, подверглись разные ассоциативные поля, связанные между собой образом Великой Отечественной войны, но не динамика этого образа, не его изменение в силу каких-то факторов. Однако весьма перспективным было бы сопоставление этого выражения в ЯС молодых и пожилых представителей современной русской культуры.

С. К. Башиева, А. И. Геляева и И. Р. Табаксоева выявили ценности, стоящие в ЯС студентов за словами *семья*, *труд*, *месть*, *дом*, *дружба*, *долг*, *любовь* и др. Авторы показывают связи эти слов со словами, выражающими характерные для Кавказа ценности (например, *намыс*), что дает основания для вывода: за определенными словами стоят не только индивидуальные и общечеловеческие ценности, но также этнокультурные и социальные ценности [Башиева и др., 2020, с. 17]. В данном случае также отсутствие сравнения полученных данных с данными другой возрастной или социально-культурной группы позволяет констатировать эти особенности в ментальном лексиконе студентов, но не закономерности их изменения. Поэтому выводы авторов, как они сами отмечают, справедливы только для молодого поколения кабардинцев и балкарцев [Там же, с. 9].

Целый ряд работ последних лет не подразумевает сопоставительного аспекта и нацелен на выяснение наличия каких-либо особенностей в ЯС некоторой группы носителей языка: [Вашунина и др., 2020; Белоусов, Павлова, 2020; Гуц, Худякова, 2020; Давлатмирова, 2019; Мельник, Макрушина, 2018; Пак, Долгова, 2020; Селютин, Селютина, 2020; Уфимцева, 2019; Шпильная, 2019].

Важно при этом подчеркнуть, что многие авторы, давая теоретическую интерпретацию полученных ими результатов, апеллируют к личности людей, к эмоциональной оценке разных явлений мира, к их ценностям – индивидуальным или социально-культурным, разделяемым с другими представителями той же социальной или этнической группы. Как правило, авторы приходят к выводу о том, что выявленные ими особенности ЯС являются «языковым преломлением» некоторых личностных и оценочных явлений.

Изучение ЯС в динамике

Имеются исследования другого типа, авторы которых целенаправленно сопоставляют ЯС двух групп, различающихся по какому-либо признаку. Характерно, что чаще всего таким признаком является деятельность, которую представители двух групп осуществляют регулярно.

Так, Т. М. Никаева и А. А. Сизых показали, что в ассоциациях на стимулы ЗАКОН, АДВОКАТ, СЛЕДОВАТЕЛЬ, СУДЬЯ, ПРЕСТУПНИК и др. по-разному представлены личностная оценка, культурные ценности, стереотипы, указания на социальные практики и т. д. Авторы отмечают, что «…представители закона (судья, следователь, адвокат) оцениваются положительно, а наказание, которое является результатом их труда, имеет негативные характеристики и оценивается многими как жесткое, несправедливое, ложное, ужасное и проч.» [Никаева, Сизых, 2020, с. 237]. Категория «закон» ассоциируется с государственными символами, правотворческой сферой, в то время как категория «преступление» ассоциируется с криминальной сферой и не всегда оценивается как справедливое [Там же]. Логично предположить, что первая тенденция связана с образованием и идеологией, а вторая – с индивидуальным жизненным опытом. Можно предположить также (хотя авторы не делают этого вывода), что социально-культурный и индивидуально-личностный опыт по-разному преломляется в значениях и смыслах исследованных слов.

Р. А. Кафтанов проанализировал данные нескольких ассоциативных словарей на предмет сходств и различий в ассоциативных полях слова ВОЙНА. Сравнение ассоциаций, полученных от студентов гражданских специальностей и от курсантов военного института, показы-

вает, что для вторых слово ВОЙНА имеет не столько историческое, сколько профессиональное значение, что обусловлено их деятельностью [Кафтанов, 2020, с. 163].

М. Н. Кротова и А. П. Ушакова исследовали ассоциации на стимулы АРМИЯ и ВОЙНА в ЯС военных и курсантов из России, ближнего и дальнего зарубежья. Авторы подчеркивают, что профессиональная деятельность военного оказывает влияние на предметно-содержательные характеристики, состав и частотность ассоциативных реакций [Кротова, Ушакова, 2021, с. 288]. При этом сходство ЯС всех трех групп испытуемых (Ии.) авторы объясняют влиянием общей профессиональной деятельности на сознание военных специалистов [Там же].

М. В. Гаранович [2020] показала, что языковые средства, которыми выражается оценка незнакомого человека, зависят от пола и социальной принадлежности говорящего. Мужчины и женщины 17–25 лет, мужчины и женщины 45–65 лет апеллируют при оценке изображения незнакомого человека к разным видам стереотипов [Там же, с. 146]. Следовательно, разные по социальному опыту люди опираются на разные по качеству структуры опыта, что, разумеется, отражается на значениях используемых ими слов.

Исследование Т. В. Хвесько, И. В. Крюковой и О. В. Врублевской посвящено особенностям восприятия имен собственных, которые изменили или приобрели оценочные значения в постсоветский период (*Билл Гейтс*, *Голливуд*, *Европа*, *Макдоналдс*, *Кавказ*, *Ельцин*, *Сталин* и др.). В эксперименте приняли участие несколько групп Ии.: от 18 до 29 лет; от 30 до 50, старше 50 лет. Примечательно, что авторы формулируют свою цель как **выявление динамики** ЯС [Хвесько и др., 2020, с. 118]. Особое внимание авторы уделяют эмоционально-оценочным реакциям, поэтому один из выводов состоит в том, что одно и то же имя в разные периоды своего существования **неоднозначно оценивается** языковым коллективом [Там же, с. 125]. Если бы перед авторами стояла цель определить наличие тех или иных коннотаций в именах собственных, то для их исследования вполне подошла бы традиционная интерпретация ЯС. Помимо этого, поскольку авторы сопоставляют материал по географическому и возрастному фактору, традиционная интерпретация ЯС не соответствует этой цели и не дает возможности теоретически обосновать и обобщить сделанные выводы. Возможно, поэтому авторы лишь констатируют неоднородность эмоциональных реакций в разных ассоциативных полях и не идут далее – к стоящим за такими реакциями изменчивым и стабильным смысловым структурам и личностным оценкам.

Как видим, в данных исследованиях центральную роль играет не только сопоставление разных групп людей, но и выявляемое личностное переживание тех или иных явлений действительности. Также сопоставление и выводы с позиций личностной оценки и регулярно осуществляемой деятельности см. в работах: [Бронникова, 2017; Кафтанов, 2021; Лопсан, 2018; Палкин, 2018; Устьянцева, 2021].

Наши исследования, в которых были задействованы студенты разных курсов, показывают, что образ преподавателя, студента, их взаимодействия и учебной среды вообще меняются не только из-за накопления студентом опыта, но и в большой степени из-за эмоционально-личностного переживания этого опыта [Яковлев, Елизарова (Телешева), 2016; Яковлев, 2017; 2020].

Имеется ряд, так сказать, переходных случаев. Например, исследование Ш. Цзя, посвященное анализу образа госслужащего в ЯС русских и китайцев. Материалом исследования были 16 стимулов – наименований профессий (ВРАЧ, УЧИТЕЛЬ, ГОССЛУЖАЩИЙ, ВОЕННЫЙ, АРТИСТ, ПИСАТЕЛЬ, КОСМОНАВТ, УЧЁНЫЙ и др.), из которых анализировались только реакции на стимул ГОССЛУЖАЩИЙ. Автор приходит к выводу: «Русские, прежде всего, рассматривают госслужащего как чиновника. Для китайцев госслужащий, в первую очередь, – это надежная работа, обладающая типичными профессиональными качествами: государственным статусом и стабильностью» [Цзя, 2021, с. 75]. Такие данные и выводы из них – лишь начало сопоставления, подготовительный этап изучения ЯС двух групп. Автор, к сожалению, не ставит перед собой цель выявить общие черты образа госслу-

жащего и представителей других профессий. Однако для этого понадобилась бы иная интерпретация ЯС.

Е. Е. Лукьянова исследовала значения слов с широким значением в ментальном лексиконе школьников (VII, X, XI классов) и пришла к выводу об отсутствии существенных различий между ними [Лукьянова, 2020, с. 247–248]. Это вполне объяснимо, если учесть, что изученные автором слова не имели прямого отношения к учебной (т. е. регулярно выполняемой) деятельности испытуемых.

Показательно исследование И. С. Хохловой и Л. А. Павловой, в котором задействованы весьма широкие группы испытуемых, не объединенные регулярно осуществляемой деятельностью. Поэтому авторы делают только самые общие выводы: «Для французского общества понятие патриотизма связано, в первую очередь, с любовью к своей стране, культуре и народу. Французы соотносят патриотизм с чувством привязанности и гордости за родину. В русском же языковом сознании мы наблюдаем связь термина “патриотизм” с военной тематикой» [Хохлова, Павлова, 2020, с. 684].

Для всех перечисленных исследований симптоматично, что отсутствие общей регулярной деятельности, объединяющей испытуемых, не дает возможности для более детальных выводов о причинах такой оценки исследуемых слов и стоящих за ними явлений. То же характерно для выводов других исследований: [Балясникова, Уфимцева, 2020; Васильева и др., 2019; Лаппо, 2020; Рев, Харченко, 2019; Цыбенова, 2020].

Две интерпретации ЯС

Исследования первого типа названы нами статическими потому, что их материал и выводы не позволяют сказать ничего о закономерностях изменения фрагментов ЯС, а также значений и смыслов слов, охватываемых этими фрагментами. Несомненная ценность таких исследований состоит в том, что они позволяют показать, насколько в ментальных лексиконах представителей той или иной социально-культурной группы представлен личностный, социально-экономический или этнокультурный момент. Эти исследования позволяют сказать, что́ в большей или меньшей степени отражено, например, в словах *жизнь*, *брань* или *война* – личный опыт человека, социальные нормы и стереотипы, личные, культурные или общечеловеческие ценности и т. д. Такие исследования выявляют наличие или отсутствие соотношения между некоторыми социально-культурными явлениями и явлениями языковыми (рассматриваемыми с психолингвистических позиций).

Напротив, исследования второго типа названы динамическими потому, что заложенное в их основу сопоставление позволяет выявлять те факторы, в силу действия которых изучаемые фрагменты ЯС изменяются закономерным образом. Эти факторы суть особенности регулярно осуществляемой деятельности и особенности личностного переживания и оценки, причем действуют они всегда системно. Такие исследования выявляют зависимость между языковыми явлениями (рассматриваемыми с психолингвистических позиций) и социально-культурными, а также личностными явлениями.

Именно для этих исследований традиционной интерпретации ЯС недостаточно, поскольку их теоретическая основа (складывающаяся вокруг основного понятия) не подразумевает сопоставительного момента и не выводит исследователя на смежные теоретические понятия и положения, связанные с личностью, переживанием, смыслами и т. д. Для сопоставительных исследований, изучающих ЯС в динамике, необходима иная интерпретация ЯС, относительно которой традиционная интерпретация становится частным, предельным случаем.

Учитывая сказанное, мы даем другое определение ЯС. **Языковое сознание – это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков.** Внутренними факторами являются особенности личностного переживания и эмоциональной оценки мира, внешними – особенности регуляр-

но выполняемой деятельности. ЯС содержит в себе не перечисление свойств отдельных образов сознания, а общую **закономерность**, по которой образы сознаний группы индивидов организуются именно в такую-то систему с такими-то связями и характеристиками, на которые в такой-то мере влияют факторы индивидуального (личностный смысл, эмоции, ценности и т. п.) и внешнего (социальные нормы, культурные стереотипы и т. п.) порядка. Это понятие отражает особенности упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (т. е. фиксируемых теорией) внутренних и внешних факторов.

Традиционная интерпретация ЯС подходит для исследований, которые нацелены на выяснение, отражаются ли те или иные явления в значениях и смыслах слов. Когда исследователь стремится просто констатировать, что такие-то слова связаны с такими-то представлениями людей (вне зависимости от действующих на эту связь факторов), статическая интерпретация ЯС вполне пригодна. В исследованиях, нацеленных на изменение представлений, образов, ценностей и т. д., на выявление их зависимостей от культуры и личности, целесообразно использовать предложенную нами динамическую интерпретацию ЯС. Эта последняя позволяет объяснить, как и какие факторы социально-культурного и эмоционально-личностного порядка влияют на связь слов с определенными представлениями людей, объединенных общей для них деятельностью.

Перспективы изучения ЯС в динамике

Динамическая интерпретация ЯС позволяет судить о степени общности фрагментов ЯС у представителей различных социальных групп. Появляется возможность изучать язык не как достояние абстрактного человека, а как достояние активного члена некоторой группы, общающегося по социокультурным нормам этой группы (или субкультуры), разделяющего общие для этой группы ценности и оценивающего свое взаимодействие с другими ее членами.

Сходство и различие ЯС разных социально-культурных групп оказываются не аналогами, а своего рода гомологами – вариантами некоторого общего для них инварианта. Обобщенный характер деятельности внутри группы является инвариантной характеристикой для сопоставляемых групп. Дело не только во внешнем сходстве, но и в сходстве внутренней динамики образов, относящихся к данному фрагменту ЯС данной социальной группы. И, как показано в упомянутых выше исследованиях, динамика эта обусловлена не только сходством доминантной деятельности данной социальной группы, но и личностным переживанием этой деятельности самими членами группы. Перспектива дальнейших исследований, следовательно, состоит в том, чтобы изучать, как меняется деятельность и ее переживание от группы к группе (социально не связанных между собой) и от одного исторического периода к другому.

Если исходить из того, что динамика ЯС разных социальных групп закономерна, то исследования ЯС из случайных поисков социально-культурных экзотизмов превращаются в целенаправленное изучение именно тех языковых явлений, существование и закономерность развития которых можно и нужно заранее предвидеть, что повысит прикладной характер психолингвистики в целом. Например, если в одной группе смежные явления осмысляются одинаково, а в другой одно из них осмысляется нейтрально, тогда можно предположить, что и второе явление (смежное с первым) будет нейтральным, и именно на нем сконцентрировать научное познание. При этом, зная фактор, влияющий на осмысление этих явлений в первой группе, можно предсказать, когда изменится осмысление, а во второй группе узнать, когда данный фактор начнет играть существенную роль. Вместо инвентаризации множества отдельных «черт» ЯС разных групп на первый план выйдет исследование и понимание закономерности их изменения и связей с социально-культурными и личностными явлениями. Но это возможно только при условии, что ЯС и каждый ее фрагмент изначально изучаются не просто как набор наиболее ярких этнонациональных или групповых

особенностей, привлекших внимание исследователя, а путем осмысленного целенаправленного выявления связей наиболее существенных особенностей ЯС с явлениями социально-культурного и личностного порядка.

Некоторые выводы

Язык есть всегда лишь относительное тождество между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами в сознаниях членов коллектива, предопределенного к регулярному перекрестному общению внешними экономическими условиями его существования [Поливанов, 1991, с. 344]. Подобно этому, и ЯС есть понятие относительное: нет «ЯС вообще», есть только ЯС какой-то конкретной – социальной, профессиональной или возрастной – группы индивидов – ЯС металлургов, ЯС студентов, ЯС садоводов, ЯС депутатов, ЯС дальнобойщиков и т. д. Установление границ исследуемой группы основано не на произволе ученого или научной избирательности, оно определяется той **деятельностью**, которую представители изучаемой группы осуществляют **регулярно**.

ЯС – это не составная часть сознания, не часть ментального лексикона. Это научный конструкт, теоретическое понятие, фиксирующее **закономерности изменения** ментальных лексиконов группы людей в зависимости от социально-культурных и индивидуально-личностных факторов.

ЯС – это взгляд на ментальный лексикон в обратной перспективе. Это понятие показывает, какие слова из разных ассоциативных полей, из разных фрагментов ментального лексикона связаны с определенными сознательными образами и их личностными оценками. ЯС выявляет фрагмент опыта, который не может быть охвачен ассоциативным полем одного слова. Исследованию должны подвергаться комплексы слов, объединенных общим содержанием деятельности и личностью человека, что далеко не всегда фиксируется в ассоциативных словарях. Изучению подвергаются не просто разные ассоциативные поля, а их общие тенденции: при наличии таковых именно понятие ЯС позволяет выявить их причины и факторы, влияющие на схожее изменение этих ассоциативных полей.

Список литературы

Балясникова О. В., Уфимцева Н. В. «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник ВолГУ. Серия «Языкознание». 2020. Т. 19, № 1. С. 28–40.

Башиева С. К., Геляева А. И., Табаксоева И. Р. Толерантность и интолерантность в языковом сознании современной студенческой молодёжи // Вопросы психолингвистики. 2020. № 4 (46). С. 8–20.

Белоусов К. И., Павлова Д. С. Геоконцепты российских городов в языковом сознании воспитанников образовательного центра «Сириус» // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 61–70.

Бронникова Ю. О. Ассоциативный эксперимент как один из методов выявления оценочных связей в языковом сознании младших школьников // Современный ученый. 2017. № 2. С. 37–42.

Васильева Г. М., Виноградова М. В., Мячина В. В. Динамика культурно-географических представлений в языковом сознании российских студентов (на материале образов стран) // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 262–270.

Вашунина И. В., Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф. Некоторые корреляции образов языкового и неязыкового сознания // Вестник Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 50. С. 9–26.

Гаранович М. В. Экспериментальное исследование стереотипного восприятия человека человеком в языковом сознании в зависимости от социальных факторов говорящего // Глобальный научный потенциал. 2020. № 4 (109). С. 142–148.

Гуц Е. Н., Худякова Н. О. Социальные стереотипы старости в языковом сознании молодёжи (на материале психолингвистических экспериментов) // Этнопсихолингвистика. 2020. № 3. С. 157–165.

Давлатмирова М. Б. Лингвокультурные аспекты макроконцепта «судьба» в арабском языковом сознании: результаты ассоциативного эксперимента // Вестник Тадж. нац. ун-та. Серия «Филологические науки». 2019. № 3. С. 138–145.

Исаева Э. С., Васильева Э. Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // Русистика. 2021. Т. 19, № 3. С. 241–252.

Кафтанов Р. А. Война в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 154–165. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-154-165

Кафтанов Р. А. Ассоциативная связь «война – победа» в русском языковом сознании студентов и курсантов (психолингвистический аспект) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 312–324. DOI 10.17223/18137083/75/22

Колышева О. Н. Война в русском языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2021. Т. 12, № 2. С. 339–358.

Кротова М. Н., Ушакова А. П. Исследование языкового сознания российских и иностранных военных специалистов методом ассоциативного эксперимента // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 15, № 2. С. 276–289.

Лаппо М. А. Россия и русская культура в языковом сознании носителей венгерского языка // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 84–92.

Лемяскина Н. А. Концепт «свои / чужие» в языковом сознании младшего школьника // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия «Филология. Журналистика». 2020. № 4. С. 68–69.

Лопсан А. П. Репрезентация образа отца в языковом сознании тувинцев, русских и американцев // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 480–481.

Лукьянова Е. Е. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания школьника (на материале слов широкой семантики) // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «Филология». 2020. № 4. С. 244–249.

Мельник Н. В., Макрушина Ю. А. Образ Кузбасса в обыденном языковом сознании школьника // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 451–455.

Миллер В. А. Стилистический статус эмоционально-оценочной лексики в словарях и в языковом сознании молодёжи // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 88–93.

Никаева Т. М., Сизых А. А. Система ассоциаций «закон» и «преступление» в языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 234–237.

Пак М. К., Долгова Т. В. Понятие жизнь в языковом сознании школьников // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 3-6 (59). С. 70–73.

Палкин А. Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 5–15.

Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 623 с.

Ращупкина Е. И. Концепт «учитель» в языковом сознании учащихся (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2018. № 42. С. 207–210.

Рев В. С. С. Т., Харченко Е. В. Образ семьи в языковом сознании носителей разных лингвокультур (на примере Шри-Ланки и России) // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 40–48.

Селютин А. А., Селютина Е. А. Особенности языкового сознания студентов вуза // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия «Филологические науки». 2020. № 12 (446), вып. 122. С. 125–130.

Сюй Лили. Ассоциативное поле концепта «упрямство» в русском языковом сознании // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 282–285.

Таирова Г. А. Специфика концепта «женщина» в английском языковом сознании (на основе свободного ассоциативного эксперимента) // Общество. 2019. № 2 (13). С. 74–77.

Талицкая А. А., Ананьева И. И. Понятия лингвистической экспертизы в обыденном языковом сознании // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 4. С. 396–406.

Устьянцева Е. В. Социокультурный тип учителя малого города Красноярского края (осознаваемый уровень языкового сознания) // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 17–23.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.

Уфимцева Н. В. Особенности языкового сознания билингва // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16, № 2. С. 156–167.

Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18–25.

Хвесько Т. В., Крюкова И. В., Врублевская О. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода в языковом сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование) // Язык и культура. 2020. № 50. С. 115–128.

Хохлова И. С., Павлова И. А. Патриотизм в языковом сознании французов и русских // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 682–684.

Цзя Шуюе. Этнокультурная специфика языкового сознания образа «госслужащего» в материалах свободного ассоциативного эксперимента // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 2. С. 63–77.

Цыбенова Ч. С. Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 98–109.

Шпильная Н. Н. Невербализуемые высказывания как проявления полифонии языкового сознания при психозе // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 150–156.

Щурина Ю. В., Вырупаева М. В. Концепт «родная земля» в региональном языковом сознании в контексте забайкальского приграничья // Сибирский филологический форум. 2021. № 4 (16). С. 72–82.

Яковлев А. А., Елизарова (Телешева) С. В. Некоторые особенности языкового сознания студента: данные ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 27–38.

Яковлев А. А. Модальность и эмоции в вербализации образов преподавателя и студента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 3. С. 5–20.

Яковлев А. А. Системное описание языкового сознания студента: образ самого студента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 117–131. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-117-131

References

Balyasnikova, O. V., Ufimtseva, N. V. “Conflict zones” of language consciousness in intercultural interaction. *Bulletin of VolSU. Series “Linguistics”*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 28–40. (in Russ.)

Bashieva, S. K., Gelyaeva, A. I., Tabaksoeva, I. R. Tolerance and intolerance in the linguistic consciousness of modern student youth. *Questions of Psycholinguistics*, 2020, no. 4 (46), pp. 8–20. (in Russ.)

Belousov, K. I., Pavlova, D. S. Geo-concepts of Russian cities in the linguistic consciousness of pupils of the educational center "Sirius". *Socio- and Psycholinguistic Studies*, 2020, no. 8, pp. 61–70. (in Russ.)

Bronnikova, Yu. O. Associative experiment as one of the methods of identifying evaluative connections in the linguistic consciousness of primary schoolchildren. *Modern Scientist*, 2017, no. 2, pp. 37–42. (in Russ.)

Davlatmirova, M. B. Linguocultural aspects of the macro concept "fate" in the Arab language consciousness: the results of an associative experiment. *Bulletin of the Tajik National University. Series "Philological Sciences"*, 2019, no. 3, pp. 138–145. (in Russ.)

Garanovich, M. V. Experimental study of the stereotypical perception of a person by a person in linguistic consciousness depending on the social factors of the speaker. *Global Scientific Potential*, 2020, no. 4 (109), pp. 142–148. (in Russ.)

Guts, E. N., Khudyakova, N. O. Social stereotypes of old age in the linguistic consciousness of young people (based on psycholinguistic experiments). *Ethnopsycholinguistics*, 2020, no. 3, pp. 157–165. (in Russ.)

Isaeva, E. S., Vasilyeva, E. G. The associative field of the concept "fire" in the linguistic consciousness of Russian speakers against the background of the Latvian linguoculture. *Rusistika*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 241–252. (in Russ.)

Jia Shuyue. Ethnocultural specificity of the linguistic consciousness of the image of a "civil servant" in the materials of a free associative experiment. *World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal*, 2021, no. 2, pp. 63–77. (in Russ.)

Kaftanov, R. A. Wars in Russian Language Consciousness of Students and Military Cadets (Psycholinguistic Aspect). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 154–165. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-154-165

Kaftanov, R. A. Associative connection "war – victory" in the Russian language consciousness of students and military cadets (psycholinguistic aspect). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 312–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/22

Khokhlova, I. S., Pavlova, I. A. Patriotism in the linguistic consciousness of the French and Russian. *World of Science, Culture, Education*, 2020, no. 6 (85), pp. 682–684. (in Russ.)

Khvesko, T. V., Kryukova, I. V., Vrublevskaya, O. V. Proper connotative names of the post-Soviet period in the linguistic consciousness of Russian speakers (experimental research). *Language and Culture*, 2020, no. 50, pp. 115–128. (in Russ.)

Kolysheva, O. N. War in the Russian linguistic consciousness of young Russians: an associative experiment. *Bulletin of RUDN. Series "Theory of Language. Semiotics. Semantics"*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 339–358. (in Russ.)

Krotova, M. N., Ushakova, A. S. Research of the linguistic consciousness of Russian and foreign military specialists by the method of associative experiment. *Bulletin of YarGU. Series "Humanities"*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 276–289. (in Russ.)

Lappo, M. A. Russia and Russian culture in the linguistic consciousness of Hungarian speakers. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*, 2020, no. 18, pp. 84–92. (in Russ.)

Lemyaskina, N. A. The concept of "friends / foes" in the language consciousness of a junior schoolchild. *Vestnik of Voronezh SU. Series "Philology. Journalism"*, 2020, no. 4, pp. 68–69. (in Russ.)

Lopsan, A. S. Representation of the image of the father in the linguistic consciousness of Tuvans, Russians and Americans. *World of Science, Culture, Education*, 2018, no. 6 (73), pp. 480–481. (in Russ.)

Lukyanova, E. E. Associative experiment as a method of studying the linguistic consciousness of a schoolchild (on the basis of words of broad semantics). *Bulletin of TSU. Series "Philology"*, 2020, no. 4, pp. 244–249. (in Russ.)

Melnik, N. V., Makrushina, Yu. A. The image of Kuzbass in the everyday language consciousness of a schoolchild. *World of Science, Culture, Education*, 2018, no. 5 (72), pp. 451–455. (in Russ.)

Miller, V. A. The stylistic status of emotional-evaluative vocabulary in dictionaries and in the linguistic consciousness of young people. *Vestnik of OSU. Humanities Research*, 2020, no. 2 (27), pp. 88–93. (in Russ.)

Nikaeva, T. M., Sizykh, A. A. The system of associations "law" and "crime" in the linguistic consciousness of students. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 234–237. (in Russ.)

Pak, M. K., Dolgova, T. V. The concept of life in the linguistic consciousness of schoolchildren. *Actual Scientific Research in the Modern World*, 2020, no. 3-6 (59), pp. 70–73. (in Russ.)

Palkin, A. D. The image of time in the linguistic consciousness of Russians and Japanese. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 5–15. (in Russ.)

Polivanov, E. D. Works on oriental and general linguistics. Moscow, Nauka, 1991, 623 p. (in Russ.)

Rashchupkina, E. I. Concept "teacher" in the linguistic consciousness of students (based on a free associative experiment). *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*, 2018, no. 42, pp. 207–210. (in Russ.)

Rev, V. S. S. T., Kharchenko, E. V. The image of the family in the linguistic consciousness of speakers of different linguistic cultures (on the example of Sri Lanka and Russia). *Philological Class*, 2019, no. 4 (58), pp. 40–48. (in Russ.)

Selyutin, A. A., Selyutina, E. A. Features of the linguistic consciousness of university students. *Bulletin of ChSU. Philological Sciences*, 2020, no. 12 (446), iss. 122, pp. 125–130. (in Russ.)

Shchurina, Yu. V., Vyrupaeva, M. V The concept of "native land" in the regional linguistic consciousness in the context of the Trans-Baikal border area. *Siberian Philological Forum*, 2021, no. 4 (16), pp. 72–82. (in Russ.)

Shpilnaya, N. N. Non-verbalized statements as manifestations of polyphony of linguistic consciousness in psychosis. *Questions of Psycholinguistics*, 2019, no. 2 (40), pp. 150–156. (in Russ.)

Tairova, G. A. Specificity of the concept "woman" in the English language consciousness (based on a free associative experiment). *Society*, 2019, no. 2 (13), pp. 74–77. (in Russ.)

Talitskaya, A. A., Ananyeva, I. I. The concepts of linguistic expertise in the everyday language consciousness. *Social and Humanitarian Knowledge*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 396–406. (in Russ.)

Tsybenova, Ch. S. Reflection of traditional values in the linguistic consciousness of Tuvinians (according to the associative experiment). *Questions of Psycholinguistics*, 2020, no. 1 (43), pp. 98–109. (in Russ.)

Ufimtseva, N. V. Features of bilingual linguistic consciousness. *Polylingualism and Transcultural Practices*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 156–167. (in Russ.)

Ufimtseva, N. V. Language consciousness: dynamics and variability. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2011, 252 p. (in Russ.)

Ufimtseva, N. V., Tarasov, E. F. Problems of studying language consciousness. *Questions of Psycholinguistics*, 2009, no. 10, pp. 18–25. (in Russ.)

Ustyantseva, E. V. Socio-cultural type of a teacher in a small town in the Krasnoyarsk Territory (perceived level of linguistic consciousness). *Siberian Philological Forum*, 2021, no. 2 (14), pp. 17–23. (in Russ.)

Vashunina, I. V., Nistratov, A. A., Tarasov, E. F. Some correlations of images of linguistic and non-linguistic consciousness. *Bulletin of NSLU*, 2020, no. 50, pp. 9–26. (in Russ.)

Vasilyeva, G. M., Vinogradova, M. V., Myachina, V. V. Dynamics of cultural and geographical representations in the linguistic consciousness of Russian students (based on images of countries). *Prospects for Science and Education*, 2019, no. 5 (41), pp. 262–270. (in Russ.)

Xu Lili. The associative field of the concept of "stubbornness" in the Russian linguistic consciousness. *World of Science, Culture, Education*, 2020, no. 1 (80), pp. 282–285. (in Russ.)

Yakovlev, A. A. Modality and emotions in the verbalization of teacher and student images. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 5–20. (in Russ.)

Yakovlev, Andrey A. Systemic Description of the Student's Language Consciousness: Student's Self-Image. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 117–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-117-131

Yakovlev, A. A., Elizarova (Telesheva), S. V. Some features of a student's linguistic consciousness: data from an associative experiment. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 27–38. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Александрович Яковлев, кандидат филологических наук

Information about the Author

Andrey A. Yakovlev, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 16.10.2021;
одобрена после рецензирования 08.01.2022; *принята к публикации 20.01.2022*
The article was submitted 16.10.2021;
approved after reviewing 08.01.2022; *accepted for publication 20.01.2022*

Научная статья

УДК 811
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111

Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе

Александр Борисович Алексеев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия
neuausstatten@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2740-4649

Аннотация

Статья посвящена изучению политической маргинализации, рассматриваемой в качестве манипулятивной коммуникативной стратегии, нацеленной на удержание или завоевание политической власти. Политический дискурс, несмотря на наметившуюся тенденцию к персонализации политического общения, особенно заметной в рамках политейнмента, определяется преимущественно институциональным типом дискурса, в котором важную роль играет диада «агент – клиент». Традиционно считалось, что агенты обладают дискурсивной властью, клиенты – нет. Однако, как показывает предпринятое исследование, провести четкую демаркирующую грань между агентами и клиентами политического дискурса довольно сложно. Дело в том, что, используя стратегию маргинализации, политики могут представлять себя не-политиками (т. е. не-агентами), нетипичными политиками, например политиками-женщинами, политиками, придерживающимися миноритарных политических воззрений, и т. д. При этом описываемая стратегия маргинализации, по всей видимости, не ограничена только политическими формами маргинализации – она может соотноситься с поиском кандидатом способов самоидентификации с маргинальными, ущемленными в правах социальными группами, включая национальные меньшинства и ЛГБТ. Более того, даже те социальные коллективы, которые, по идее, уже давно маргиналами в западных обществах не являются (например, женщины), могут эксплуатироваться политиками-маргиналами, предпочитающими характеризовать их в качестве людей, не имеющих равных возможностей с элитарными, привилегированными представителями общества (например, мужчинами). Таким образом, изучение коммуникативной стратегии маргинализации предполагает обращение к анализу сложной структуры социальных отношений, выявление манипулятивных аспектов маргинализации (в частности, презентация политиком себя в качестве не-политика почти во всех случаях должна быть квалифицирована как манипуляция) и рассмотрение лингвопрагматических аспектов маргинализации.

Ключевые слова

агент, власть, институциональный дискурс, клиент, манипуляция, политический дискурс, стратегия

Для цитирования

Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 96–111. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111

© Алексеев А. Б., 2022

The Political Marginalization as a Communicative Strategy of Power Domination in Political Discourse

Alexander B. Alexeyev

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

neuausstatten@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2740-4649

Abstract

The article is dedicated to the study of political marginalization viewed as a communicative strategy, aimed at retention or attainment of political power. Political discourse, despite the perceptible tendency towards personalization of the political communication particularly noticeable in politainment, is defined as a predominantly institutional type of discourse in which the dyad 'agent – client' plays an important role. From the traditional standpoint of view, it is believed that agents have discursive power while clients have none. However, as the undertaken research shows, it is quite difficult to draw a distinct line between agents and clients in political discourse. The point is that using the strategy of marginalization, politicians can present themselves as non-politicians (i.e. non-agents), untypical (atypical) politicians, for example women politicians, politicians holding on to minority political views, etc. At the same time, the strategy in question is most likely unrestricted by political forms of marginalization in the sense that it can correspond to the politician's search for self-identification with marginal social groups whose rights are infringed upon, including national minorities and LGBT. Furthermore, even those social groups which, in fact, have long ceased to be marginal in the Western world (e.g. women) can be exploited by marginal politicians who prefer to characterize them as people who are not enjoying equal rights with elite, privileged representatives of the society (e.g. men). Thus, the study of marginalization presupposes the analysis of the complex structure of social relationships, unveiling manipulative aspects of marginalization (NB: the politician's self-representation as the non-politician should almost always be considered as an instance of manipulation) and exploration of linguopragmatic aspects of marginalization.

Keywords

agent, power, institutional discourse, client, manipulation, political discourse, strategy

For citation

Alexeyev, A. B. The Political Marginalization as a Communicative Strategy of Power Domination in Political Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication,* 2022, vol. 20, no. 1, pp. 96–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111

Введение

Понятие «дискурс» прочно вошло в терминологический аппарат не только лингвистов, но и ученых самых разных гуманитарных направлений. Более того, как свидетельствует польская исследовательница И. Куява, слово «дискурс» активно употребляется и в ненаучных дискуссиях [Kujawa, 2014, S. 15], что делает термин «дискурс» консубстанциональным [1].

В русле социолингвистики дискурс может быть рассмотрен в качестве формы социальной практики [Fairclough, 1989, p. 22], транслируемой прежде всего посредством языка, играющего в дискурсе центральную роль ('Discourse is a human activity with language at the center') [Smith, 2005, p. 9].

М. Фуко, оказавший огромное влияние на становлении теории дискурса, писал следующее: «[д]искурсы – это не просто группы знаков... а практики, систематически формирующие

[1] Консубстанциональные термины имеют как терминологическое, так и нетерминологическое (бытовое) значение [Соколова, 2016, с. 16]. В строгом смысле слова консубстанциональным термин «дискурс» является только в западном мире, где употребление лексем *discourse, Diskurs, discours* и т. д. широко распространено в самых разных коммуникативных средах, в том числе бытовой, ведь в английском, например, основное значение единицы 'discourse' – речь, разговор. Тем не менее и в русском языке слово «дискурс» из научных дискуссий постепенно проникает в выступления политиков и / или репортажи журналистов.

объекты, о которых они ведут речь. Конечно, дискурсы состоят из знаков, но они делают нечто большее, чем просто используют эти знаки для обозначения вещей. Именно это нечто большее не позволяет свести дискурс к языку и речи» [Foucault, 1972, p. 49].

Важно подчеркнуть, что в приведенной цитате ученый трактует язык в его узком понимании как знаковую систему, используемую для общения, но если подойти к языку более глобально, если определить его философски как форму жизни (Л. Витгенштейн), дом бытия (М. Хайдеггер), то становится очевидным, что именно за языковой реальностью скрываются социокультурные данности, определяющие способы взаимодействия людей друг с другом [Равочкин, 2020, с. 49], которые, по существу, представляют собой языковые игры (нем. Sprachspiele, англ. language games) в их широкой, витгенштейновской концептуализации.

Персональный vs институциональный дискурс

Анализ понятий «дискурс» и «политический дискурс» невозможен без обращения к социолингвистической оппозиции «персональный – институциональный», являющейся базовой для разграничения и классификации различных типов дискурса.

В персональном, или личностно-ориентированном, дискурсе говорящий раскрывает все свои личностные характеристики. Согласно концепции, разработанной отечественными учеными, персональный дискурс принимает формы бытийного или бытового дискурсов. В первом случае – коммуникация диалогична, «пунктирна», влечет за собой сокращение социальной дистанции между адресантом и адресатом, постоянно меняющимися ролями, а невербальные аспекты общения приобретают особую значимость. Во втором – коммуникация разворачивается главным образом в монологе, насыщена психологическими, философскими, эстетическими смыслами и реализуется в литературных произведениях [Кравченко, 2020, с. 80].

Институциональный дискурс – это тип дискурса, формирующийся в условиях статусно-ориентированного взаимодействия людей, выступающих в качестве представителей социальных институтов, а не индивидов. Институциональное общение отражает специфику работы тех или иных общественных учреждений (судов, школ, СМИ, различных политических организаций) и часто ставит своей целью трансляцию дискурсивной власти, проявляющейся в утверждении определенных нормативных установок, а шире – в распространении особого институционального мировидения, мировосприятия [Там же].

В связи с этим институциональная коммуникация в известной степени предсказуема, ибо в ее основу закладываются типизированные повторяющиеся действия. Социальный институт строго регламентирует (языковые) нормы [2] и задает участникам общения набор ролей, которые конституируют идентичность человека, несомненно, сохраняющего свою индивидуальность, но часто жертвующего ею дабы соответствовать институциональным ожиданиям [Бейлисон, 2009, с. 142].

Имеет смысл различать базовые (власть, семья, собственность) и подвижные виды социальных институтов, т. е. те, которые, не будучи основными, в исторической динамике развития легко изменяются или вовсе уходят в прошлое (например, институт приказов, существовавший в Русском царстве несколько веков, был преобразован Петром I в коллегии, а введенные в 1864 г. земства были упразднены большевиками в 1918–1919 гг.). В современной науке институциональными признаются политический, дипломатический, военный, юридический, религиозный, спортивный, рекламный и др. дискурсы [Кравченко, 2020, с. 81].

Высказывается мнение, что центральной фигурой персонального дискурса является личность, а институционального – профессионал [Попова, 2016, с. 170]. Институциональное общение в этой перспективе всегда официальное, персональное – неофициальное, чаще всего

[2] Это соотносится с регулирующей функцией институционального дискурса.

бытовое, могущее проникать в самые различные речевые жанры. Например, в политических интервью оно преломляется в таких фреймах, как «семья», «увлечения», «родители», «учеба», «детство», «юность». Политические интервью нельзя отнести только к институциональному типу общения – они принадлежат одновременно к институциональному и персональному дискурсам [3] [Попова, 2016, с. 170]. Исходя из этого осмелимся предположить, что традиционная в дискурсивной лингвистике бинарная оппозиция «персональный – институциональный» не всегда может точно отразить специфику коммуникации, поскольку она неизбежно упрощает дискурсивные практики, сводит их лишь к одному – персональному или институциональному – полюсу.

О. А. Крапивкина отмечает, что даже такой, казалось бы, прототипичный институциональный дискурс, как юридический дискурс, неправильно характеризовать исключительно в терминах институциональности. Напротив, в юридическом дискурсе предлагается различать «Я-субъект» и «институциональный субъект». Я-субъект манифестируется в дискурсивном пространстве эксплицитно, тогда как институциональный субъект скрывается за безличными конструкциями, строго следует конвенциям и правилам, определенным дискурсивным сообществом, стремится к объективности, пусть иногда и мнимой [Крапивкина, 2015].

Не случайно М. Г. Цуциева, посвящая свое докторское исследование языковой личности политика, подчеркивает «синкретическую природу структуры и функций» изучаемого явления [Цуциева, 2019, с. 8]. Автор полагает, что языковая личность политика – это одновременно и субъект институционального дискурса, и уникальная языковая личность, которая склонна создавать внутри институционального политического дискурса идиодискурс – «уникальную системную совокупность высказываний / текстов, соответствующую собственной концептуально-ценностной базе…» [Там же].

В общем и целом персональный аспект общения имеет принципиальную значимость во многих институциональных дискурсах. Педагогический дискурс, например, как верно замечает Ю. В. Щербинина, отличается обозначенной амбивалентностью: с одной стороны, ему присущи ритуализация речевого поведения, ролевая маркированность и прочие признаки институциональной коммуникации, но с другой, успешная педагогическая деятельность немыслима без личного, неформального контакта учителя с учеником [Щербинина, 2009, с. 163].

Конечно, модальности сочетания или перекрещивания двух дискурсов трудно нормировать. Так, Л. С. Бейлисон указывает, что в медицинском дискурсе, если его рассматривать как институциональный, «пациент может пожаловаться врачу на недомогание, но не на скуку» [2009, с. 143]. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти: говорить на приеме у врача (если только это не психотерапевт) о своих внутренних переживаниях, конечно, непринято, но вполне вообразима ситуация, когда пациент, отвечая на вопросы лечащего врача, раскрывает ему преднамеренно или «мимоходом» подробности своей жизни, которые, по его мнению, могут быть связаны с его соматическим состоянием, тем более что на самом деле скука и физическое недомогание могут быть взаимосвязаны. А если это так, то врач и сам может быть заинтересован в том, чтобы узнать особенности образа жизни своего пациента, определить его внутреннее, эмоциональное состояние, ведь постулат о том, что эмоции обладают витальной силой, действителен не только для антропоцентрической лингвистики, обращающейся к изучению эмоций, но и для медицины.

Исходя из сказанного любой дискурс следовало бы представлять как континуум (шкалу), расположенный между полюсами персональности и институциональности. Предположительно, юридический или судебный дискурсы находятся ближе к институциональному полюсу, чем, допустим, политический дискурс, в условиях трансформации политики в политейнмент, характеризующийся своими особенностями и стратегиями [Боголюбов, 2020,

[3] Эта точка зрения интересна, но ее нельзя считать ортодоксальной в лингвистике, традиционно рассматривавшей политический дискурс в качестве институционального дискурса.

с. 137; Шмелева, 2020, с. 80], медленно, но однозначно смещающийся, особенно в интернет-коммуникации с ее новыми специфическими жанрами, в сторону персонального общения [4], всё еще оставаясь при этом *преимущественно* институциональным дискурсом.

Агент vs клиент дискурса с точки зрения кратологической теории

Если для описания дискурса ученые используют термины «персональный» и «институциональный», то для анализа институционального дискурса не менее важны понятия «агент» и «клиент».

Агенты – это люди, представляющие тот или иной социальный институт, работающие в нем, как правило, наделенные определенной степенью *власти* (фр. le pouvoir в фукианской интерпретации этого термина, см. далее), которую французская социология связывает не только с понятиями «социальный статус», «авторитет», «роль», но и – в первую очередь – «знания» (фр. savoirs). Также для анализа власти – кратологического анализа – в рамках социолингвистики или межкультурной коммуникации могут быть полезны термины П. Бурдьё *культурный* и *символический капитал*, поскольку само владение языком, его различными аспектами с целью профессионального использования – в политике, религии, журналистике, научной и переводческой деятельности – может уже трактоваться в качестве обладания (символической) властью (см. [Соломоновская, 2018, с. 63]).

Тот факт, что концепт *ВЛАСТЬ* регулярно попадает в фокус внимания ученых-лингвистов, вполне закономерен (см. [Касаткина, 2012; Соколова, 2016]). Еще Б. Рассел, проводя очень точную параллель между властью и энергией, утверждал, что «[ф]ундаментальный концепт социальной науки – Власть, равно как Энергия – фундаментальный концепт физики» (цит. по: [Locher, 2004, p. 1]). Вместе с тем дать какую-либо четкую дефиницию консубстанциональному, междисциплинарному термину «власть» довольно сложно. Американский политолог Дж. Най, разработавший влиятельную теорию мягкой силы (англ. soft power), был прав, когда проводил свои метафорические аналогии: «[в]ласть как погода. Существование каждого зависит от нее, но мало кто понимает, что она есть... Власть как любовь: легче испытать ее воздействие, чем дать ей определение или измерить ее, но от этого она не менее реальна» [Nye, 2004, p. 1].

Одним из первых, кто подверг критическому осмыслению понятие «власть», трактовавшееся до него в социальных науках исключительно узко, приравнивавшееся к политической власти, был М. Фуко. Заслуга французского ученого заключается в том, что он смог разглядеть властные отношения там, где их никто не замечал, а именно в дискурсе, таких его типах, как педагогический, судебный, медицинский [5], тюремный (книга «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»). В фукианской концепции любой институциональный дискурс «может быть и инструментом власти, и ее результатом, но также препятствием власти, на которое она натыкается, начальным этапом... противостояния ей» [Foucault, 1978, p. 101]. Действительно, официальному, гегемонистскому по своим установкам, дискурсу всегда противостоят *альтернативные дискурсы* [Стяжкина, 2013], или *дискурсы-контргегемоны* (англ. counterhegemony) [Torfing, 2005, p. 7], опосредующие любую форму протеста [Gilyard, 2011, p. 10], подчеркивающие в рамках ‘cancel culture’ инструментальную природу дискурса, который можно определить социальным действием, или, точнее, специфической формой языка,

[4] Вместе с тем, по нашему мнению, точно определить расположение дискурса на шкале «персональный – институциональный» можно только при анализе конкретного дискурса. Поэтому в данном контексте имело бы смысл вести речь не о политическом дискурсе вообще, а, допустим, о политическом дискурсе той или иной президентской кампании.

[5] А точнее, психиатрический (книги «История безумия в классическую эпоху», «Рождение клиники», «Психиатрическая власть» и др.).

непосредственно связанной с (прямым) социальным действием [Водак, 1997, с. 10]. К примеру, у оппозиционного движения «желтых жилетов» во Франции основной «дискурс» – желтый жилет. Таким образом, *речевые способы сопротивления* совмещаются с неречевыми [Копнина, 2020, с. 248].

Традиционно считалось, что клиенты институционального дискурса, т. е. люди, обращающиеся в социальный институт (избиратели, ученики, прихожане, пациенты и т. д.), лишены власти. Действительно, во многих случаях им отказывают даже в праве голоса [6]. Клиенты не в состоянии свободно выразить свою точку зрения не только в связи с тем, что доступ к дискурсу тщательно контролируется, и любой человек, претендующий публично высказаться, должен пройти возрастной, статусный, социальный, профессиональный, языковой и т. д. ценз, но и в силу отсутствия у них необходимых знаний, красноречия, коммуникативного опыта и компетенций. И всё же было бы научным редукционизмом считать, что бинарная оппозиция «агент – клиент» совпадает с дискурсивной диадой «во власти – до власти» [7]. Реальная коммуникация намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд, и четко разграничить агентов / клиентов по степени их обладания властью в институциональном дискурсе не представляется возможным. Можно согласится с французским философом Ж.-Ф. Лиотаром, утверждавшим, что «даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые через него проходят и его позиционируют…» [1998, с. 45].

Сложность определения степени власти, которой наделены индивиды, заключается главным образом в том, что в ряде дискурсов агенты / клиенты стремятся изменить существующий баланс власти (в широком смысле данного понятия), используя *стратегии власти* [8]. То, что это так, подтверждается мыслью В. И. Карасика, отмечающего, что невежливость, употребленная в отношении лица, наделенного высокой степенью власти (например, начальника), со стороны нижестоящего человека, не всегда является хамством, но иногда выступает в роли вызова, неприятия его социального («начальственного») статуса [2002, с. 82]. Впрочем, в этом случае можно также сказать, что мы имеем дело с формой (языковой) игры во власть. Рассмотрим далее одну из ее разновидностей в политическом дискурсе – маргинализацию.

Политическая стратегия маргинализации

Политический дискурс традиционно определяется учеными в качестве общения, строящегося вокруг борьбы за власть, хотя, как правило, в данном контексте речь идет об узкой трактовке власти, что не совсем верно: кандидаты не только соревнуются между собой за обладание политической властью, но и часто подвергают сомнению устоявшиеся социальные иерархии, в политейнменте активно нарушая как языковые, так и социокультурные нормы. Помимо рассмотрения *невежливости* в качестве стратегии власти, *средства политической диверсии* (англ. a vehicle of political subversion) [McEnery, 2009, p. 124], а также обращения к таким темам, как «политический миф» [9], «политический алармизм», «моральная паника» [10], «языковая игра» [11] и т. д., исследователям, работающим в рамках критической и политиче-

[6] Не путать с понятием «голос избирателя», которое хоть и создает иллюзию наличия власти у клиента политического дискурса, на самом деле никак не связано с возможностью *публично* высказать свою точку зрения.

[7] Термины М. Г. Цуциевой [2019, с. 8].

[8] Термин Р. Ратмайр [2013, с. 257].

[9] Политика – это война мифов [Эрлих, 2016].

[10] Об алармизме и моральной панике см. [Храброва, 2020].

[11] Ученые различают значения термина «языковая игра» в его широком понимании (англ. language game) и более узкой, лингвистической интерпретации (англ. language play) [Боголюбов, 2020, с. 138]. С точки зрения изучения власти в дискурсе интерес представляет именно рассмотрение языковой игры в качестве *language game*.

ской лингвистики, может быть интересна *стратегия маргинализации* [12], насколько нам известно, в филологической науке почти неосвещенная, вопреки тому, что интерес к маргиналам и всему маргинальному неизменно растет и у литературоведов (см. [Трубецкова, 2021, с. 186]), и у лингвистов [13] (см. [Киосе, 2020]).

Понятие «маргинализация» в определенном смысле пересекается с другими, более конвенциональными терминами – «дискредитация», «делегитимизация», «аннигиляция», но вместе с тем принципиально отличается от них, будучи преимущественно направленной говорящим не на политического противника, а на себя самого, являясь, скорее, формой самопрезентации или (само)легитимизации, осуществляемой в том числе, как будет показано далее, через *тактику апелляции к авторитету* [Каменева, Потапова, 2021]. Только авторитетами в рамках маргинализации выступают специфические группы населения, с традиционной точки зрения лишенные обладания какой-либо степенью власти или престижа, – не-политики, женщины, меньшинства и т. д. Соответственно, маргинализация – это также попытка, пусть и не всегда искренняя, изменить устоявшиеся правила «игры», нормы, постмодернистская форма революционизма [14], порой отмеченная девиантным поведением, соотносящаяся прежде всего с борьбой за внимание (нем. Aufmerksamkeitskampf) [Janich, 2012, S. 6], за *publicité* (рус. публичность, огласка), в том числе негативную, по принципу «главное – выйти из толпы», «выделиться из серой массы политиков».

Маргинализацию неправильно было бы рассматривать, на наш взгляд, исключительно в качестве политической стратегии. По существу, она представляет собой *коммуникативную стратегию*, суть которой заключается в сознательном представлении политиком себя неагентом (не-политиком) или как минимум нетипичным агентом политического дискурса, а в несколько ином, более узком понимании, намеренной самоидентификации с различными маргинальными группами населения [15]. Как справедливо заметил А. Ю. Ашкеров, политическим «маргиналом» может стать не только оппозиционер, но и член мажоритарной, правящей партии, например, показательно выйдя из нее, (временно) разорвав отношения с ней [Кто сегодня делает философию в России, 2007, с. 19]. В этом свете в нашей стране «маргиналами» были многие политики времен перестройки, а также те, кто, побывав в высших эшелонах политической власти, занялся оппозиционной деятельностью.

Эффективность маргинализации определяется различными факторами, и этой теме, наверно, можно было бы посвятить отдельное исследование. Здесь ограничимся лишь упоминанием того обстоятельства, что в современном мире отношение к политикам, как правило, варьируется от полного равнодушия (по принципу: «какое мне дело?») до резкой неприязни.

---

[12] Термин заимствован нами у российского философа и политолога А. Ю. Ашкерова (см. [Кто сегодня делает философию в России, 2007, с. 19].

[13] Предпринималась даже попытка обоснования маргинальной лингвистики, которая, по имеющимся у нас сведениям, не завершилась успехом. Вместе с тем актуальность исследований маргинальных явлений в литературе и языке несомненна.

[14] Как верно пишет немецкий журналист, «[в современную эпоху] силовой захват цитаделей государственной власти более не является необходимым условием революционного переворота... Вместо того, чтобы оккупировать здания правительства, захватывают понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...» [Shrouf, 2006, S. 26].

[15] При этом не существует единой точки зрения, кого относить к маргиналам. Например, А. Ф. Боголюбов считает, что люди, придерживающиеся либеральных политических воззрений, за редчайшим исключением могут быть определены «маргиналами всех мастей» [Боголюбов, 2020, с. 136]. С этим, наверно, можно согласиться, если принять во внимание консервативные тенденции и российской, и мировой политики. Однако речь здесь снова идет не о социальной, а политической маргинализации. Говоря же о маргиналах в обществе, мы склонны разделять точку зрения А. Ф. Фефелова, что в качестве меньшинств можно признать следующие группы населения: инвалидов, ЛГБТ, ‘queer’, различные национальные и этнические меньшинства (например, индейцев в США) [Фефелов, 2014, с. 41]. С другой стороны, к меньшинствам регулярно причисляют и другие группы населения, которые ни меньшинствами, ни – в своем большинстве – ущемленными в правах не являются. Действительно, доминирующий кое-где принцип инклюзивности с символической реабилитацией маргинальных групп, может сильно влиять на сами понятия «маргинал» и «маргинализация». Но это тема другой статьи.

В обществе распространяются достаточно вредные, опасные стереотипы, как «Политика – грязное дело», «Все воруют», «Выборы фальсифицируются» и т. п. [16] В результате люди, борющиеся за высокий государственный пост, часто *вынуждены* говорить о том, что они неполитики, никогда политикой не занимались и т. д. Причем эта тенденция наблюдается как в русскоязычном, так и в англоязычном дискурсе. Приведем несколько примеров:

ЗЕЛЕНСКИЙ: У меня есть юридическое образование – и это плюс. Но *у меня нет опыта работы в политике, и это – жирный плюс* (https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw&ab_channel=%D0% 92%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B9%D0%AE%D0%BC%D0%BE%D1%80).

ЗЕЛЕНСКИЙ: Дальше вопрос: *можно ли стать президентом и не воровать? Вопрос риторический.* Пока никто не пробовал [аплодисменты]. Есть другой вопрос: *можно ли воровать, но так, чтобы никто не заметил? Все пробовали, ни у кого не получилось* (Там же).

CARSON: Well, you know, *there's a false narrative that only the political class has the wisdom and the ability to be commander-in- chief.* But if you go back and you study the design of our country, it was really designed for *the citizen statesman* (https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo).

CARSON: *Typically politicians* do things that are *politically expedient* and they are looking for whatever their particular goal is. *This is not the reason that I have gotten into this thing.* I am extraordinarily concerned about the direction of this country, the divisiveness that is going on (https://www.youtube.com/watch?v =Dkom8nLdqpU).

TRUMP: I said: 'Didn't you do a horrible ad at me 2 weeks ago?.. how do you pivot from that to saying you think I'm a wonderful person?' He said: 'No problem, sir!' you know why? *Politicians, they can do that. I have a hard time doing it, they can do it* (https://www.youtube.com/watch?v=RxzraR2R31g).

Все цитируемые высказывания так или иначе эксплуатируют негативное, стереотипное видение политиков, политики и политических институтов. Дискредитируя или, точнее, делигитимизируя политиков как социально-профессиональную группу, кандидаты используют различные лингвостилистические средства: риторические вопросы, вопросно-ответную форму подачи информации, эффект обманутого ожидания («Но у меня нет опыта работы в политике, и это – жирный плюс»), антитезу и т. д.

Однако было бы неправильно рассматривать анализируемые фрагменты политического дискурса только в связи с коммуникативной стратегией дискредитации / делигитимизации. Осуждая своих коллег-политиков, делая особый акцент, что, в отличие от них, новые претенденты на государственный пост никогда не были причастны миру большой политики, говорящие фактически проводят мысль, что они не политики, а *простые граждане* (англ. citizens [17]), *простые люди* (англ. plain folks), стремящиеся, тем не менее, изменить коррумпированную политическую систему (если воспользоваться призывом-метафорой Д. Трампа 'drain the swamp' – осушить болото). Причем в качестве авторитетов для таких политических деятелей в первую очередь выступают не их коллеги, не президент или иные высокопоставленные государственные лица, а народ, избиратель. Отречься от политиков, в том числе однопартийцев, для «маргинала» – важная лингвопрагматическая задача:

[16] Как любые стереотипы, приведенные клише имеют долю правды, хотя, конечно, не являются истиной в последней инстанции: они отражают лишь одну – негативную – сторону политики и всего политического, до сих пор шаблонно трактуемого в качестве «грязного дела». Проблема заключается в том, что, принимая данные стереотипы, человек, как правило, отстраняется от политики, не участвуют в выборах, что, излишне говорить, неправильно и даже опасно для общества: ведь именно в результате всеобщей аполитичности, равнодушия, нежелания голосовать на «сфальсифицированных выборах» к власти приходят отнюдь не лучшие, не самые честные люди. Тем самым образуется замкнутый круг: чем меньше граждане интересуются политикой, тем справедливее звучат оценочные стереотипы-клише, тем сильнее желание уйти, «зашориться» от политики, отказавшись принимать в ней участие даже в роли избирателя, не говоря уже о таких ролях, как наблюдатель на выборах. А ведь именно наблюдатели способны – в какой-то степени – предотвратить фальсификации голосов, если таковые и имеются.

[17] Ср. с выражением 'citizen statesman', использованным Б. Карсоном.

CARSON: *Not we the Democrats, not we the Republicans* but *we the people of America*[18] because there is something special about this nation (https://www.youtube.com/watch?v=gLUxXiaP6LQ).

CARSON: *Stop being loyal to a party or to a man* and use your brain to think for yourself (https://www.youtube.com/watch?v=ulsA8aFOkRs).

Маргинализация подобного рода – с акцентом, с одной стороны, на близость к народу, а с другой стороны, на дистанцию между собой и политиками – встречается и в немецкоязычном политическом дискурсе:

WEIDEL: *Wir sind in der Politik gegangen aus der Mitte der Gesellschaft, aus der Arbeitnehmerpositionen, wir sind keine Berufspolitiker.* Warum? Weil uns die Hutschnur irgendwann gerissen ist und darum gibt es auch AFD... (https://www.youtube.com/watch?v=4luVIvFR-eg).

Немецкие оппозиционеры иногда подчеркивают, что они в политике временные люди: как только ситуация в стране изменится к лучшему, и «коррупционеры» и «преступники» будут привлечены к уголовной ответственности, они вернутся к нормальной, неполитической жизни:

BAUM: Sie, Frau Merkel und Co., Sie werden die Verantwortung dafür übernehmen müssen, was Sie unserem Volk angetan haben. *Und ich habe mir vorgenommen solange bei Politik dabei bleiben bis Sie Frau Doktor Merkel vor Gericht stehen. Und ich bin ganz sicher: dieser Tag ist nicht mehr weit* (https://www.youtube.com/watch?v=SiD5wVELE1o&ab_channel=Dr.ChristinaBaumAfD).

В этой связи неслучайно, что политики – будем называть людей, борющихся за высокие государственные должности, все-таки политиками, несмотря на то, что в рамках стратегии маргинализации сами они отказываются идентифицировать себя в этом качестве – открыто говорят о своем аполитическом статусе, почти всегда применяя манипуляции, пользуясь тем, что у слов «политика», «политик», нет однозначного толкования [19]:

TRUMP: I've actually been in politics all my life, although I've been on that side as opposed to this side. *I'm now a politician for about three months* (https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU).

Ср.: TRUMP: Do you believe I'm in public life – can you believe this? *Am I a politician? I hope not.* Because I understand that our country is in bad shape and needs to be turned around fast (Full Speech: Donald Trump HUUGE Rally in Loveland, Colorado 03.10.16. Trump Loveland Speech HD, электронный ресурс).

С одной стороны, Д. Трамп утверждает, что он был всю жизнь в политике («по ту сторону политики»), а с другой – заявляет, что он всего три месяца как занимается политикой. Адресат, таким образом, может воспринять республиканца и в качестве опытного политического деятеля, и в качестве не-политика, т. е. человека из народа.

Тема «человек из народа» постоянно актуализировалась предвыборной кампанией Д. Трампа. Глава избирательного штаба бизнесмена К. Конуэй подчеркивала неприятие политики лидером Республиканской партии США и указывала на основании этого на его родство с избирателем – «сторонником перемен, аутсайдером, не-политиком», – которого уже тошнит от политики, «пустых обещаний», «никуда не годных результатов»:

KELLYANNE CONWAY: So if you consider yourself a *change-maker, an outsider, a non-politician*[20], if you are sick of empty promises and lousy results… (https://www.youtube.com/watch?v=Dj1L0TNNHTg).

Д. Трамп называл себя даже аутсайдером:

TRUMP: The system wasn't meant for me as an **outsider** who built a great company (https://www.youtube.com/watch?v=WdkwXsUBhoQ).

[18] Здесь наблюдаем также косвенное цитирование преамбулы Американской конституции, начинающейся, как известно, со слов 'We, the people…'

[19] В определенном смысле рассматриваемые слова – фантомные. А сам отказ признавать себя политиком – это тоже разновидность политической манипуляции. Ср. понятие «мальчик» в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова.

[20] Выделенные слова – контекстуальные синонимы.

Самоидентификация «аутсайдер» была характерна и для ряда других политиков, например К. Кристи и Х. Клинтон:

> CHRISTIE: As far as being an *outsider* is concerned, as far as being that kind of concern, let me tell this, Jake, I am Republican in New Jersey. I wake up every morning with the democratic legislature who is trying to beat my head in... (https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU).
>
> CLINTON: I can't imagine anyone being more of an *outsider* than *the first woman President*. I mean really, let us think about this now (https://www.youtube.com/watch?v=sXH0zFhCdCU).
>
> Ср.: CLINTON: Well, look, I've got to just jump in here because, honestly, Senator Sanders is the only person who I think would characterize me, *a woman running to be the first woman president*, as exemplifying the establishment (https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html).

Х. Клинтон называла себя *неестественным* политиком, не похожим на своих предшественников:

> CLINTON: *I am not a natural politician*, in case you haven't noticed, like my husband or President Obama (https://www.youtube.com/watch?v=OqgTFA1HnUM).

Важно осознавать: имидж «аутсайдер», прагматически создаваемый в дискурсе, был не объективной, а скорее *фикциональной* (fictional) категорией [21] – ни миллиардер Д. Трамп, ни губернатор К. Кристи, ни другие республиканцы, а тем более демократ Х. Клинтон, конечно, аутсайдерами – даже в чисто политическом смысле – не были. При этом фикциональность выступает важным, системообразующим элементом различных дискурсов, поскольку она является «неотъемлемой частью современной информационной и политической культуры», соотносящейся «с медийными феноменами политейнмента и инфотейнмента, приобретающими всё большую популярность у журналистов и политтехнологов» [Стырина, Мартиросян, 2021, с. 95].

Поскольку отнюдь не каждый политик может утверждать, что является не-политиком – президенту, госсекретарю, губернатору, сенатору и т. д. обосновать такую позицию (даже при использовании манипуляции) достаточно сложно, – применяют и формулу маргинализации, которую условно и несколько упрощенно можно представить в виде модели «Я нетипичный политик». Приведем пример:

> PAUL: *I'm a different kind of Republican.* I've introduced a five-year balanced budget. I've introduced the largest tax cut in our history. I stood for ten and a half hours on the Senate floor to defend your right to be left alone. (APPLAUSE) But I've also gone to Chicago. I've gone to Detroit. I've been to Ferguson, I've been to Baltimore, because I want our party to be bigger, better and bolder, and I'm the only one that leads Hillary Clinton in five states that were won by President Obama. *I'm a different kind of Republican* (https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58).

В данном случае сенатор Р. Пол провозглашает себя особым республиканцем (a different kind of Republican): используя прием симплоки, он выносит основную идею в сильную позицию реплики – ее начало и конец.

Кандидату легче всего представить себя нетипичным политиком либо с помощью гендерной манипуляции (по модели «Я политик-женщина» [22]), либо выступив с действительно мар-

[21] Термин 'fictional insider-outsiders', используемый американским ученым К. Гилиярдом, вполне уместен в данном контексте [Gilyard, 2011, p. 144].

[22] Мнение, что женщины – это маргинализированная половина человечества, всё еще продвигаемое феминистками, – для Запада, и России в том числе, едва ли может быть признано справедливым. Несмотря на то, что гендерная дискриминация (осуществляемая отнюдь не только в отношении женщин!), сексуальные домогательства и т. д., к сожалению, не канули в прошлое, есть свидетельства, что женщины получают высшее образование чаще, чем мужчины [Stoet, Geary, 2020]. Женщины нередко занимают высокие должности, живут значительно дольше мужчин (в России, Белоруссии, Литве более чем на 10 лет!), пользуются различными привилегиями (например, женщины, как правило, уходят на пенсию раньше, чем мужчины). Сказанное не означает, что женщины – это теперь элитарная группа, но, наш взгляд, гендерное равенство / неравенство неправильно изучать только с позиции ущемления прав женщин.

гинальной политической платформой. Оба способа маргинализации были опробованы в ходе президентской кампании 2015–2016 гг. в США: политиком-женщиной выступала Х. Клинтон [23], но ее основной противник в борьбе за номинацию одной из главных политических партий США – Демократической партии – Б. Сандерс, постоянно критикуя капитализм, называя себя *социалистом*, отмечал: его кампанию, в отличие от кампании Х. Клинтон, поддерживает не политический мейнстрим, не политический истеблишмент, а *люди*:

> SANDERS: …Secretary Clinton has the support of far more governors, mayors, members of the House. She has the entire establishment or almost the entire establishment behind her. But *I am pretty proud that we have over a million people who have contributed to our campaign averaging 27 bucks apiece*… That our campaign is a campaign *of the people, by the people, and for the people* [24] (https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic- presidential-debate.html).

Левый политик провозгласил *революцию*, которая должна была, по его замыслу, протекать «снизу», вовлекая в орбиту борьбы *простых американцев*:

> SANDERS: Election days come and go. But political and social revolutions that attempt to transform our society never end. They continue *every day, every week and every month* [25] in the fight to create a nation of social and economic justice. And that's what this campaign has been about over the past year. *That's what the political revolution is about and that's why the political revolution must continue into the future* (http://time.com/4372673/bernie-sanders-speech-text-read-transcript/).

Разумеется, как уже было показано, Х. Клинтон не соглашалась с Б. Сандерсом, характеризовавшим ее типичной представительницей политического истеблишмента. Напротив, поскольку она женщина, экс-госсекретарь именовала себя аутсайдером, что, по всей видимости, было прагматическим просчетом – как бы экс-госсекретарь ни старалась, она воспринималась большинством американцев системным кандидатом.

Заключение

Политический дискурс, несмотря на наметившуюся тенденцию к персонализации политического общения, остается еще преимущественно институциональным дискурсом. В политической коммуникации актуализируется важнейшая институциональная оппозиция «агент – клиент», принимающая форму «политик – избиратель». Причем политики в рамках стратегии маргинализации стремятся часто преднамеренно нивелировать свое отличие от целевой аудитории, смело самоидентифицируясь с ней, представляя себя либо не-политиками, либо нетипичными политиками, либо сторонниками перемен (англ. change-makers), революционерами (социалистами, правда, пока еще не советскими, китайскими или кубинскими), людьми, творящими историю (например, первыми политиками-женщинами, борющимися за пост президента). Они часто используют манипуляцию, обращаются к стереотипному видению как политиков, так и определенных социальных групп, которые с объективной точки зрения могут быть отнюдь не маргинальными, не ущемленными в своих правах. Сама стратегия тоже вполне вписывается в понятие «политическая манипуляция», она строится на допущении, что многим будет трудно разобраться в том, что такое маргинал (аутсайдер) и маргинализация.

Изучение политической стратегии маргинализации как коммуникативной стратегии – с позиции лингвопрагматического эффекта, который она оказывает на избирателя, характера

[23] Х. Клинтон делала особый акцент на своем гендере – если использовать выражение Д. Трампа, разыгрывала карту женщины (played the woman card).

[24] Цитирование 16-го президента США А. Линкольна, выступающего здесь в качестве морального авторитета. В то время как А. Линкольн был, конечно, политиком, сами цитируемые слова делают акцент на близости говорящего к народу и народному президенту, одному из самых известных за всю историю США, отменившему в стране рабство.

[25] Градация.

использования языка политиками-маргиналами, мифических, фикциональных элементов, вносимых в дискурс, и дискурсивного конструирования нередко мнимого равенства / неравенства различных слоев населения, – на наш взгляд, несомненно актуально, тем более что работ, посвященных данной теме, насколько нам известно, в политической лингвистике почти нет.

Дальнейшим шагом изучения маргинализации как манипулятивной стратегии власти может быть рассмотрение ее в более узкой, чисто маргинальной трактовке – как намеренной самоидентификации политиками с наиболее уязвимыми, слабыми социальными группами, например национальными меньшинствами (мигрантами) или ЛГБТ [26], хотя, конечно, в таком понимании рассматриваемая стратегия становится еще более рискованной и противоречивой – она может вызывать недовольство и протест не только со стороны мажоритарных политиков, представителей основных политических институтов, но и значительной части общества в целом.

Список литературы

Бейлисон Л. С. Функции институционального дискурса // Вестник ИГЛУ. 2009. Вып. 3 С. 142–147.

Боголюбов А. Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтение Марша шпионов Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика: Пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Каменева В. А., Потапова Н. В. Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в американском предвыборном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 84–97. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

Касаткина Е. А. Концепт «Власть» в русской лингвокультуре: когнитивный и фразеосемантический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2012. 222 с.

Киосе М. И. Лингвистическая креативность маргинальной детской художественной литературы // Германистика 2020: Nove et Nova. 2020. С. 40–41.

Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Грамота. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 248–253.

Кравченко Т. Ю. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса // Герценовские чтения. Иностранные языки. СПб., 2020. С. 79–82.

Крапивкина О. А. О способах вербализации субъекта в юридическом дискурсе // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2015. № 2-1 (32-1). С. 111–114.

Кто сегодня делает философию в России: В 2 т. / Под ред. А. С. Нилогова. М.: Поколение, 2007. Т. 1. 576 с.

[26] Западные политики с недавнего времени могут открыто заявить о своих симпатиях ЛГБТ – и прямо указать на свою нетрадиционную сексуальность. Такая стратегия уже использовалась, например П. Буттиджичем на президентских выборах в США в 2020 г. Она встречается и в оппозиционном дискурсе ФРГ:

> WEIDEL: Ich möchte heute über ein Thema sprechen und ein wenig von mein Program mal abweichen um mit Ihnen zum ersten Mal in diesem Wahlkampf von überhaupt ein Thema zu sprechen, welches eigentlich nicht hingehört. Eine Premiere, so zu sagen. Wie der eine oder andere mitbekommen hat, lebe ich mit einer Frau zusammen. Also in der letzter Zeit weniger aber norrmalerweise eben schon (Beifall). Ausserdem, ziehen wir gemeinsam 2 Kinder auf. Der eine oder andere hat jetzt schon gemerkt wovon ich rede und den rest erfährt er jetzt von mir: *ich bin homosexuell* (Anrufe: Oh! zögerlicher Beifall) [Wahlkampfabschluss der AfD: Rede von Alice Weidel, электронный ресурс).

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Попова Т. И. Интервью с политиком с точки зрения персонального и институционального дискурсов // Медиалингвистика: Сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016. С. 170–172.

Равочкин Н. Н. Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2020. № 2 (34). С. 46–53.

Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013. 456 с.

Соколова М. А. Многозначность в английской политической терминологии (на примере консубстанционального термина *power*): Дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 176 с.

Соломоновская А. Л. Переводческие предисловия в славянском и германском мире IX века: традиционные топосы и новые элементы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 63–75.

Стырина Е. В., Мартиросян А. А. Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105

Стяжкина Л. А. Конфликт гегемонистского и альтернативного дискурсов (на примере телепроекта «Имя Россия») // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2013. Т. 12, вып. 6: Журналистка. С. 48–56.

Трубецкова Е. Г. Медицинский дискурс и / или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191.

Фефелов А. Ф. Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, № 2. С. 40–49.

Храброва Е. С. Конструирование дискурса алармизма в медиапространстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 152–161.

Цуциева М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2019. 40 с.

Шмелева Е. С. Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78– 86. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86

Щербинина Ю. В. Основные направления гармонизации педагогического дискурса // Преподаватель XXI век. 2009. № 1. С. 162–169.

Эрлих С. Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.

Fairclough, N. Language and power. London, Longman Group, 1989, 259 p.

Foucault, M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.

Foucault, M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth, Penguin, 1978, 168 p.

Gilyard, K. True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York, Routledge, 2011, 320 p.

Janich, N. Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt, Francke Verlag, 2012, 508 S.

Kujawa, I. Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, 234 S.

Locher, M. Power and politeness in action. Disagreements in oral communication. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004, 385 p.

McEnery, T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London, Routledge, 2009, 276 p.

Nye, J. Soft Power. The means to success in world politics. New York, Public Affairs, 2004, 191 p.

Shrouf, A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2006, 349 S.

Smith, C. Modes of discourse. The local structure of texts. Cambridge Uni. Press, 2005, 320 p.

Stoet, G., Geary, D. Gender differences in the pathways to higher education. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2020, vol. 117 (25), pp. 14073–14076.

Torfing, J. Discourse theory: achievements, arguments and challenges. In: Howarth, D., Torfing, J. (eds.). Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance. London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 1–31. DOI 10.1057/9780230523364_1

References

Beilison, L. S. The functions of the institutional discourse. *Vestnik IGLU*, 2009, no. 3, pp. 142–147. (in Russ.)

Bogolyubov, A. F. Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies'March in Time of the Media War and Pandemic). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153

Erlikh, S. E. The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2016, 552 p. (in Russ.)

Fairclough, N. Language and power. London, Longman Group, 1989, 259 p.

Fefelov, A. F. Dialectics of race and racism markers in 'The Adventures of Tom Sawyer' and 'The Adventures of Huckleberry Finn'. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 40–49. (in Russ.)

Foucault, M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.

Foucault, M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth, Penguin, 1978, 168 p.

Gilyard, K. True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York, Routledge, 2011, 320 p.

Janich, N. Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt, Francke Verlag, 2012, 508 S.

Kameneva, V. A., Potapova, N. V. Authority-Based Strategy of (De)legitimization in American Electoral Discourse: A Case Study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 84–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97

Karasik, V. I. The language of social status. Moscow, Gnozis, 2002, 333 p. (in Russ.)

Kasatkina, E. A. The concept 'power' in the Russian linguoculture: phraseological and phraseosemantic aspects. Cand. of Philol. Diss. Rostov on Don, 2012, 222 p. (in Russ.)

Khrabrova, E. S. Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basic of COVID-19 pandemic media coverage). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2020, no. 2 (37), pp. 152–161. (in Russ.)

Kiose, M. I. Linguistic creativity in discourse: the research perspective of cognitive semiotics. *Germanistika, 2020: Nove et Nova*, 2020, pp. 40–41. (in Russ.)

Kopnina, G. A. Verbal resistance ton political labeling as a defensive means in information-psychological war. *Gramota*, 2020, vol. 13, iss. 11, pp. 248–253. (in Russ.)

Krapivkina, O. A. On the ways of verbalization of the subject in the legal discourse. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2-1 (32-1), pp. 111–114. (in Russ.)

Kravchenko, T. Yu. Political discourse as a variant of the institutional discourse. In: Herzen's lectures. Foreign languages. St. Petersburg, 2020, pp. 79–82. (in Russ.)

Kujawa, I. Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, 234 S.

Liotar, J.-F. The postmodern state. Trans. from French. St. Petersburg, Aleteiya, 1998, 160 p. (in Russ.)

Locher, M. Power and politeness in action. Disagreements in oral communication. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004, 385 p.

McEnery, T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London, Routledge, 2009, 276 p.

Nilogov, A. S. (ed.). Who makes philosophy in Russia. In 2 vols. Moscow, Pokolenie, 2007, vol. 1, 576 p. (in Russ.)

Nye, J. Soft Power. The means to success in world politics. New York, Public Affairs, 2004, 191 p.

Popova, T. I. The interview with the politician from the standpoint of view of the personal and instructional political discourses. In: Medialingvistika: Proc. I International Sci. Conf. St. Petersburg, 2016, pp. 170–172. (in Russ.)

Ratmair, R. The Russian speech and the market: traditions and innovations in everyday business communication Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013, 456 p. (in Russ.)

Ravochkin, N. N. Language games in the domain of politics and law: analytic philosophers vs postmodernists. *Vestnik MSPU. Series: Philosophical Sciences*, 2020, no. 2 (34), pp. 46–53. (in Russ.)

Shherbinina, Yu. V. The main directions of harmonization of the pedagogical discourse. *Teacher 21st Century*, 2009, no. 1, pp. 162–169. (in Russ.)

Shmelyova, E. S. Cognitive Mechanisms and Pragmatic Potential of Linguistic Creativity (As Exemplified in The Economist). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 78–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86

Shrouf, A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2006, 349 S.

Smith, C. Modes of discourse. The local structure of texts. Cambridge Uni. Press, 2005, 320 p.

Sokolova, M. A. Polysemy of the English political terminology (on the example of consubstantial term *power*). Cand. of Philol. Sci. Diss. Moscow, 2016, 176 p. (in Russ.)

Solomonovskaya, A. L. Translators' Prefaces in Germanic and Slavic domains of the ninth century: traditional topoi and new elements. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 63–75. (in Russ.)

Styazhkina, L. A. Conflict of dominant and alternative discourse (by the example of "Nane Russia" TV project). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no 6: Journalism, pp. 48–56. (in Russ.)

Stoet, G., Geary, D. Gender differences in the pathways to higher education. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2020, vol. 117 (25), pp. 14073–14076.

Styrina, E. V., Martirosyan, A. A. Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 92–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105

Torfing, J. Discourse theory: achievements, arguments and challenges. In: Howarth, D., Torfing, J. (eds.). Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance. London, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 1–31. DOI 10.1057/9780230523364_1

Trubetskova, E. G. Medical discourse and / or morbual code: problems of terminology of modern literary criticism. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 186–191. (in Russ.)

Tsutsieva, M. G. Actualization of the language personality of the politician in the modern German discourse. Abstract of the Cand. of Philol. Diss. St. Petersburg, 2019, 40 p. (in Russ.)

Wodak, R. Discourse. Politics. Trans. from English and German. Volgograd, Peremena, 1997, 139 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Борисович Алексеев, кандидат филологических наук

Information about the Author

Alexander B. Alexeyev, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 07.10.2021;
одобрена после рецензирования 05.01.2022; *принята к публикации 20.01.2022*
The article was submitted 07.10.2021;
approved after reviewing 05.01.2022; *accepted for publication 20.01.2022*

Научная статья

УДК 81’272
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-112-125

Российские немцы как этноязыковое сообщество: история и современное состояние молодежной возрастной группы в Москве

Дарья Сергеевна Рязанцева [1]
Мира Борисовна Бергельсон [2]

[1, 2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

[1] dsryazantseva@edu.hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-2452-4453
[2] mbergelson@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-7617-9356

Аннотация

С конца сентября 2020 г. до ноября 2021 г. в Российской Федерации проходил Год Германии. Именно сейчас, во время подведения его итогов исследование многогранного этноязыкового сообщества российских немцев, а точнее – его московской диаспоры, представляется наиболее актуальным. В данной статье рассмотрена история сообщества до наших дней и представлено исследование, включающее глубинный анализ интервью респондентов из числа молодых российских немцев возрастом до 35 лет, проживающих в Москве. Главной целью работы стало выяснение современного состояния сознания данного этноязыкового сообщества: вопросы самоидентификации его членов, уровень владения немецким языком, заинтересованность в изучении и сохранении культурного наследия своих предков с учетом того, что московские немцы могли давно утратить связь со своими диалектами и локальными культурами. На протяжении истории существования немцев на территории России отношение к ним неоднократно менялось: от позитивного к враждебному, затем к более нейтральному; от восхваления данного сообщества как грамотных специалистов и новаторов во многих сферах науки и искусства до гонений и репрессий на протяжении первой половины XX в. и отказа в признании в качестве полноценного сообщества. В результате данных действий со стороны государства сообщество российских немцев оказалось в состоянии кризиса идентичности, столкнулось с проблемой постепенного исчезновения их языкового и культурного ландшафта. В свою очередь, интервью, составленные на базе формы, созданной в рамках проекта «Языки Москвы», помогли выявить, что даже в Москве, исторически одном из важнейших центров расселения российских немцев, состояние сообщества является не сильно развитым ввиду низкого уровня присутствия исконно московских немцев. В то же время есть возможность для его развития, так как многие респонденты считают важным передать свое культурно-языковое наследие потомкам и развивать его именно на территории России. Данная работа имеет потенциал для дальнейшего, более глубокого исследования этноязыкового сообщества, в частности с фокусом на диаспоре российских немцев, эмигрировавших в Германию.

Ключевые слова

российские немцы, этноязыковое сообщество, самоидентификация, идентичность, немецкий язык, миграция

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 20-04-019) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2021 г.

Для цитирования

Рязанцева Д. С., Бергельсон М. Б. Российские немцы как этноязыковое сообщество: история и современное состояние молодежной возрастной группы в Москве // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 112–125. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-112-125

© Рязанцева Д. С., Бергельсон М. Б., 2022

Russian Germans as an Ethno-Linguistic Community: Historical Development and Current State of the Youth Group in Moscow

Daria S. Riazantseva [1], **Mira B. Bergelson** [2]

[1, 2] National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation

[1] dsryazantseva@edu.hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-2452-4453
[2] mbergelson@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-7617-9356

Abstract

From the end of September 2020 to November 2021, the Year of Germany was held in the Russian Federation. At present, while summing up its results, it seems only relevant to do some work on the study of the multifaceted ethno-linguistic community of Russian Germans, especially its Moscow diaspora. In this article, two key points are considered: the history of representatives of the community to the present day and the empirical part of the study that analyzes in-depth interviews of respondents from among young Russian Germans under the age of 35, living in Moscow. The main purpose of the work was to find out what state this ethno-linguistic community is in today: to consider the problem of self-identification of its members, to trace their native language level and interest in studying and preserving the cultural heritage of their ancestors. The study of various sources has shown that throughout the history of the life of Germans in our country, the attitude towards them has repeatedly changed: from positive to hostile, to more neutral; from praising this community as that of competent specialists and innovators in many fields to persecution and repression during the first half of the twentieth century, and, eventually, refusal to be recognized as a full-fledged community. As a result of these actions on the part of the Soviet government, the community of Russian Germans found themselves in a state of identity crisis facing the problem of the gradual disappearance of their linguistic and cultural landscape. Interestingly, the interviews compiled on the basis of a form created within the framework of the "Languages of Moscow" project helped to find out that in Moscow, historically one of the most important centers of initial settlement of Germans in Russia, their community is not visible any more due to the low level of presence of native Moscow Germans. At the same time, there is a chance for its growth since many respondents consider it to be important to pass on their rich cultural and linguistic heritage to their descendants and continue to develop it on the territory of Russia. So, we believe that the current work has a potential for further and deeper research of the ethno-linguistic community, in particular with the focus on the diaspora of Russian Germans who emigrated to Germany (namely *rusacks*).

Keywords

Russian Germans, ethno-linguistic community, self-identification, identity, German language, migration

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University in 2021 (grant no. 20-04-019)

For citation

Riazantseva, D. S., Bergelson, M. B. Russian Germans as an Ethno-Linguistic Community: Historical Development and Current State of the Youth Group in Moscow. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 112–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-112-125

Введение

Российские немцы сегодня – одно из наиболее культурно активных и разносторонних этнолингвистических сообществ в нашей стране. Исторически они оказались раскиданы по самым разным уголкам государства: от Поволжья до Сибири, и, конечно, представлены в двух важнейших его центрах – Москве и Санкт-Петербурге. И если о немецких поселениях в двух первых вышеупомянутых регионах существует множество научных работ, то о Москве как об одном из центров концентрации российских немцев говорят теперь очень редко. В данной статье мы постараемся, во-первых, сделать краткий экскурс в историю существования данного сообщества в пределах столицы и, во-вторых, проанализировать установки молодых российских немцев-москвичей, касающиеся вопросов идентичности, взаимосвязи с немецкой

культурой и отношения к этническому языку по материалам интервью, проведенных предварительно в рамках данного исследования.

1. Краткая информация об истории Немецкой слободы и немцев в Москве

В истории Москвы немцы впервые упоминаются обычно в контексте правления Ивана IV Грозного в середине XV в., когда во время Ливонской войны была создана так называемая Немецкая слобода. Страницы истории, связанные с ней, во многом представляют предмет национальной памяти и гордости современных российских немцев. Именно здесь жили иностранные специалисты, способствовавшие более быстрому переходу России от Средневековья к Новому времени. Государство пользовалось услугами талантливых ученых (в особенности инженеров), военнослужащих (которые становились частью иноземных полков), религиозных деятелей (благодаря которым в Слободе развивалось многоконфессиональное сообщество лютеран, католиков, кальвинистов и т. п.) и простых ремесленников. Что же это было за место, и как оно менялось с течением времени?

Это была обособленная территориальная единица, в которую изначально заселяли пленных солдат самых разных национальностей: датчан, ливонцев, французов и пр. Этноним *немцы* имел в то время свое, очень широкое, значение: «немцами» (т. е. *немыми*) называли тогда не только приезжих из многочисленных германских княжеств, но и иностранцев из Европы в целом. Давать им возможность жить совместно с москвичами тогда было просто опасно из-за возможных протестов населения. Во времена Смуты, например, Слобода была сожжена, и до 1652 г. немцы Москвы жили вместе с москвичами без какого-либо территориального ограничения, пока царь Алексей Михайлович не повелел создать Новую Немецкую (или, что показательно, Иноземную) Слободу. К тому моменту в столице уже также появились католические церкви: Святого Михаила (1613 г.) и Святых Петра и Павла (1626 г.). Последняя и по сей день является одним из красивейших архитектурных сооружений Москвы, хотя, конечно, в ее современном виде не осталось почти ничего от самого первого ее здания.

Как известно, со временем количество иностранцев в России стало только расти, и, конечно же, важнейшую роль в этом сыграл Пётр I, который свою юность провел именно в Немецкой слободе, где познакомился и с одним из главных своих наставников – Францем Лефортом. В 1702 г. именно Пётр повелел издать манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», который позволял приглашать на работу специалистов самого разного профиля – от инженеров до артистов – с гарантией свободного передвижения по территории государства и выезда, налоговыми льготами, повышенным жалованием и т. п. Несмотря на то что большинство из них ехали в Санкт-Петербург, который в 1712 г. был объявлен столицей, приток иностранцев, в частности немцев, в Москву продолжался, хотя и с меньшей активностью.

Поворотным моментом в истории российского сообщества немцев стало официальное приглашение Екатерины II зарубежных специалистов для поселения на свободных землях Российской Империи: только в первые 6 лет с 1763 по 1769 г. в страну с немецкоязычных территорий прибыли около 25 тысяч человек. Им гарантировалась свобода вероисповедания, временное освобождение от уплаты налогов, а также освобождение от военной службы, что было особенно актуально после трагических событий Семилетней войны, ставшей одним их крупнейших военных столкновений в эпоху Нового времени. Впоследствии, начиная с конца XVIII и на протяжении всего XIX в. было еще несколько крупных волн миграции немцев в Российскую империю, в частности во время правления Александра I.

При этом сообщество немцев в Москве становилось всё менее изолированным. Б. Томан отмечает: «В 1812 году Немецкая слобода почти полностью сгорела, что ускорило отток из нее немецкого населения. В XIX – начале XX века немцы предпочитали селиться в районе

улицы Маросейка, Космодамианского (ныне Старосадского) и Колпачного переулков, между Чистопрудным бульваром и Земляным валом и в районе Мясницкой улицы. <...> До революции немцы являлись самой многочисленной национальной диаспорой Москвы, и их число постоянно увеличивалось. В 1912 году для 21 286 москвичей (из 1 617 700) немецкий был родным языком» [Томан, 2020, с. 18–19].

1.1. Культурное влияние немцев

Следует отдельно упомянуть те частички национальной культуры, которые немцы принесли с собой и которые оставили след на Москве и ее жителях. Так, в 1819 г. было создано Немецкое гражданское общество, ставшее позже Немецким клубом. С 1830 г., когда клуб оказался на грани закрытия из-за нехватки финансов, туда стали принимать и русских, которые, тем не менее, были ограничены в правах и не могли участвовать в выборах старшин, что долгое время вызывало конфликты. Немецкий клуб проводил и разнообразные культурные мероприятия: выставки, литературные вечера, а также театральные постановки (в том числе с участием К. С. Станиславского). В 1861 г. в городе возникло сообщество «Лидертафель» – мужской хор, изначально созданный в Берлине, но постепенно расширивший свою географию на другие города Европы. Внесли немцы разнообразие и в литературную жизнь Москвы. Имена Н. Гербеля (редактор собрания сочинений И. Гёте), семьи Миллеров (Ф. Миллер – переводчик, его сыновья О. Миллер и В. Миллер – фольклористы и литературоведы), Г. Кноопа (автор произведений о немцах, эмигрировавших из Германии), Г. Бахмана (создатель литературного кружка, членами которого были, в частности, К. Бальмонт и В. Брюсов) остались в российской культуре. В 1870 г. начался регулярный выпуск «Московской немецкой газеты», которая выходит и по сей день. Немецкие педагоги, такие как Иоганн Эрнест Глюк и Франц Иванович Крейман, основали первые гимназии, а в создании Московского университета важнейшую роль играли немецкие профессора. Московские немцы также активно участвовали в создании благотворительных учреждений (например, Евангелического попечительства о бедных), и именно они создавали учебные заведения для детей с ограниченными возможностями и особенностями развития (здесь можно вспомнить школу Г. Дикгофа для слепых).

К началу XX в. немецкое сообщество Москвы, несмотря на свою относительную малочисленность, оставалось социально, политически и экономически очень активным. После Первой русской революции 1905 г. основано «Московское немецкое общество», которое было открыто для всех российских немцев и призвано сохранить немецкую национальную культуру. В Москве перед Первой мировой войной появляется молодое поколение этнических немцев, рожденных и выращенных на стыке двух культур, и вместе с ним, как пишет А. В. Келлер, «новый тип русского интеллигента немецкого происхождения, который <...> был посредником между немецкой и русской культурами, которые ему были родными. В немецком обществе были выработаны механизмы совместного культурного сосуществования немецкой и русской культур в крупной городской агломерации», а сам новый тип русского интеллигента стал моделью «примирения двух “национализмов” и примером отсутствия национальной ограниченности» [1997, с. 94].

1.2. Дискриминация и репрессии

С началом Первой мировой войны количество немцев, переселявшихся в крупные города, в том числе в Москву, резко увеличилось. На то есть ряд объективных причин, отмеченных в работах по теме миграции основных этнических групп Российской империи [Григорян, 2019, с. 25] в те годы, например:

- принудительное выселение немцев и евреев из прифронтовой полосы как «политически нелояльных»;
- преобладание в этой категории городского населения, которое было расположено поселиться в Москве;

- этническая напряженность в некоторых западных губерниях, которая вызывала миграцию в более спокойные регионы страны.

Однако и в Москве немцы были во многом ограничены в действиях, не могли спокойно общаться на родном языке и работать. В частности, на протяжении 1914–1915 гг. неоднократно случались немецкие погромы, крупнейшие из которых произошли летом 1915 г. [1]

Таким образом, для немцев как в Москве, так и по всей России начинается очень непростая пора [2]. В 1917 г., с приходом новой власти в стране, немцам пришлось адаптироваться к новым политическим и культурным реалиям, несмотря на то, что они стремились сохранять свой традиционный уклад довоенного и дореволюционного времени. Особенно сильно революция «ударила» по религиозным убеждениям: многие из немцев были раньше [3] и остаются до сих пор глубоко верующими. Отдельно стоит упомянуть религиозную группу меннонитов (ответвление протестантизма, пропагандировавшее, в частности, отказ от военной службы), которые активно эмигрировали в то время: более 20 000 человек покинули страну.

И если 1920-е гг., послевоенное время, для российских немцев в целом и московских немцев в частности было относительно спокойным, то уже в 1930-е начались радикальные действия со стороны власти, включавшие в себя массовые аресты, закрытие католических и лютеранских церквей, ликвидацию некоторых культурных организаций, таких как «Лидертафель» и Немецкий клуб. Репрессии коснулись даже тех немцев, которые до этого играли важную роль в политической жизни СССР, таких как Ф. Платтен и К. Никсдорф. «Немецкий коммунист с 1919 г. Курт Никсдорф начал работу в Советском Союзе в 1928 г. как политэмигрант, тогда же он вступил в ряды членов ВКП(б). Более четырех лет он был редактором “Moskauer Rundschau”, <...> “немало сделал для пропаганды СССР среди западноевропейской интеллигенции”. <...> Никсдорф в качестве доцента преподавал в Московском институте новых языков [4], который с начала 1930-х годов готовил кадры квалифицированных переводчиков. В 1931 г. его учеником был В. М. Молотов <...> успешная социокультурная адаптация К. Никсдорфа прервалась в 1935 г. Его исключили из партии, арестовали по подозрению в пропаганде националистических идей, судили и приговорили к заключению в исправительно-трудовом лагере» [Иванова, 2006, с. 783].

В результате большая часть немцев предпочитала не указывать свою национальную принадлежность в документах, записываясь русскими.

1.2.1. Частный семейный кейс автора статьи

Данная ситуация относительно знакома автору настоящей статьи Дарье Рязанцевой (далее – ДР), поскольку она имеет частично немецкое происхождение. Хотя семья ДР и не считает себя частью немецкоязычной культуры, поскольку история пребывания предков-немцев в России не уходит дальше начала прошлого века, семейная история ДР представляет собой кейс, на примере которого хорошо прослеживаются и история, и современная ситуация с лингвокультурным наследием российских немцев.

Прапрадедушка ДР, будучи наемным рабочим, русским по национальности, в поиске работы в Восточной Пруссии женился на немке по имени Мария, с которой они переехали сна-

[1] *Айрапетов А. Р.* Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Западная Русь. URL: https://zapadrus.su/rusmir/istf/307-1915-36.html (дата обращения 01.09.2021).

[2] *Нойфельд, Катарина.* Из истории российских немцев // Сайт Музея истории и культуры российских немцев. URL: https://www.russlanddeutsche.de/ru/rossijskie-nemtsy/istoriya/iz-istorii-rossijskikh-nemtsev.html. (дата обращения 01.09.2021).

[3] «Многие старшеклассники, например, после уроков спешили к пастору на занятия по подготовке к конфирмации, где изучали Священное Писание и катехизис. <...> в то время не пройти конфирмацию для них, советских школьников из лютеранских семей, было немыслимо: тот, кто не конфирмирован, не мог считаться полностью совершеннолетним <...> Авторитет <...> родителей был для них неизмеримо выше школьной атеистической пропаганды. Педагоги знали, куда ходят их питомцы после уроков, но сделать ничего не могли» [Томан, 2016, с. 275].

[4] Ныне Московский государственный лингвистический университет.

чала в Берлин, а в 1920-х гг. уже с тремя детьми – в Москву. Изначально имевшие немецкие имена Лизхен, Бруно и Витте, они стали по советским документам Елизаветой, Борисом и Виктором и были записаны как русские. Во время Великой Отечественной войны они старались скрывать свое происхождение, не говорили по-немецки, но отец ДР помнит, что, общаясь со своей бабушкой Лизой, всегда отмечал ее явный немецкий акцент.

1.2.2. Репрессивные меры против российских немцев с началом Великой Отечественной войны

Осенью 1941 г. были приняты постановления о депортации немцев, проживавших на территории Москвы и Центральной России, в Казахстан, Сибирь и Среднюю Азию, а в 1942 г. по постановлениям Государственного Комитета Обороны (ГКО) «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» более 700 тыс. российских немцев были отправлены на принудительные работы в системе ГУЛАГа. Имеются свидетельства о том, что немцам просто запрещали жить в Москве, и им приходилось перебираться в отдаленные районы [5].

В статье «Из истории российских немцев» Катарина Нойфельд описывает жесткие ограничения, введенные в СССР в отношении российских немцев в 1940-х гг.: «С нападением Гитлера на Советский Союз в 1941 году немцы в Советском Союзе были поставлены на комендатурский спецучет. Им было запрещено покидать место жительства без разрешения коменданта» [6]. Тяжелым ударом для немцев, отправленных в спецпоселения, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны». В Указе устанавливалось, что немцы, как и все другие народы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда без права возврата к прежним местам жительства.

1.3. Кризис идентичности в послевоенные годы

Конечно же, такие действия со стороны власти привели к тому, что в послевоенные годы кризис идентичности среди российских немцев стал ощущаться еще острее. Они были фактически лишены прав на нормальную жизнь и ограничены в передвижении. Им приходилось отрекаться от собственного культурного наследия, следовать своей религии лишь подпольно, растворяться среди русскоговорящего населения. «Советское руководство, решая социально-политические задачи по нейтрализации “неблагонадежного” контингента в районах выселения, – констатирует Матвеева, – фактически провоцировало появление новых проблем в местах депортации и спецпоселения. Длительная бытовая неустроенность тормозила социальную адаптацию переселенцев, обостряла у них чувство социальной незащищенности и несправедливости, а сами немцы, удаленные от своих очагов, не становились лояльнее к репрессировавшей их власти. <...> российские немцы оказались перед реальной угрозой растворения в инонациональном окружении, потери этнического самосознания» [Матвеева, 2011, с. 23].

Именно поэтому, как только в 1972 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», число немцев, эмигрировавших на свою этническую родину, в Германию, резко увеличилось. С середины 1980-х эмиграция этнических немцев с территории России стала как никогда активной. Главной причиной этого было бездействие власти

[5] «“<...> Сначала папе запретили жить в Москве на улице Горького – он прописался на Сретенке (улица в центре Москвы – *Г. У.*), запретили в Москве – поселился в Малаховке (поселок в 30 км от Москвы. – *Г. У.*), запретили в Малаховке – уехал в Конаково (город на Волге. – *Г. У.*), а потом в Курган в Сибирь, где работал до 1957 г.” (Ирина К., 76 лет)» [Ульянова, 2010, с. 83].

[6] *Нойфельд, Катарина.* Из истории российских немцев.

даже в условиях нового политического курса – «перестройки» – в отношении столь долго угнетаемого этноязыкового сообщества. Декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 г., в которой было обозначено право российских немцев на материальную компенсацию в связи с понесенными убытками на фоне репрессивных действий государства против них, так и не была реализована. Из официальных статистических данных, касающихся эмиграции российских немцев в тот период: «Всего за 15 лет – с 1989 по 2004 год – в Германию из бывшего СССР выехали 2 152 тыс. этнических немцев и членов их семей» [7].

2. Самоидентификация и этносознание современных московских немцев по материалам интервью

Немцы, которые решили остаться в России, сегодня пытаются различными способами поддержать свою идентичность с помощью создания и развития различных культурно-общественных объединений. Большая часть из них находится и осуществляет свою деятельность именно в Москве. Например, Российско-немецкий дом на Малой Пироговской улице существует уже более 20 лет и дает крышу над головой таким организациям, как Международный союз немецкой культуры, Общественная академия наук российских немцев, общественная организация российских немцев Gemeinschaft, Фонд российских немцев, Немецкое молодежное объединение (НМО), Молодежный клуб российских немцев г. Москвы «Warum бы и nicht». Именно с членами последней мы общались в формате глубинных интервью, для того чтобы понять, каковы перспективы развития сообщества российских немцев как в Москве, так и в стране целом. Интервью имели полуструктурированный формат и включали следующий ряд вопросов.

1. Расскажите про себя, где учитесь / работаете, живете.
2. Расскажите про своих родственников-немцев: с чьей стороны идут, как и когда предки-немцы попали в Россию, почему здесь остались. В каком возрасте вам подробно рассказали о них?
3. Говорили ли в семье с вами на немецком, учили ли вы его в школе, университете, где-то еще?
4. Где вы используете немецкий в повседневной жизни?
5. Ощущаете ли вы свою «немецкость», принадлежность к немецкой культуре?
6. Хотели бы переехать в Германию? Изучаете каналы / аккаунты эмигрантов, уехавших туда?
7. Близка ли вам немецкая культура: кино, литература, музыка и т. п.?
8. Будете ли вы прививать своим детям язык, культуру Германии?
9. Как вы относитесь к сообществу российских немцев? Участвуете ли вы в мероприятиях, организованных ими? Какие ресурсы, посвященные жизни российских немцев, вы знаете?
10. Какова ваша религиозная принадлежность?
11. Как ваши коллеги / друзья относятся к вашему этническому происхождению? Не чувствуете ли вы дискриминацию или презрение по отношению к себе?
12. Продолжите фразу «Быть российским немцем – это...».

Все респонденты дали согласие на то, чтобы материалы интервью были использованы в научном исследовании, а их слова цитировались в соответствующих публикациях.

Ниже мы описываем кейсы наших респондентов, выделяя основные положения и иллюстрирующие их отрывки интервью. Такой описательный формат анализа и презентации данных был выбран в силу того, что небольшое количество собранных интервью (всего от четырех

[7] *Савоскул М. С.* Почему мигрант мигранту не всегда друг, товарищ и брат? Статья вторая // Демоскоп Weekly. 2016. № 681-682. URL: http://demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema01.php (дата обращения 01.11.2020).

респондентов) не позволяет делать широкие, тем более статистические обобщения, что было бы и неправомочным при анализе уникальных нарративов о жизни при широте поставленных интервьюером вопросов и глубине данных ответов. Такой подход к описанию «рассказов о жизни» лежит в русле современных тенденций социолингвистики при исследовании социальных практик утери и сохранения лингвокультурной идентичности. В разделе 3 «Обсуждение и выводы» мы анализируем представленный материал, сопоставляя данные, пропущенные через субъективное восприятие респондентов, с известными фактами недавней истории и описанными моделями утраты / сохранения лингвокультурной идентичности различными этническими сообществами как на территории нашей страны, так и за ее пределами.

2.1. Кейс Ксении

Первым респондентом, откликнувшимся на просьбу об интервью, стала Ксения, студент факультета политологии в НИУ ВШЭ и одна из организаторов сообщества «Warum бы и nicht». Она активно участвует в деятельности разных объединений российских немцев уже более десяти лет, еще с того времени, когда жила в Павлодаре и позже – в Новосибирске. Впервые о своих немецких корнях она задумалась, когда делала в качестве домашнего задания семейное древо, что послужило поводом для более глубокого исследования своей родословной и последующего вступления в организацию «Возрождение». Родственники-немцы идут у Ксении со стороны отца, как и, кстати говоря, у большой части российских немцев. Как давно они прибыли в Россию, ей выяснить не удалось, потому что в момент нахождения в ссылке в Павлодаре ее дедушка, «чтобы хорошо существовать», сменил фамилию на русскую, и никаких немецких документов не осталось. Немецкий язык Ксения начала учить уже в осознанном возрасте после переезда в Новосибирск, где был разговорный клуб, однако так и не достигла высокого уровня, оставшись на данный момент только на начальном. Правда, у нее есть намерение продолжать изучение языка в Москве. В семье язык фактически не использовался, за исключением некоторых фраз, которые говорили бабушка и дедушка по отцовской линии. Однако свою принадлежность к немецкой культуре Ксения начала ощущать еще в детстве, так как ее семья праздновала две Пасхи и два Рождества – католические и православные.

Сильным стимулом стал внешний фактор: она начала осознавать свою связь с Германией благодаря участию в различных мероприятиях в сообществах российских немцев. Так, например, Ксения открыла в себе интерес к немецкой кухне, принимала участие в многоязычных театральных постановках, где актеры могли общаться параллельно на трех языках: русском, казахском и немецком. После переезда в Новосибирск она ощутила, что ей не хватало «какой-то межнациональной идеи», культурного разнообразия, имевшегося в Казахстане, так что она организовала проект, посвященный кухням разных народов, участники которого регулярно встречались и презентовали обычаи, традиции, одежду и, конечно же, национальные блюда своих культур [8]. Она собирается прививать любовь к немецкой культуре своим детям, тем более что это уже «глубоко вошло» в нее.

При этом Ксения не планирует переезжать в Германию в будущем, и ее туда «никогда не тянуло», хотя у нее есть родственники, которые там живут. И, как будет видно из ответов следующих респондентов, это достаточно распространенная позиция. Как и у многих представителей сообщества, у Ксении возникали моменты недопонимания в общении с коллективом из-за ее корней: она вспоминает, как в школьные годы ее одноклассники могли отпускать комментарии в ее сторону, связанные с темой фашизма, однако это было не очень распространено ввиду того, что она жила на территориях с немецкими поселениями. На вопрос «что для нее быть российским немцем?» Ксения ответила: значит «сохранять свою

[8] Стоит также отметить, что Ксения активно поддерживает связь с членами новосибирского и павлодарского сообществ и встречается с ними на мероприятиях федерального уровня под эгидой НМО.

идентичность, потому что [пройдет] буквально пару поколений, и сложно будет человека назвать российским немцем». В конце она подчеркнула также важность популяризации сообщества и сохранения традиций в семье.

2.2. Кейс Николая

Вторым респондентом стал Николай, коренной москвич, окончивший исторический факультет МГУ и работающий на момент написания статьи координатором проектов в Московском центре урбанистики «Город». В его семье немецкие корни идут со стороны матери, являющейся частью известного в России рода Раушенбаухов, ведущего свое начало с конца XVII в. и прибывшего в Российскую империю ок. 1766 г. Предыдущие поколения его семьи жили под Саратовом в одном из немецких поселений, а первым родственником, кто перебрался в Москву, стал его дедушка, уехавший в столицу учиться. Замечательно, что в семье Николая есть энтузиасты, в частности его дядя Георгий, который ведет сайт [9], посвященный истории их семьи. Как и Ксения, Николай узнал о том, что в его роду есть немцы где-то в подростковом возрасте, когда стал больше уделять внимания своему происхождению «в связи со становлением личности». Схожи они и в том, что в семье с ним практически не говорили на немецком, за исключением каких-то отдельных фраз; более серьезно изучать язык он начал в школе в качестве второго иностранного и продолжает делать это и сейчас, а также ищет собеседника для переписки на немецком.

На вопрос об ощущении «немецкости» в себе Николай ответил весьма четко, что он, скорее, «русский с немецкими корнями», а не российский немец, аргументируя это тем, что немецкой крови в нем уже не очень-то и много, и он «идентифицирует Россию как свою родину, но при этом не хочет забывать, что он не полностью русский». Тем не менее, мы предполагаем, что по официальной терминологии Николай является как раз российским немцем. Николай также отметил, что, возможно, хотел бы эмигрировать, но поскольку «выбор – это испытание <...> дальше сбора развединформации дело не идет». Также он не очень понимает, как будет себя идентифицировать в самой Германии, так как разность менталитетов все-таки присутствует. Тем не менее, что касается аспекта изучения немецкой культуры, Николай называет себя «германофилом» (его интересует история страны), и он хотел бы улучшить свой академический немецкий, чтобы писать научные статьи по данной теме. Однако активно прививать своим детям интерес к Германии он не собирается, с его стороны «насаждения не будет».

Сам он старается по мере сил участвовать в мероприятиях, проводящихся в Российско-немецком доме, Николай также поделился забавным фактом: в советское время членов его семьи принимали за евреев из-за необычной фамилии, и это помогает оценить предубеждения относительно конкретных национальных сообществ.

Его мама стеснялась, например, когда на публике демонстрировалась их «немецкость» – общение на этническом (немецком) языке. Для Николая же не было никаких проблем, связанных с его корнями, в университете он рассказал о своем происхождении и был для сверстников Клаусом. Однако Николай все-таки понял, что быть российским немцем несет в себе «ощущение инаковости, отличности от других» (но более в позитивном смысле, а не в негативном), а также означает «быть другим, но всё равно ощущать свою причастность к России».

2.3. Кейс Таисии

Таисия окончила факультета иностранных языков и регионоведения; изучала немецкий, английский и чешский; работала гидом-переводчиком по Москве (а также по городам Золотого Кольца и Санкт-Петербургу) для немецких туристических групп. О своей частичной

[9] Краткий курс истории российских Раушенбахов // История рода российских Раушенбахов. URL: http://www.rauschenbach.ru/ru/istoriya/razdel-istorii-1 (дата обращения 01.09.2021).

принадлежности к немцам она узнала рано, в девять лет. Немецкая этничность идет в семье по материнской линии: бабушка Таисии – российская немка, жившая в поселении под Саратовом. Девушка не смогла назвать его точно, но вспомнила, что в рассказах старших мелькал город Мариенбург (ныне Мальборк), откуда ее бабушка Эмма и прабабушка были сосланы в 1936 г. сначала в Пятигорск, а затем в Казахстан. Они не смогли забрать с собой документы, и имя бабушки было изменено на русское, она стала Марией. Информацию о ее настоящем имени родители Таисии смогли найти позднее в архивах поселения, где были обнаружены документы бабушкиной сестры.

В 2003 г. она с семьей съездила в Германию в Аахен, куда сестра ее бабушки эмигрировала еще в 1990-х, где она, собственно, и узнала о своем происхождении. Свое детство Таисия провела в Ташкенте, где посещала лютеранскую церковь, поскольку ее крестили именно как лютеранку; сейчас она посещает по праздникам Кафедральный собор святых апостолов Петра и Павла в Москве, отмечает два Рождества и две Пасхи. Занималась в немецком культурном центре, где они проводили разнообразные мероприятия, например выступали с немецкими народными танцами и ставили пьесы; всей семьей учили немецкий, так как семья Таисии готовилась к переезду Германию, но из-за путаницы в документах бабушки, они не получили визу на въезд.

Немецкий язык не использовался в семье совсем: бабушка Таисии забыла его, так как ее мама прекратила с ней на нем общаться, и в дальнейшем ее преследовал страх «быть обнаруженной». Таким образом, девушке пришлось изучать язык с азов, более того, в ее школе была реализована программа DSD (Deutsche Sprachdiplom), которая дала возможность изучать язык с носителем и к одиннадцатому классу достигнуть уровня С1.

Сейчас Таисия преподает немецкий и использует его в работе, а также иногда общается на нем с однокурсниками. И хотя ее семья долго стремилась к переезду, сама Таисия не хотела бы этого для себя. Одна из причин – предпочтение русского культурного кода (у немцев для нее «слишком много правильности»), и если, например, в своей маме девушка ощущает «немецкость», то в себе – нет.

Однако, что касается высокой немецкой культуры, то в Таисии всё же находит отклик классическая литература («Фауст» и сказки братьев Гримм, например); произведения немецких авторов она старается читать в оригинале; своих детей она также намерена знакомить с языком и литературой этнической родины. Еще в Ташкенте она организовала свой языковой клуб, куда приглашала немецкоязычных участников, в том числе музыканта Марко Элерта, который перепевает советские песни на немецком языке. Сейчас она почти не принимает участия в деятельности НМО или каких-либо других организаций из-за загруженности на работе, но следит за новостями.

Таисия подчеркнула, что реакция других людей на ее происхождение была сугубо положительной, им это казалось интересным, и для себя она определила, что быть российским немцем «необычно» и «очень здорово», потому что есть много дополнительных возможностей и чувство, что «ты отличаешься от общей массы».

2.4. Кейс Андреаса

Последний из респондентов на момент написания данной статьи недавно перебрался в Москву. Андреас (изначально Андрей, но имя изменили «для благозвучия»; а его мама из Людмилы стала, Люцией) переехал с семьей в Германию в 1997 г., его мать – российская немка. Проведя там всю свою сознательную жизнь и получив образование политолога, он решил стать экспертом по российско-немецким отношениям и, соответственно, пожить и «на родине» тоже. В итоге Андреас устроился в Российско-германскую внешнеторговую палату в Москве.

О немецкой части своей семьи молодой человек впервые узнал от дедушки: их предки прибыли в Россию из Баден-Вюртемберга и поселились возле Саратова. В 1930-е гг. прадедушка Андреаса попал в трудовую армию (и не вернулся оттуда), а прабабушку и дедушку

отправили на Алтай. Позже дедушка работал в Сорске (Республика Хакасия), где в итоге и познакомились родители Андреаса. В начале 1990-х часть семьи молодого человека уже переехала в Германию, с началом активной волны репатриации, а он сам и родители оказались там в 1997 г., поскольку они очень долго ждали получения разрешения на въезд.

До приезда в Москву Андреас жил в земле Северный Рейн-Вестфалия, известной своей развитой добывающей и сталелитейной промышленностью. Что касается использования немецкого в семье, то и после миграции в Германию оно было ограниченным, что вполне объяснимо ввиду, если так можно выразиться, культурной инерции: родственники продолжали общаться между собой на русском, и на немецком внутри семейного круга говорила только прабабушка Андреаса, но ей всё равно отвечали на русском. Другими словами, семья осталась в Германии двуязычной, выработав сразу же свой механизм переключения языковых кодов.

Стоит отметить, что никто из ее членов никогда не отрицал в себе «русскую идентичность». Андреас не помнит, как он выучил немецкий, подчеркивая, что он «вырос с двумя языками», т. е. его воспитали в билингвальной традиции: его мама – учитель немецкого, – стремилась как можно быстрее дать сыну знание языка: по приезде родители юноши сразу начали работать, и адаптация должна была быть максимально быстрой.

Так, например, для лучшего понимания культурных кодов они даже посещали евангелическую церковь местного сообщества, сами оставаясь православными. В то же время с вопросом своей идентичности Андреас за годы жизни в Германии «сталкивался почти каждый день». Ему было сложно стать частью немецкого общества: на момент их переезда между мигрантами и немцами существовало «состояние напряженности», местные жители их «отрицали». Из-за этого общался он преимущественно с выходцами из Турции и Ливана, и, став подростками, они все проходили этап «идентификации со своей [новой] родиной». И в тот период он считал себя больше русским, и сами немцы видели его именно так, поскольку для них он был «Ausländer», «иностранец».

Но, приехав в Россию в первый раз, он понял, что и немецкая составляющая в нем стала очень сильна, и в России его, в свою очередь, воспринимали «не как своего», не знали, «как с ним обращаться». Бывало, что во время его визитов к родственникам в Сорск, соседи приходили на него посмотреть, как на некую экзотику, «как будто в зоопарке». Однако он с большим энтузиазмом говорил о том, как ему интересно погрузиться в русскоязычную среду, ведь в немецкой ему уже стало «скучно».

Что касается культуры, Андреасу близка немецкая современная музыка, в частности рэп; более того, он сам его читает и пишет тексты. Медиаконтент же он изучает как на немецком, так и на русском, так как ему интересен актуальный сленг и новости о России. Своих детей он планирует растить в билингвальной среде, общаться с ними как на немецком, так и на русском и «инвестировать все ресурсы» в изучение ими как этих, так и других языков. Андреас признался, что ему хочется «исчезнуть в толпе», хотелось бы «заново стать русским» и что «Я не могу найти себе дом». Он понимает, что быть российским немцем – это «сложно», в том числе и из-за их тернистого исторического пути и коллективной травмы, перенесенной ими в XX в.

3. Обсуждение и выводы

Какие же ключевые выводы мы можем сделать на основе краткого обзора истории московских немцев и четырех социолингвистических интервью на темы семейной культурно-языковой истории?

Во-первых, московские немцы прошли во многом путь не менее сложный, чем российские немцы из других регионов, испытав в первой половине XX в. много тягот и лишений. Тем не менее, они внесли неоценимый вклад в культурный облик столицы, сделав ее такой, какой мы ее знаем сегодня: целые районы Москвы, такие как Лефортово и Басманный, напоминают

нам о поколениях немцев, живших в них, и ведших активную общественную деятельность, в частности просветительскую: участвовали в строительстве и развитии учебных заведений, в том числе таких, которых до этого не существовало в принципе, например для людей с ограниченными возможностями, и организовывали новые печатные издания, клубы и кружки.

Во-вторых, найти исконно московских немцев сейчас уже не так-то просто. Как мы можем заметить из биографий наших респондентов, все они являются москвичами не дальше третьего поколения, будучи потомками тех, кто в середине XX в. перебирался в Москву с совершенно конкретными целями, будь то учеба или новые карьерные возможности. Укорениться глубже, как настоящие москвичи, смогли уже их дети.

В-третьих, практически для всех четырех респондентов, с их разными нарративами о жизни, действительны несколько общих ключевых характеристик лингвокультурного поведения и речевых практик, а именно: они нечасто задействуют немецкий язык в семье и быту; не хотели бы уезжать в Германию, но при этом готовы передавать свое культурное и языковое наследие потомкам; сохраняют некоторые культурные традиции и ценности, будь то праздники или религиозная принадлежность; у каждого из них сохраняется в культурной памяти своя немецкая культурная ценность, связанная с Германией как ее историческим источником, которую они считают особо привлекательной, будь то история страны, кухня или литература.

При этом каждый из респондентов, несмотря на существенные различия между ними, так или иначе ощущает свою уникальность и необычность, связанную со своей би- или мультикультурной семейной или личной историей. Для кого-то из них, как для Андреаса, долго прожившего в реальной немецкой интеллектуальной и бытовой среде, она связана отчасти с негативными эмоциями, однако для остальных, тех, кто всю осознанную жизнь провел в России, их бикультурный, иногда «евразийский», опыт скорее, «изюминка», интересная деталь биографии, повод для особой гордости.

Осознание этих фактов, прямо, хотя и далеко не всегда эксплицитно, связанных с контактами двух богатых и высокоразвитых культур внутри билингвальных сообществ, может помочь общественным организациям проводить более эффективную языковую и культурную политику, способствуя сохранению российскими немцами памяти о своих корнях. Следующим шагом должна стать работа по углублению и расширению геополитического кругозора и языковых навыков. Тем самым представители российских, московских, немцев смогут лучше осознать огромный вклад своего сообщества в развитие России и, в частности, ее главных метрополий. Именно это даст возможность немецко-русскому сообществу передавать и прививать историко-культурные ценности младшим поколениям и тем самым предотвратить постепенное «вымирание» группы, подталкиваемое репатриацией.

Как отметила заместитель председателя Международного союза немецкой культуры Ольга Мартенс в интервью журналу “The Village”, «…я считаю, что каждый российский немец должен приложить все усилия, чтобы его дети и внуки владели языком – только так произойдет восстановление утраченной цепочки» [10]. И очевидно, что это относится не только к языку, но также и к образу жизни, и культурному наследию в целом.

Одной из дополнительных намеченных траекторий продолжения данного исследования является проведение глубинных социолингвистических интервью на темы семейной языковой и культурной истории с российскими немцами, эмигрировавшими в Германию, так называемыми *русаками*, ставшими там, наряду с *ости* и *канаками*, еще одной категорией немцев, отличной от западногерманского этнокультурного стандарта.

[10] Российские немцы – о жизни в двух культурах // The Village. URL: https://www.the-village.ru/people/people/234233-nemtsy

Мы рассчитываем, что данная статья станет началом большого этногеографического, культурного и языкового исследовательского «погружения» в жизнь этого многостороннего сообщества.

Список литературы

Григорян Г. Ш. Влияние этнических процессов на региональный состав мигрантов Москвы после начала Первой мировой войны // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 19–32.

Иванова О. В. Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920–1930-е годы // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2006. № 3. С. 781–788.

Келлер А. В. Немцы в Москве XVI – начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: Сб. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 850-летию Москвы. М., 1997. С. 53–105.

Матвеева Н. В. Социально-демографическое развитие немцев СССР в 1920–1950-х годах: Автореф. дис. … канд. ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: [б. и.], 2011. 29 с.

Томан И. Б. Традиционная культура московских немцев и Октябрьская революция // Мир Большого Алтая. Международный научный журнал. 2016. № 2. С. 272–278.

Томан И. Б. Московские немцы: места памяти // Российские регионы: взгляд в будущее. 2020. № 4. С. 16–44.

Ульянова Г. Н. Российские немцы: историческая память как зеркало этнического идентитета // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7–9 декабря 2009 г.). М., 2010. С. 78–91.

Список источников

Айрапетов А. Р. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Западная Русь. URL: https://zapadrus.su/rusmir/istf/307-1915-36.html (дата обращения 01.09.2021).

Краткий курс истории российских Раушенбахов // История рода российских Раушенбахов. URL: http://www.rauschenbach.ru/ru/istoriya/razdel-istorii-1 (дата обращения 01.09.2021).

Нойфельд, Катарина. Из истории российских немцев // Сайт Музея истории и культуры российских немцев. URL: https://www.russlanddeutsche.de/ru/rossijskie-nemtsy/istoriya/iz-istorii-rossijskikh-nemtsev.html (дата обращения 01.09.2021).

Российские немцы – о жизни в двух культурах // The Village. URL: https://www.the-village.ru/people/people/234233-nemtsy (дата обращения 01.09.2021).

Савоскул М. С. Почему мигрант мигранту не всегда друг, товарищ и брат? Статья вторая // Демоскоп Weekly. 2016. № 681–682. URL: http://demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema01.php (дата обращения 01.11.2021).

References

Grigoryan, G. S. The influence of ethnic processes on the regional membership of migrants in Moscow after the outbreak of the First World War. *History: facts and symbols*, 2019, no. 1 (18), pp. 19–32. (in Russ.)

Ivanova, O. V. Socio-cultural adaptation of political emigrants in the USSR in the 1920s – 1930s. *Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2006, no. 3, pp. 781–788. (in Russ.)

Keller, A. V. Germans in Moscow of the 16th – early 20th centuries: their cultural and social life. In: Germans of Moscow: a historical contribution to the culture of the capital. Collection of reports of the International Scientific Conference dedicated to the 850th anniversary of Moscow. Moscow, 1997, pp. 53–105. (in Russ.)

Matveeva, N. V. Socio-demographic development of the Germans of the USSR in the 1920s – 1950s. Abstract. of Cand. of Hist. Sci. Dis. Ekaterinburg, A. M. Gorky Ural State Uni., 2011, 29 p. (in Russ.)

Toman, I. B. Moscow Germans: places of memory. *Russian regions: a look into the future*, 2020, no. 4, pp. 16–44. (in Russ.)

Toman, I. B. The traditional culture of the Moscow Germans and the October Revolutionю *The world of the Big Altai. International Scientific Journal*, 2016, no. 2, pp. 272–278. (in Russ.)

Ulyanova, G. N. Russian Germans: historical memory as a mirror of ethnic identity. In: Germans of new Russia: problems and prospects of development: Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 7–9, 2009). Moscow, 2010, pp. 78–91. (in Russ.)

List of Sources

A short course in the history of the Russian Rauschenbachs. In: The history of the Russian Rauschenbach family. URL: http://www.rauschenbach.ru/ru/istoriya/razdel-istorii-1 (accessed: 01.09.2021).

Airapetov, A. R. The German pogrom in Moscow in June 1915 in the context of fighting on the external and internal front. *Western Russia*. URL: https://zapadrus.su/rusmir/istf/307-1915-36.html (accessed: 01.09.2021).

Neufeld, Katherine. From the history of Russian Germans. In: Website of the Museum of history and culture of Russian Germans. URL: https://www.russlanddeutsche.de/ru/rossijskie-nemtsy/istoriya/iz istorii-rossijskikh-nemtsev.html (accessed: 01.09.2021).

Russian Germans talk about their lives in two cultures. *The Village*. URL: https://www.the-village.ru/people/people/234233-nemtsy (accessed: 01.09.2021).

Savoskul, M. S. Why are migrants not always friends, comrades and brothers to each other? Article two. *Demoscope Weekly*, 2016, no. 681–682. URL: http://demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema01.php (accessed: 01.09.2021).

Информация об авторах

Дарья Сергеевна Рязанцева, стажер-исследователь
Мира Борисовна Бергельсон, профессор

Information about the Authors

Daria S. Riazantseva, Intern Researcher
Mira B. Bergelson, Professor

Статья поступила в редакцию 20.11.2020;
одобрена после рецензирования 07.08.2021; *принята к публикации 10.01.2022*
The article was submitted 20.11.2020;
approved after reviewing 07.08.2021; *accepted for publication 10.01.2022*

Научная статья

УДК 81’25, 81’119
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144

Дискурс вокруг *cancel culture* как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики»

Анатолий Федорович Фефелов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
bobyrgan@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются дискурсивные формы проявления культурно-идеологического содержания *cancel culture* и *woke movement*. Проводится мысль, что эти явления связаны отношениями «причина (woke) – следствие (cancel)». Оба анализируются в терминах содержательно-семантической структуры дискурса, отражающего в основном нарративы критиков обозначенных явлений, поскольку позиции их пропонентов слабо вербализованы. Язык одной из университетских петиций (подробный анализ последует во второй статье), тем не менее, подвергся начальному визуально-графическому анализу и представлен по ссылке, хотя сама она не является ни в коей мере образцом для подражания. К категории пропонентов относятся и представители управленческих структур, объединяемых крайне широкозначными в американской культуре словами *government* (AmE) и *illiberal bureaucracies*. Переводческая интерпретация *woke* и *cancel* культур подкрепляется также англо-русской словарной лингвостилистической информацией о словах *cancel* и *culture*. В результате доказывается, что словосочетание *cancel culture* в переводе с английского может иметь в качестве адекватных в зависимости от контекста соответствия «культура» отмены и «отмена» культуры. Но в обратном направлении для аналогичного содержания приоритетнее эквиваленты *woke*, *wokeness*, *wokeism*.

Ключевые слова

К. Богомолов, культура отмены, отмена культуры, культурные войны, моральная паника, рыцари культуры, культура и личность, эволюция культуры

Для цитирования

Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг *cancel culture* как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144

The Discourse around *Cancel Culture* as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”

Anatoli F. Fefelov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
bobyrgan@mail.ru

Abstract

The article deals with discursive manifestation forms of the cultural and ideological content of *cancel culture* and *woke movements*. It is suggested that these phenomena are connected by cause (woke) and effect (cancel) relation. Both are analyzed in terms of the discursive semantics, which is mainly concerned with the critics’ narratives of the above phenomena, the positions of their proponents being poorly verbalized. Nevertheless, just as an example, we pre-

© Фефелов А. Ф., 2022

sent a linguistic analysis of the petition posted by US undergraduate students. The category of proponents also includes representatives of management structures, described by the words *government* (AmE) and *illiberal bureaucracies* whose meanings are extremely broad in American culture, which may cause some misunderstanding. The translation interpretation of *woke* and *cancel* cultures is also supported by linguo-stylistic and cultural information from English and Russian dictionaries on the words *cancel* and *culture.* As a result, it is proved that the phrase *cancel culture* can have the following adequate context-related correspondences: "culture" of cancellation and "cancellation" of culture. However, in the opposite direction (from Russian to English), for similar content, the equivalents *woke*, *wokeness*, *wokeism* appear to be much more precise, especially if cultural or social values are implied rather than pop celebrities.

Keywords

cancel culture, woke movement, woke culture, culture wars, culture warriors, culture and personality, custom and law, cultural change, moral panic

For citation

Fefelov, A. F. The Discourse around *Cancel Culture* as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs "Logic". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 126–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144

Игра в бисер надоела, американские студенты устали от своих профессоров и их интеллектуальной культуры.

The glass bead game is getting boring, young Americans are tired of 'grumpy old guys' and their intellectual culture.

Введение. Проблематика феномена

Обозначенная в заглавии статьи «культура», нежданно-негаданно возникшая в США в виде почина по «отмене» известных людей, начинает привлекать всё более пристальное внимание зарубежных наблюдателей, поскольку феномен удивляет резкостью своих проявлений в социальном поле и вызывает явное недоумение (и прежде всего у самих американских аналитиков-публицистов, хотя есть и те, кто отрицает само его существование [1]). Причина лежит в неполиткорректных формах проявления *cancel culture*. Они контрастируют с его декларируемым стремлением бороться с любым проявлением неполиткорректности, настораживает также содержание «культуры». В нем обнаруживается явно политический, а не ожидаемый морально-этический подтекст, что подтверждается пролиферацией в речи лексем общественно-политической квалификации типа *illiberal*, *alt-right*, *bigoted*, *backward*(*s*), *accountable* и т. п. Анализ этого подтекста лежит за пределами языкознания, даже если его описывать в терминах медиалингвистики или «общественно-политической» лексикологии. Лингвистический анализ пока показывает только то, что контекстуальная семантика упомянутых лексем крайне размыта, и это значит, что концептуализация еще не произошла и что давать константные словарные соответствия еще проблематично.

Редкие работы по этой «культуре» трактуют ее с позиций социальной философии (и тогда она рассматривается как форма *общественного порицания* [Дашинимаев, 2021]), культурологии или обществоведения [2], которая рисует культурный типаж этих новых судей интернетовых.

Если о шумных «отменах» американских звезд поп-культуры и редких выпадах против знаменитостей (*celebrities* с разговорным вариантом *celebs*), представляющих настоящую ми-

[1] «Cancel culture is "the idea that people too often pile onto others [наезжают на других как злокая куздра. – *А. Ф.*] for bad behavior," as defined by Insider digital culture reporter Rachel E. Greenspan. The concept, *which some argue doesn't actually exist*…» (курсив мой. – *А. Ф.*) (*Haltiwanger, John.* Putin rails against cancel culture... *Business Insider*, Oct. 23, 2021. URL: https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10).

[2] *Alvarez Trigo, Laura.* Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters. In: PopMeC Research Blog. Published 2020, Sept. 25. ISSN 2660-8839. URL: https://www.researchgate.net/publication/344512933

ровую культуру, пишут чаще, то об интернет-акциях американских студентов с «порицанием» своих преподавателей (профессоров) известно еще только то, что они имеют место и вызывают крайнее смущение в университетской среде. Имеет поэтому смысл дать сразу пример активности подобного рода, принявшей форму петиции; эта последняя не будет анализироваться в деталях, но всё равно способна дать представление не о стандарте, конечно, но о шаблоне действий «новых судей» в их борьбе – как они заявляют – за *justice* and *equality* [3].

Стандартные топики петиции и ее ключевые слова, очерчивающие область новой «культуры» и установки ее деятелей, выделены курсивом, а имена собственные заменены символами «x» или «X».

xxx University: *Take Action* Against Professor xxx

Students at <…> are *outraged* at the pattern of *racist, anti-Palestinian, xenophobic, sexist,* and *Islamophobic* statements of X. X. has used words such as "*uncivilized*," "*barbaric*," and "*primitive*" in his tweets to describe <…> people. Professor X's rhetoric <…> serves as inspiration for *perpetrators* of *racist violence*, <…>.

Professor X's statements stand *in direct opposition* to the values of *social justice*, *service*, and *community*. xxx's administration <…> *should* feel *obligated to meet* the following student *demands*: We, the students of xxx call upon the administration to *censure* Professor X for his *heinous statements* against <…>. His comments create *unsafe* and *uncomfortable* spaces for everyone, especially <…> students who now all *refuse to enroll* in a class that is taught by Professor X. We are not only *seeking censure*, but for Professor X. to *commit* to *racial sensitivity training* [4] and to *release* a *public apology* for his *immoral conduct*. It is *imperative* for xxx University to *condemn* Professor X. in order to reaffirm and reinstitute our mission. Regardless of whether xxx administration takes comprehensive action, we will continue to *fight* for *justice* and *equality* for all *marginalized communities on campus*.

Специфично то, что практика «отмены» заметна более всего по ее акциям; это «*культура*» или *шаблон действий*, осуществляющихся часто в социальных сетях, а не привычная культурная норма или идеология, обоснованная в базовых референтных текстах, излагающих ее принципы и основные понятия. У ней нет еще дискурса в привычном значении этого слова, но зато он быстро возник вокруг этого современного тренда в оффлайновом интеллектуальном пространстве США, будучи спровоцирован «громкими» уличными маршами и / или интернет-кампаниями.

За пределами США *cancel culture* и всё, что с ней связано, привлекает внимание двух специфических групп общества:

- механических бездумных подражателей этой заморской «культуре» [5], заимствующих новый понравившийся им субкультурный ритуал, развивающийся в американских кампусах, т. е. в университетской среде;
- представителей образованного интеллектуального сообщества Запада, укорененного в пестовавшемся ими веками концепте высокой культуры, которые воспринимают этот новый – молодежный – ритуал как нечто непонятное, нелогичное для многовековой эволюции западных культурных кодов и ценностей и потому вредное.

[3] По этим словам сразу видно, что в американских университетах нет единых ГОСов с подробным перечнем компетенций, распределенных по трем категориям, включая общекультурные. В нашей правовой системе (имеются в виду КЗоТ, принцип конкурсного набора преподавателей вузов и уставы вузов) аналогичная петиция будет рассматриваться как пример **политизации** и **идеологизации** учебной среды, а ее рассмотрение приобретет вид людического действия и будет носить откровенно патафизический (в России – бухдуквистский) характер, родственный фикциональности. Такая попытка продвинуть этот шаблон в наше учебное пространство для изучающих английский язык с целью придать прикладной характер беспредметной по своей сути лингвистике [Зимняя, 1991] обернется предметной бессмыслицей при переносе этих слов в иное геоэтнокультурное пространство и нашу образовательную среду. Такое «заучивание слов и выражений» было бы равносильно симуляции языковых и поведенческих (ритуальных) означающих.

[4] Это мероприятие может быть в полной мере ассоциировано с патафизическим *décervelage*, конечно.

[5] Кавычки при употреблении слова в этом контекстуальном значении имеют принципиальное обоснование для его отделения в переводе от других соответствий.

Однако, как показывает один недавний социологический опрос, проведенный в Policy Institute, King's College London, акцент на этих двух группах явно искажает значимость данного движения в европейской общественно-политической реальности в целом. Первая, не имея своего дискурса, действует на волне пассионарного энтузиазма [6], а вторая говорит о них, причем много, потому что они покусились на «всё что есть самого святого в западной культуре», а деятельность представляет угрозу их символическому капиталу и им самим как авторитетным эталонным носителям доминирующей культуры [7].

Что касается современной России, то она, будучи постсоветской, т. е. унаследовавшей опыт как досоветской, так и советской, нечто подобное – период аналогичного слома культурных кодов – уже проходила. Именно это напомнил недавно К. Богомолов с удивительной – почти ленинской – ясностью, точностью и исчерпывающей лаконичностью формулировок, свободных от досточтимой *ambiguity* ареала *anglo*, в Манифесте «Похищение Европы 2.0» [8] (см. ниже).

Сформулированный вопрос ассоциативно касался очень широкой смысловой сферы, покрываемой семантикой ключевых лексем данной статьи (*woke, cancel culture, culture wars*), но его точная формулировка была такой: If you were called "woke", would you take it as a compliment or an insult? Или по-русски: Если бы Вас назвали уоукистом [9], Вы бы восприняли это как комплимент или как оскорбление?

Первое и самое главное, выяснилось, что проблематика и сама тема так называемых "culture wars" привлекла внимание относительно небольшого числа всех опрошенных (only relatively small proportions of the public). Это и есть ответ на вопрос о ее реальной общественной значимости, хотя до самого опроса явление представлялось как без сомнения очень важное и существенное. Второй вывод состоит в том, что те, кто им активно интересуется, оценивают феномен по-разному: для 25 % это комплимент, еще столько же воспринимают его как оскорбление, а остальные вообще не очень понимают (the rest have little clue), что это слово означает (и с чем его едят). Разброс объясняется личностными и социально-политическими чертами респондентов: для 52 % молодых участников вокист – это комплимент, а возрасте от 55 лет и выше комплиментом его считают только 13 % опрошенных. Сторонники лейбористской партии (современное обозначение категории «униженных и оскорбленных» [10] в UK) считают причисление к вокистам комплиментом в три раза чаще, чем избиратели-консерваторы [11].

Мы видим задачу в исследовании характерных черт дискурса, возникающего вокруг *cancel culture*, их нарратива, чтобы попытаться очертить круг его актуальных идеологем и их культурно-исторический смысл в рамках формирования концепта *ЗАПАД* и сопутствующего

---

[6] И здесь мы проведем первую параллель с советским революционным прошлым, дух которого прекрасно отражает до сих пор «Марш энтузиастов».

[7] Реальная угроза, проявляющаяся в увольнении, включении в «черный список», тоже уже дает знать о себе. В этой связи остается только напомнить старую истину, широко известную в антропологии и этнологии: «...culture <…> has had an existence external to each individual born into it. The function of this external, man-made environment is to **make life secure and enduring** for the society of human beings living **within** the **cultural system**. Thus, culture may be seen as the most recent, the most highly developed means of **promoting** the **security** and continuity **of life** <…>» [White, 2004]. Выделено мной. – *А. Ф.* На периферии дискурсивного поля *cancel culture* уже появилось слово *suicide* с его прямым значением.

[8] https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0/.

[9] В русской лингвокультурной среде сама эта форма, при всей закономерности орфографического транскрибирования, провоцирует выбор в пользу оскорбления. Чтобы сгладить этот *невольно возникший* фоносемантический эффект, нужно вернуться к транслитерации, дополнив ее морфологической адаптацией: вокист.

[10] Это название романа Ф. Достоевского отлично выявляет два дистинктора носителей *woke culture*, семантику которых они затем и проецируют на носителей «доминантной» культуры в лице поп-звезд и *academics*, требуя от них извинения и покаяния. «Les Misérables» В. Гюго (убогие, жалкие, несчастные, но все-таки не «Отверженные», как было переведено) почти о той же категории людей, но они составляют лишь малую часть *woke*.

[11] *Duffy, Bobby; Page Ben.* Culture-wars-uncovered. URL: https://theconversation.com/culture-wars-uncovered-most-of-uk-public-dont-know-if-woke-is-a-compliment-or-an-insult-161529/.

выделения из него концепта *ВОСТОК* [Большакова, 2016]. Другими словами, задача состоит в выявлении специфичных американских лексем-индикаторов топиков, структурирующих предметно-семантическое пространство данного дискурса, что роднит наш подход с классическим контент-анализом, призванным пролить свет на значимую проблематику текста, не вербализованную в нем с достаточной ясностью или не выведенную в его ядерную лексическую зону. Словосочетание *cancel culture* уже лексикографировано, словарный материал довольно богат (см. список источников), структурирован, адекватно иллюстрирован примерами употребления, включая и те контексты, которые обнаруживаются в базе данных словосочетаний английского языка [12].

Развиваемые в дискурсе нарративы и идеологемы видны, конечно, в словарных иллюстрациях (особенно, в Pop Culture Dictionary), но для нас приоритетен анализ газетных статей, посвященных *cancel culture* и родственным понятиям, поскольку собственно смысловые акцентуации национальных вариантов cancel-culture-дискурса, их авторская концептуальная информация [13] выявляются только в развернутой авторской аргументации, его лексической специфике и его риторике. Кроме того, специфика подхода состоит в попытке найти место этой проблематики в общей типологии видов культуры и социокультурных систем антрополога Лесли Уайта (Leslie White), изложенной им в Britannica 2004. Ее удобно использовать в качестве надежной концептуальной сетки и системы социо- и геокультурных координат (о них см.: [Фефелов, 2015]), так как понятие «лингвокультура» является еще крайне амбивалентным [Peeters, 2019]. В общем, наш метод описания лингвистических значений компонентов и социальных смыслов, возникающих на их базе, является по определению комплексным; в своем полном виде он систематизирован и представлен в работе [Чубур, 2018].

1. Иллюстрация: идеологема – авторский смысл – дискурс

Проиллюстрируем кратко вопрос о нарративах и идеологемах на примере статьи Анны Эпплбаум (2021). Давая богатый лексический материал для тематического осмысления, она циркулирует под двумя названиями: авторским (“The New Puritans” [14]) и редакторским (“Mob justice is trampling democratic discourse” [15]), по-разному акцентирующим ее содержательный мессидж. У автора референция религиозная; она проводит параллель между чрезвычайно строгой в морально-этическом плане раннепуританской традицией первых переселенцев (восставших некогда против «распущенных» католиков) и беспощадностью их современных молодых «наследников», скорых на расправу с реальными и мнимыми нарушителями норм *своей* новой политкорректности, но пренебрегающих правовой процедурой доказательства вины, тоже реальной или мнимой [16]. Редакторское название убирает религиозную референцию (скорее аффективно-риторическую, *на наш взгляд*, чем рационально-логическую), поскольку автор несколько гиперболизирует морально-этическую бескомпромиссность первых пуритан. Еженедельник предлагает воспринимать статью через другую призму – соблюдения правил традиционного американского демократического публичного речевого поведения (дискурса).

Цель статьи состоит, однако, не в том, чтобы поддержать или осудить позицию, представленную Анной Эпплбаум, так как в этом случае ее предметность стала бы культурно-публи-

[12] Database with 4,4 million collocations for 43 thousand English words. URL: https://linguatools.org/.

[13] Трактуется по И. Р. Гальперину [1981. Особ.: глава 2, с. 23–28].

[14] Новые пуритане или Новое пуританство.

[15] Гугл: «Правосудие мафии попирает демократический дискурс». Яндекс: «Самосуд попирает демократический дискурс». Мой: «Самосуд интернет-толпы дискредитирует демократический дискурс». Пояснение: Мафии в статье нет вообще и не может быть, даже в переносном смысле. Автор проводит аналогию с самосудом, но в переводе Яндекса нужно сразу уточнить основную категорию его акторов, которым в статье уделяется большое внимание.

[16] В подзаголовке статьи эта мысль передается с большевистской резкостью: «<...> judgment can be swift – and merciless».

цистической. Эта цель не мыслится также как социологическая, социально-философская или культурологическая, несмотря на то, что эти предметные области чрезвычайно близки феномену американской *cancel culture*, ее политкорректному новоязу и тесно связаны с ними по существу. Эти бесспорные межпредметные связи и инопредметные акцентуации будут проводиться, но они не должны, вместе с тем, мешать главному – выявить толкования словесной и прагматической семантики словосочетания *cancel culture* с учетом семантического потенциала его составных компонентов, синонимов (например, canceling [17]), ассоциатов, накопленного в ходе лингвистической и культурно-исторической эволюции.

Особый интерес представляет в этой связи переводческое толкование данного выражения в русском языке, где рядом с буквально как бы «верным» соответствием *культура отмены* регулярно появляется как бы «неадекватное» соответствие *отмена культуры*. Эта рефракция лингвосоциального восприятия в русской лингвокультуре и общественной мысли выражения *cancel culture* представляется нам абсолютно закономерной. Впрочем, как и особо «лестные» нам попытки некоторых американских аналитиков из числа специалистов по межкультурной коммуникации проанализировать сугубо свой лингвокультурный феномен не только ожидаемо, т. е. в терминах «сталинской» правовой культуры [18] (Applebaum, 2021 [19]), историческим источником которой у них глобально мыслится то, что в обществоведении и культурологии Запада называется после Монтескье восточным деспотизмом [20] (обоснование см. в [Большакова, 2016, с. 367, 375]), но и «в терминах» Тургенева (роль нигилизма в отношениях детей и отцов), Чернышевского (несбыточные сны его феминистки Веры Павловны) и Достоевского, актуализированных в статьях R. Dreher [21], P. Savodnik [22]. Статья Саводника вообще описывает всю нынешнюю кутерьму [23] вокруг *cancel culture* как русский разночинский роман XIX в.

Обозначенная двоякость инокультурного восприятия *cancel culture* (и языкового выражения и, особенно, феномена) наблюдается также во французской лингвокультуре: само словосочетание еще не переводится и употребляется *as is*. Интерпретируется же оно (пусть и не всегда) в соответствии со своей глубинной социокультурной семантикой как крах или деградация культуры [24], т. е. по «ошибочному» русскому канону – отмена культуры, ее традиционных ценностей. Данная «ошибочность» хорошо видна по соответствиям ключевых слов темы, возникшим в ходе переложения *на английский язык* выступления В. Путина на Валдайском форуме 2021 г. и его последующего обсуждения в американской и английской прессе.

Делать вывод о подмене понятий в русском и французском восприятии единицы не приходится; это закономерная рефракция американского феномена, которая без особого труда

[17] В материале именно в такой орфографии, единой для anglo нет и, вероятно, не будет.

[18] Хотя локально-исторически эту сталинскую «культуру» нужно связывать с активным периодом диктатуры пролетариата и острой внутрипартийной борьбы в СССР «до Хрущева».

[19] *Applebaum, Anne.* Mob Justice Is Trampling Democratic Discourse. *The Atlantic*. 2021. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/10/new-puritans-mob-justice-canceled/ 619818/

[20] <...> внешняя политика [Европы XIX в. – *А. Ф.*] не была лишена своего рода экзальтации: соперничество [с Россией. – *А. Ф.*] на международной арене подавалось в духе манихейской борьбы добра со злом [Большакова, 2016, с. 376]. Та же матрица видна и сейчас, но уже внутри одной культурной системы: «Mass media often fabricate Manichean narratives that influence public opinion by creating myths that reinforce the “perceived lack of justice for the accused”» [Holman, 2020, p. 11; Alvares Trigo, 2020, p. 3, 11]. Российские марксисты понимали «бинарность» данной оппозиции как проявление антагонистических противоречий в интерпретации, близкой к законам диалектики Гегеля.

[21] *Dreher, Rod.* Another Sign of the Apocalyptic Times. URL: https://www.theamerican conservative.com/dreher/lil-nas-x-montero-another-sign-of-the-times/.

[22] *Savodnik, Peter.* Woke America Is a Russian Novel. URL: https://www.tabletmag.com/sections/news/articles/woke-america-russian-novel/.

[23] М. М. Бахтин сказал бы о карнавале, но идея бухдуквистики, развиваемая ниже, требует менее престижных ассоциаций.

[24] См.: *Nora, P., Gauchet, M.* Clap de fin pour la revue “Le Débat”. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7BmeveNN0J4/.

раскрывается концептуально. Всякий, кто пестует и практикует *cancel culture*, начинает неизбежно демонтировать, деконструировать и свергать с пьедестала все прежние культурные ценности, идеалы, но прежде всего их образцовых – эмблематических – носителей. Процесс имеет спонтанный, неупорядоченный, плохо контролируемый характер и потому приводит к резкому слому культурных кодов (*cultural codes* и синоним *social codes* [25]). В результате этого семантика глагола *cancel* переносится в общественном сознании с носителей культуры на саму культуру.

Фундаментальность этого сдвига доказывается лингвистически: в языке появилась и приобрела высокую частотность в речи формальная структура *to cancel someone*, до недавних пор немыслимая в заморской демократии из-за ее семантического (морально-этического) наполнения: *отменить кого-либо* означает здесь не исключение какого-то адреса из списка своих контактов, а полное устранение, «изъятие» человека из публичной сферы (изгнание) или профессиональной (запрет на профессию). Если провести аналогию с неодушевленными дополнениями, то человека гасят, как почтовую марку, сокращают, как в математической операции, отменяют, как заказ, или убивают, как в сленговом употреблении (*cancel out someone* или *cancel someone's Christmas* = помножить на ноль, убить). Такая семантика плохо согласуется в русском языке (и во французском) с понятием «культура», а в английском связка *cancel culture* легко утвердилась, хотя и там можно было бы вполне обойтись словоформой *cancel*(*l*)*ing*, не легитимируя имплицируемые ею действия как нормальное культурное явление.

Помимо социального сленга на формирование словосочетания повлиял и профессиональный подъязык информатики, вычислительной техники (Computer Science) с информационными технологиями (Information Technology). Формальная модель, аналогичная *cancel culture* (хотя для стандарта привычнее модель с *cancellation*), зарегистрирована именно там: *cancel* или *ignore character* (символ удаления); *cancel command* (команда прекращения, удаления или отмены); *cancel* или *cancellation request* (запрос отмены задания, запрос прекращения работы) [Шишмарев, Заморин, 1981, с. 42].

2. Причинно-следственная связь с *woke culture*, глубинный подтекст

Это особенно очевидно, если стихию отмены (*cancel culture*) рассмотреть в связи и на фоне родственного и гораздо более проработанного в концептуальном и идеологическом отношении понятия *wokeism* [26], выступающего, по существу, в функции идеологического обоснования культуры отмены как его практики.

Представим его преднамеренно в анонимной концептуализации, предлагаемой *идейными противниками* вокизма (уоукизма) на специально созданном сайте, где размещен оригинал обращения [27], близкого по своей риторической форме к манифесту (см. его далее в нашем переводе. – *А. Ф.*):

> **Вокизм** – это движение марксистского толка, инициаторами которого выступали люди с благими намерениями, хотевшие лишь покончить с расизмом и социальной несправедливостью. Но теперь оно превратилось в культ и стремится заткнуть рот всем, кто не согласен с ними. Сначала они действовали методами социального унижения, а теперь перешли к неприкрытому насилию, прячась за отрядами Антифа и BLM.

[25] Отсюда следует, что *culture* и *society* в некоторых контекстах могут становиться синонимичными понятиями у отдельных авторов, а актуальное значение обоих этих слов может раскрываться словосочетанием (западный, американский, российский) *образ жизни*.

[26] На данном сайте и, вообще, очень часто *wokeism*. Но явление называется также и производным словом *wokeness*, *woke culture* или просто *woke*. Первая номинация концептуализирует понятие как философское, во второй и третьей этот смысловой акцент отсутствует, а четвертая выступает как этимон, выделенный из выражения с функцией призыва *stay woke*.

[27] https://wokeism.org/wiki/What_is_Wokeism

Вокизм требует справедливости, а не равенства. Его цель – порушить все [социальные] нормы, заново определить значения слов, покончить с объективным научным знанием, и всё это ради того, чтобы построить [царство под названием] Марксистская Утопия. Этот якобы антирасизм сам стал бесспорным образчиком расизма, который пытается прикрыть свою истинную суть новым словом.

Вокизм – это полномасштабная атака на Западное общество. Он переписывает историю, чтобы внести смуту в умы и сподвигнуть на разрушение западной культуры. Его вирус проник во все уголки, от детсадов до органов власти. Он вездесущ, он готов покончить со свободой слова и мысли. Стало уже невозможно высказаться, не опасаясь увольнения с занесением в черный список или угрозы физической расправы.

Хватит терпеть! Настала пора вырвать людей из застенков интеллектуального постмодернизма и покончить с движением бдящих.

Несмотря на философскую претензию названия, риторика, лексика и дискурс этого Манифеста политические. Его основное содержание – не столько научно-объективное представление нового для США социального феномена (хотя и здесь следует приглядеться к характеру внутриамериканских дискуссий накануне Гражданской войны между Севером и Югом, их риторике и вербальному оформлению), сколько политическая оценка вокизма в рамках «бинарных оппозиций» «плохой / хороший» и «свои / чужие». По своей стилистике это пламенный призыв к борьбе против вируса разрушения и саморазрушения, поразившего вдруг старую добрую Америку. Собственно «анализ» не отличается глубиной, представляя собой еще один – довольно неожиданный в этом конкретном случае – парафраз на тему влияния марксизма, увлекающего несбыточными мечтами и потому представляемого как бесспорное зло. Особого комментария заслуживает поэтому контекстуальная синонимизация (или «рифмовка») марксизма [28] с французским постмодернизмом, поскольку объективно общего между ними крайне мало. Общее состоит лишь в том, что оба «теоретически» представляют собой в наивном сознании инструменты внешнего интеллектуального воздействия на неокрепшие умы простых граждан США [Chomsky, 1990], политические горизонты которого ограничены двухпартийной системой, которая и стимулирует дух «бинарного подхода» в понимании социальной реальности.

Действительно, как отметил когда-то американский антрополог Лесли Уайт, цитируя некоего знаменитого коллегу, «культура заразна» [29]. И потому можно предположить, что в профанном языковом сознании американцев произошла контаминация одного из самых «впечатляющих» понятий постмодернизма *деконструкция* (точнее, де-конструкция) с марксистской социально-политической идеей полного обновления уклада жизни, выраженной в предельно политизированной форме на французском языке еще в тексте «Интернационала» Эжена Потье [30] (муз. П. Дегейтера).

Дискурс и нарративы авторов манифеста «Против вокизма» с резким осуждением его экстремистских крайностей следовало бы рассматривать и как критику наивно-теоретических воззрений адептов постколониального культурального перевода (cultural translation), поскольку в нем ставится, пусть и мимоходом, кардинальная проблема переопределения значений слов (“It seeks <…> to redefine words”), используемых в общении представителей различных социально-экономических, социально-политических и социокультурных групп

[28] Он однозначно имплицируется в этом манифесте с советским и/или китайским, поскольку в изначальной западноевропейской социал-демократической вариации марксизм уже полностью обуржуазился и потерял свой обновленческий пафос.

[29] См.: *White, Leslie A.* Culture. In: Britannica de luxe edition, 2004 (Статья «Culture»):«“Culture is contagious,” as a prominent anthropologist once remarked, meaning that customs, beliefs, tools, techniques, folktales, ornaments, and so on may diffuse from one people or region to another». Заметим, что когда распространение связывается с геополитикой и интересами доминирующих стран, то оно принимает активные – организуемые и планируемые – формы, становясь политикой культурной экспансии.

[30] Подробный анализ его переводов на русский язык см. в статье одного из его многочисленных переводчиков Валентина Дмитриева [1967, с. 3–23]. С точки зрения культурных и ментально-политических реалий оригинал оказался трудным, новые смыслы с трудом поддавались передаче, расхождений было много, но *Stalin's culture* не трактовала их как преднамеренное вредительство. Оправданием отступлений служила и необходимость положить текст на музыку, что всегда представляет собой сложную техническую проблему.

современного американского общества. Для культуральных переводчиков она вообще стоит на первом месте, приобретая там форму постулата о неизбежности нового *negotiating of meanings*, т. е. торга о значениях и смыслах, как условии равноправного общения бывших колоний и метрополий. Да и само межкультурное общение часто обозначается у них словосочетанием, абсолютно не характерным для прежнего художественного перевода, *power relationships*, т. е. властные отношения или отношения власти [Young, 2012; Фефелов, 2018, с. 41, 49, 62, 94].

Существенно для сопоставления то, что требования примерно такого же плана стали формулироваться и агрессивно проводиться в жизнь в рамках, казалось бы, более-менее единой гомогенной культурной системы (в терминах Л. Уайта) или, проще, в США. Эта гомогенность зафиксирована также в девизе США – E pluribus unum [31], представляющем собой идеологему и формирующем адекватный ей нарратив, несмотря на то, что у всех штатов (кроме одного) есть свои девизы [32]. Она долго подкреплялась концептуальной метафорой плавильного котла и транслировалась на всё мировое сообщество.

Но упомянутая выше проблема переопределения или исправления значений слов действительно существует, и в нашем материале она очень ярко представлена в дискурсе А. Эпплбаум приемом закавычивания многих ключевых для статьи понятий, содержание которых стало вдруг крайне амбивалентным, а писать об этом с расцветом *cancel* и *woke* культур и трудно, и небезопасно. Кавычки функционируют в качестве важного оценочного инструмента, сигнализирующего извращение или полную инверсию содержания классических понятий американской демократической культуры, включая университетскую. В совокупности они как раз формируют нарратив их осуждения, распадающийся на несколько подтем:

- “keeping students safe” means you must violate due process? (мягкое указание на несоответствие средств «благой» цели, при том что главным источником угрозы безопасности студентов объявляются их же преподаватели);
- most of those who lose their positions are not “guilty” in any legal sense;
- apologies will be parsed, examined for “sincerity” – and then rejected;
- the “sentences” (приговоры) in these cases are of indeterminate length;
- these unregulated forms of “justice” to pursue personal grudges or gain professional advantage;
- Fear of those sanctions leads to self-censorship and silence;
- their “sins” have been exaggerated or misinterpreted by people with hidden agendas (последний «эвфемизм» тоже указывает на людей, преследующих свои корыстные политические цели, что дает А. Эпплбаум основание проводить параллели с нравами разоблачителей в «сталинской» культуре);
- First, the “heroes,” very small in number, Second, the “villains,”... (две основные категории из числа коллег «отмененных», совпадающие с советскими);
- after she referred to the case in an article about “sexual paranoia,” students demanded that the university investigate her, too;
- the poet Joseph Massey was accused of “harassment and manipulation” by women...

Еще одна важная группа слов (иногда тоже закавыченных) связана с темой общественно-политического самоопределения и определения политической принадлежности людей, спо-

[31] Девиз, размещённый на гербе США, в переводе с латыни означает «Из многих – единое». Латынь в девизах американских штатов не случайна, наоборот, это их характерная черта, привычный источник вдохновения.

[32] Политкорректность коснулась и их. В 2016 г. ставший якобы унизительным для женщин девиз штата Мэриленд ‘Manly Deeds, Womanly Words’ подвергся «апгрейду» (= контекстуальный синоним глагола *cancel*) и принял еще более уважительную форму: ‘Strong deeds, gentle words’. Дела и свершения стали ассоциироваться в нем просто с силой, а не с мужским полом, тогда как женщины стали ассоциироваться не со словоохотливостью, а с нежным мягким словом. Можно предположить, что новая сексуальная революция с ее инклюзивностью снова поставит такое решение под вопрос, но уже в бухдуквистской антилогике.

рящих о феномене «культуры» отмены, не связанной прямо с *celebrities*, суть которого точнее передает уже другое словосочетание – «отмена» культуры.

Характерно, что в период переопределения значений слов и исправления имен в дискурсе, описывающем типы общественной или политической принадлежности, появляется масса псевдотерминов (существительных и прилагательных) с неясной семантикой [33], что, к слову, заметно осложняет их понимание и перевод. К таковым мы отнесем следующие: "right-left political framework", но имеется в виду не борьба прогрессистов с консерваторами, а нечто более специфическое, причем правые в данном контексте не похожи на типичных "right wing" или conservative(s). А такой странный термин, как *cultural conservative* в США может подразумевать всего лишь защиту консервативных ценностей в ходе текущей культурной войны ("the term may imply a conservative position in the culture wars").

В выборке из статьи А. Эпплбаум оказались также *centrist*(*s*) и экзотичная фантазийная категория *center-left liberals*. Кроме того, по другим источникам обнаруживаются также *alt-right* (сокращение от *alternative right*), но слово используется по-разному различными группами и людьми. К основным его коннотациям относят связь с белыми националистами, считающимися ультраправыми.

Однако все упомянутые выше политические «этикетки» плохо соотносятся с двухпартийной системой США и еще хуже с классификацией европейских политических партий: за ними нет социально-экономических программ, а за их носителями участия в реальной политической борьбе за представительство интересов своих сторонников в парламенте. Попытка создать для парламентов мира новый классификационный политический шаблон на основе принципа идентичности с ее *gender fluidity* сразу переводит сам процесс в русло совершеннейшей бухдуквистики. Сама флюидность как бы даже ассоциируется с мифологемой «всё течет, всё изменяется», но в мифологеме имплицируется социальная реальность, а не биологическая отдельно взятого индивида, гендерная флюидность которого чаще всего является его преходящей фантазией, т. е. эпифеноменом.

Бросается также в глаза прилагательное *illiberal*, с вариантом *illiberalism* (*of cancel culture*), а также *bigoted* с вариантом (*soft*) *bigotry*, оба ассоциируемые с *backwards*. Попробуем поэтому раскрыть семантику слова *illiberal* методом индукции на основе примеров из статьи А. Эпплбаум, с опорой на признаки, обозначенные в контексте словосочетаний (см. мой курсив) и предложений (они не составляют связного текста, их порядок произволен):

- The censoriousness (здесь «цензура» как результат строгости легендарной кн. Марьи Алексеевны), the shunning («бойкот»), the ritualized apologies (публичное покаяние), the public sacrifices (буквально: публичные жертвоприношения, но что это значит сейчас? В США сохраняет еще свою силу старый принцип "Sacrifice the few to save the many»? – *А. Ф.*) – these are typical behaviors in ***illiberal societies*** with rigid cultural codes, enforced by heavy peer pressure (давление, под нажимом коллег);
- The interaction between the angry mob (злоба толпы) and the ***illiberal bureaucracy*** engenders a thirst for blood (жажда крови), for sacrifices to be offered to the pious and unforgiving gods of outrage (?? ≈ для жертвоприношений благочестивым, но неумолимым богам-защитникам оскорбленного достоинства. – *А. Ф.*);
- And these **bureaucracies** are ***illiberal***. They do not necessarily follow rules of fact-based investigation (не хотят устанавливать факты), rational argument (не дают объективной аргументации), or due process (не следуют установленному порядку). Instead, the formal and informal administrative bodies that judge the fate of people (чье решение определяет судьбу людей) who have broken social codes are very much part of a swirling (идут на поводу страстей), emotive public conversation (доверяют пересудам)…

[33] Зато они отлично рифмуются с общественно-политической бухдуквистикой, о которой пойдет речь в продолжении этой статьи.

Сформулируем краткий вывод о семантике прилагательного: *illiberal* может характеризовать и общества в антропологическом смысле, и чиновников, и отдельного человека как нечто отсталое, косное. Его функция состоит сейчас в том, чтобы отказаться от жесткой «бинарной» оппозиции «либеральный / антилиберальный», «либеральный / консервативный», от преждевременного социально-политического осмысления общественного феномена, вызывающего много ожесточения в обществе. Та же уклончивость заметна и в употреблении прилагательного *immoral* в цитированной петиции: «to release a public apology for his *immoral* conduct», причем в передаче на русский придется выбирать перифразу типа «принести публичные извинения за его поведение, не соответствующее моральным нормам», поскольку краткое соответствие *аморальный* имеет совершенно другую коннотацию.

Это значит, что действительно ответственные авторы предпочитают иногда проверенную временем «английскую амбивалентность», когда лучше «ходить вокруг да около», прибегая к лингвокреативности: контекстуальным эвфемизмам, аналогиям, ассоциациям и т. д. Это, пожалуй, оправданно, поскольку внутриамериканская дискуссия о “woke” и “anti-woke” перспективах часто напоминает, судя по статье А. Эпплбаум, ожесточенный диалог глухих, очень хорошо знакомый и России по ее прежним и нынешним контактам с культурным Западом: «so obsessed with battling “wokeness” or “cancel culture” that they now do nothing else». Такая же резкость видна и в цитированной выше петиции, где студенты требуют, чтобы руководство университета *безусловно* «осудило профессора X.» («It is *imperative* for xxx University to *condemn* Professor X.») за его твиты с выражением своей частной позиции по палестинско-израильским отношениям.

В конечном счете за этим процессом скрывается борьба за власть, за узурпацию «хороших» слов, осознаваемая и доткомами, и официальными институтами. Как подчеркивают французские постмодернисты, слово имеет способность стать символической властью, потому что оно дефинирует реальность, структурирует ее семантику, создает ее эмотивные образы в сознании окультуренного человека и легко превращается в лозунг. Само появление “wokeness” or “cancel culture”, будь это культура, практика, движение, мода или еще что-то, свидетельствует – независимо от ее содержания – о вступлении общества в период неких глубоких социальных и духовных перемен, поскольку они приняли в мире anglo массовый характер. Типичный дискурс критиков и аналитиков *cancel culture* и вокизма, особенно его тональность (пафос), свидетельствует скорее о том, что США имеют дело уже не с обычным конфликтом поколений, т. е. не с типичной борьбой эпатажной провокативной молодежной контр-культуры против «косности» стариков и не с *grumpy old guys* [34] в университетах. Такая квазиборьба тоже, конечно, имеет место, будучи тесно связанной с физиологическими и возрастными параметрами молодежи (и *youth culture*), их моральным максимализмом, стремлением к «крутости» и т. п., но она накладывается сейчас на нечто более серьезное и глубинное в эволюции ментальности и духовности западного .com-капитализма.

Уже встал со всей остротой вопрос о безопасности, причем в двух очень интересных и поучительных культурно-исторических связках: «... the incident reveals that no one is safe <...> » (Applebaum, 2021) = никто [из публичных людей] не может более чувствовать себя в безопасности (*А. Ф.*)[35]. Первая, фундаментального характера, должна быть проведена с положением Л. Уайта, гласящим, что обеспечение безопасности – это вообще главная цель культуры, понимаемой в ее антропологическом (чуть точнее, антропоцентрическом) предметном

[34] (Преподаватели)-зануды, как выразился один перуанский студент о своем преподавателе из США.

[35] Замечу, что без переводческого добавления в скобках мысль А. Эпплбаум будет полностью искажена. Категория публичных людей в ее статье представлена *только двумя* профессиональными группами: американская университетская профессура и сотрудники американских же газетных редакций. А имплицируемые в цитате носители угрозы их прежней безопасности – это студенты и сотрудники университетов и редакций, «пораженные» бациллой / вирусом *cancel culture*.

ключе, т. е. в неразрывной связи с понятием *minding* [36]. Оно служит для противопоставления Homo Sapiens миру животных, обделенных этой способностью и потому остающихся в своей эволюции cultureless, то есть бескультурными[37], хотя их бескультурность нужно отличать от бескультурья человека, формирующегося в пространстве оппозиции высокая / низкая культура). Не менее важна здесь его же несколько парадоксальная мысль о связи безопасности мира человека с эволюционным измерением культуры. Дело в том, что по мере своей эволюции культура принимает форму этнических или национальных **культурных систем**, обеспечивающих институциональную инфраструктуру этой безопасности [38].

В статье А. Эпплбаум связка между безопасностью и культурой следует из проводимой ею эксплицитной аналогии между атмосферой, царящей сейчас в американских кампусах, и обсуждениями морального облика «провинившихся» в чем-либо в 30–40-е гг. XX в. в «сталинском» СССР, и К. Богомолов [2021] полностью поддерживает такие сопоставления. Но если оценить явление *cancel culture* не в мрачном американском апокалиптическом ключе, а в межкультурном, то представляющееся изнутри в христианских критериях и терминах как конец (американского, протестантского) света, настоящим концом, пожалуй, не будет. Октябрьская революция 1917 г. в России тоже пыталась примерно два десятилетия отвергать свое аристократическое и буржуазное культурное наследие, объявляя его чуждым интересам пролетариата и крестьянских масс, но эта беспримерная в истории попытка провалилась – возникла новая гибридная впечатляющая культура с новым – неизбежным – культурным расслоением.

В США нынешние социокультурные пертурбации не могут сравниться по глубине революционных притязаний их акторов ни с Россией, ни с Китаем. Возникшая там «культура» отмены пытается, конечно, повлиять на обновление прежних культурных и социальных кодов, защищаемых консервативной частью общества и консервативными властными институтами (federal and states' governments), и превратиться в движение за отмену культуры доминирующих верхов в полном смысле этого выражения. Но это не более чем преувеличенные страхи отдельных носителей этой доминирующей и высокой культуры, не принадлежащих к истеблишменту.

Любопытнее и информативнее для понимания «семиотики» этого процесса другая аналогия с СССР. В его однопартийной системе коммунистическая партия была в начале своего пути бесспорным носителем радикальной идеологии левых сил с программой глубочайших социально-экономических преобразований. Однако к концу 1980-х гг. она однозначно стала восприниматься в стране как носитель правой консервативной антидемократической и потому реакционной идеологии. В США наблюдается аналогичная смена семиотической маркировки двух ее партий. Республиканская партия, по названию представляющая интересы всех, т. е. народа, воспринимается, тем не менее, как правая, консервативная и часто реакционная сила, тогда как Демократическая партия всё более и более ассоциируется с левыми, «левакаами» (гошистами-троцкистами), радикалами, социалистами.

[36] Патафизика утверждает, что способность к *mining*, которая еще больше отделяет человека от животных, – это закономерное производное от *minding*. Бухдуквистика поддакивает: «Голь на выдумки хитра». Но *mining* «рифмуется» скорее с *cancel culture*, тогда как *minding* – с истинным американским материализмом, суть которого раскрывается в [Шурыгина, 2017].

[37] Но определить их как некультурных – значит совершить логическую ошибку. Оппозиция «культурный / некультурный» относится исключительно к человеческому обществу и градуированию степени овладения культурой его индивидами и группами.

[38] В полном виде мысль формулируется так: «... may be seen as the most recent, the most highly developed means of **promoting** the **security** and **continuity** of life ...". Cf. Leslie White об: "…this culture – with its language, beliefs, tools, codes, and so on – has had an existence external to each individual born into it. The function of this external, man-made environment is to **make life secure** and **enduring** for the society of human beings living within the cultural system [White, Britannica, 2004].

3. Влияние содержательной асимметрии понятий *культура* и *culture* на стратегию переводческого выбора

Содержательная и переводческая трактовка устойчивого словосочетания *cancel culture* зависит в значительной степени от семантики второго компонента – *culture* и его семантических связей с русским соответствием *культура*. Рассмотрим их кратко по «Идеографическому словарю русского языка» [39], который дает очень полную информацию о семантических компонентах, признаках, коннотациях и ассоциациях слова КУЛЬТУРА.

Это, во-первых, **ценность, общественный (объект)**, *общечеловеческие* ценности; **достижения** *общественного* интеллекта, передающиеся от поколения к поколению; результат деятельности человеческого духа, совокупность духовных *ценностей*, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность. Подчеркивается при этом *совершенство* организации, степень порядка какой-либо деятельности.

Кроме того, это и совокупность форм приобретенного поведения, характерных для определенного общества, которым соответствуют словосочетания типа #речи, #труда, #производства и т. п., а также ассоциаты *прогресс, развитость, целесообразность*.

В концептуальной сетке Л. Уайта всё вышеперечисленное соотносится с функционированием общественных культурных систем, но без выделения в них индивида.

Если акцент сдвигается на духовные ценности и духовную культуру, то сразу возникает ассоциация с ее *эстетическим* измерением, художественной ценностью, и далее метонимически с деятелями культуры, интеллигенцией [40] (= социальный слой, создающий духовные ценности), интеллигентностью (= причастность высшим ценностям) и интеллигентной, образованной утонченной натурой гуманитарного склада (маркеры: этикет, воспитанность, просвещенность, возрождение, ренессанс, кватроченто и т. п., но не современная поп-культура и не рэп). Ср. настоящая, подлинная К.

В концептуальной сетке Л. Уайта эта новая группа признаков занимает нишу «человек (personality) в культурной системе», но российские или советские индивиды делились по крайней мере на две группы по степени окультуренности: высокой / низкой и стоящей между ними народной / сельской / крестьянской. Поэтому планомерная культурная политика советского времени ассоциируется с понятиями дом / дворец культуры, бракосочетаний, парк культуры и отдыха, фестиваль, месячник, декада (грузинского искусства и т. п.).

Синонимы дублируют или подкрепляют выделенные выше содержательные признаки и характеристики: воспитанность, да здравствует свет, образованность, просвещенность, начитанность, интеллигентность, культивирование, культурность, цивилизованность, цивилизация, масскульт, масскультура, телекультура, киберкультура, степень культуры, уровень культуры, субкультура, контркультура.

Антоним: бескультурье.

Ряд дополнительных понятий, связанных с измерением «человек и общество», выделяется в Педагогическом словаре [41], причем бóльшая часть из них, если не все, отражают в трактовке понятия культура взгляды советско-российской педагогической теории и практики.

Культура в образовании выступает как его содержательная составляющая, источник знаний о природе, обществе, способах деятельности, эмоционально-волевого и ценностного отношения человека к окружающим людям, труду, общению и т. д. Структура ее содержания разграничивается следующими понятиями: К. интеллектуальная, К. умственного труда, К. мышления, К. школы, К. чтения. К. личности (ее способности и дарования, воспитание и обучение, потребность в постоянном развитии и совершенствовании), К. личности информационная, К. массовая, противостоящая К. элитарной или К. народной. Китч (разновид-

[39] https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/1952-культура
[40] Обе категории специфичны для русской и, шире, советской культуры.
[41] https://rus-pedagog-dict.slovaronline.com/372-культура

ность поп-культуры). К. общения, К. поведения, К. речи, К. самообразования (самообразовательная К.), К. физическая.

Кроме того, еще сохраняют свою силу специфические понятия советской культуры, часть из которых можно уже сопровождать пометой *советизм*:

Культтовары (магазин культтоваров) и прил. культтоварный, -ая, -ое (разг.).

Культпоход, культурно-просветительная работа, **культработник, культурник** 1. Сторонник культурничества. 2. разг. Культработник в доме отдыха, в санатории (ср. массовик-затейник). Социалистическая культура. Борьба за высокую культуру труда. Культура быта.

Отдельного комментария заслуживает слова **культуртре́гер** [от нем. Kulturträger]**, культуртре́герство**, **культуртрегерский** в буквальном значении «носитель культуры», но в сугубо негативной коннотации и по отношению к представителям иностранных доминирующих культур, приезжавших в качестве культурных миссионеров [42]. Культуртре́герский. книжн. прил. к культуртрегер.

В языке появились также специфические форманты (**культ**-, первая часть сложных слов, например, культпоход) и производные **культу́рно** нареч. (Культурно обслуживать покупателей. Культурно отдыхать, развлекаться, путешествовать, учиться), **культурно-бытовой (**культурно-бытовое обслуживание), культу́рно-воспитательный (культурно-воспитательные мероприятия).

БЕСКУЛЬТУРЬЕ [Y: Lack of culture. G: Non-culture] Культурный – бескультурный, культурный – некультурный, культурность – некультурность.

Вместе с тем вне словарей в последнее время обнаруживаются и новые, еще непривычные словосочетания с лексемой *культура*, в которых, по нашему предположению, ее семантика трактуется уже на английский лад. Вот характерные примеры такого влияния: *культура фактчекинга* «<...> демонстрирующей отсутствие культуры фактчекинга и знаний географии» («Изв.»); «У нас нет такой культуры – стерилизовать животных» (Вести FM); культура дорожного движения; экзаменационная культура и т. п.

В английском же языке такие словосочетания с компонентом *culture* привычны, а модель очень продуктивна. Вот очень короткая подборка из linguatools.de›kollokationen-en/:

culture *of impunity*, C. *of fear*, C. *of violence*, C. *of non-violence*, C. *of peace*, C. *of literature*, *C. of criticism*, *safety* C., *no-snitch C.*, *gay* C., *reality of racist cultures in Britain*, *status label* C., *auto industry and car* C., *a thriving beer* C., *cattle* C., *cowboy* C., *horse* C., *nomadic horseback* C., *farm* C., *manuscript* C., *Video game* C. *is a form of new media* C., *sports* C. *of the village*, *surfing* C., *a strong children's street* C., *kid's* C., *gang* C., *so-called geek* C., *purposeless consumerist* C., *beauty* C. *and hair-styling*, *bureaucratic* C. *of secrecy* (в Канаде!), *hacker* C., *underground cassette* C.

Общность культурной семантики здесь состоит в том, что внутри культурных систем выделяются всевозможные мелкие культуры и подкультуры, связанные с родом занятий, деятельности или просто времяпровождения, способами и условиями существования, возрастом их носителей.

Для прежней русскоязычной ментальности, маркированной, как показывает список выше, высокими образами культуры и специфическими советскими, призывающими массы «жить и отдыхать культурно», причисление этих английских к области культуры выглядит (за некоторыми исключениями этнологической тематики) попыткой посягнуть на сформировавшийся высокий образ культуры – настоящей, истинной, глубокой.

В большинстве этих случаев для адекватной передачи контекстуального содержания нам не требуется использовать слово *культура* (если оно уже не стало термином, конечно), хотя с поиском словарных соответствий проблема остается. Очень часто *culture* в словосочетани-

[42] В MAC дефиниция еще более маркированная идеологически: «ироническое название империалистов-колонизаторов, эксплуатирующих население порабощенных стран под видом насаждения культуры». В американской интернет-культуре есть эхо данного понятия – *culture warrior*(*s*), но его содержание связано с *gaming culture* и требует специального исследования.

ях подобного рода ассоциируется с субкультурами, с их бескультурьем, иногда с какой-нибудь миноритарной группой, с их *манерами*, *привычками*, *нравами*, *образом жизни*, *повадками*, *принципами*. Семантика компонента *culture* в русском часто передается описательно, как в случае *sports* C. *of the village* (= жители деревни любят спорт, особенно, ...) или *kid's* C (= подросткам свойственно..., подростковый возраст требует...). Если и в серьезном по теме тексте встречается нечто «странное» вроде «in the traditions *of the culture of religious dissent* in England», то и здесь совершенно необязательно переводить как традиции «культуры» религиозного раскола в Англии. Эта культура выдумана, всё содержание полностью передается чуть иначе: «в соответствии с культурными традициями периода (времен, эпохи) религиозного раскола.

Семантика выражения *отсутствие культуры фактчекинга* – всего лишь отсутствие профессиональной *привычки* подтверждать факты, тогда как заимствование имеет (в наших критериях, конечно) все признаки варваризма, т. е. производит диссонанс. То же самое касается и «культуры» стерилизовать животных. Уж если такая и есть, то она называется *культурой содержания домашних питомцев*, ее можно, по крайней мере, развивать и прививать. Если эквивалент *культура* в переводе этого словосочетания всё-таки появится, то, вероятнее всего, в кавычках.

Асимметрия аксиологического восприятия концепта *КУЛЬТУРА* [43] проявляется, и очень поучительно, в выборе антонимов слов *культура* и *culture*. В русскоязычных словарях основная пара – это культура / бескультурье, тогда как в английских – культура / варварство. Наша оппозиция антропоцентрична, она прочнее связана с индивидом и его уровнем владения высокой культурой в рамках своей национальной общественной культурной системы, с понятием «стать человеком», достойным членом общества. Английская же мысль, как и вся западная, до сих пор стоит на позициях истинной наследницы древней греко-римской цивилизации, осознававшей себя как коллективное целое в жестком сопоставлении с окружающими народами, относимыми к варварам с их дикостью, отсталостью, невежеством и т. д. Совокупность этих «варварских» черт прошла, конечно, некоторую эволюцию в ходе формирования культурного концепта *ЗАПАД* в оппозиции с концептом *ВОСТОК*, но в целом сохраняет свое изначальное наполнение [Большакова, 2016, с. 383].

Наличие асимметрии установлено и в номинативных полях русского и английского концептов: «в русском ЛС поле большую значимость имеет парцелла "образованный", в английском – парцелла "воспитанный"» [Чубур, 2018, с. 121]. Также установлено, что в русском и английском ЛСП *культурный человек* «переводных соответствий, совпадающих по всем денотативным, коннотативным и функциональным компонентам» нет и что «все русские лексемы данного номинативного поля обладают некоторой национальной спецификой семантики на фоне английских» [Там же, с. 123].

Заключение

Этот новый сопоставительный лексический материал укрепляет нас в мысли, что словосочетание *cancel culture* должно переводиться двояко, в соответствии со своим содержательным наполнением, раскрываемым в контексте его употребления: «культура» отмены, когда подразумеваются публичные акции против звезд западной поп-культуры, и «отмена» культу-

[43] Она очень наглядно выявлена в сопоставительном аспекте также в [Чубур, 2018] на примере концепта *КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК*. Цитирую: «Нахождение в английском языке "самого точного" и, тем более, единственно правильного соответствия – задача архитрудная. Результаты поиска в онлайновом Reverso Context дают для понятия "культурный человек" следующий ряд <...> контекстуальных эквивалентов: man with culture, man of culture, cultural human, cultural man, cultured man, cultured person, well-cultured man, a (more) civilized man, a cultured elitist, a dignified man, cultured (в "I'm deeply cultured"). Наш выбор сделан, поскольку русская культура однозначно подсказывает номинацию "культурный человек", тогда как в английской наблюдается номинативный "разброд и шатания"».

ры, когда на первый план выходит признанный историей вклад какого-либо бесспорно выдающегося деятеля мировой или национальной культуры или его позиция по сохранению базовых культурных ценностей и культурных / социальных кодов, подвергающихся атакам со стороны агрессивных либерал-радикалов в условиях нынешней межкультурной и расовой неопределенности. Кавычки требуются в обоих случаях.

Связь социального поведения практикующих *cancel culture* с моралью и нравственностью как его основой с законностью не прослеживается. Это так или иначе отразится на выборе эквивалентов при переводе. *Cancel someone* значит, по сути, «внести человека в черный список»; эта «культура» является антикультурой, технологическим инструментом проявления безнаказанной ненависти как бы во имя справедливости. Отсюда и вывод о контрасте между настоящей культурой и «культурой» отмены, обнаруженный методом случайного поиска в гипертексте и подтверждаемый типичным нарративом, исследованным в статье: The **impact** of **culture** on cancel culture is null. В переводческой интерпретации получаем: «Влияние культуры [как таковой, настоящей] на “культуру” отмены оказалось равным нулю». Другими словами, это «культура», лишенная признака *культурность*. Можно привести в подтверждение и шутливый призыв И. Маска, обратившегося к сообществу своих фанатов на «интернет-наречии»: “Cancel cancel culture”!

Философско- и религиозно-политические оценки *cancel culture* внутри общества «своих» (*new progressive* и *achieved democracy*) не предполагают такого вывода. Но этот новый прогрессизм и достижение идеальной демократии оказались в полном противоречии с фундаментальным морально-этическим основанием западной культуры – справедливостью: *We must be just*; *justice is the foundation of culture*. Именно на этом нарративе развивается вся аргументация в статье А. Эпплбаум, отмеченная моральной паникой. Оппозиционная – консервативная – культура подлежит в таком случае подавлению, т. е. отмене. Это та самая тенденция, которую демонстрирует движение *cancel culture*. Она получает иногда очень «корявое» – тавтологическое – выражение: *Cultural suppression occurs when a culture is suppressed, usually coinciding with the promotion of another culture*. Попробуем показать саморазоблачительную «логику» такой стилистики: «Культурное подавление имеет место тогда, когда какая-нибудь культура подавляется; обычно [процесс] совпадает с продвижением другой культуры».

Парадокс, вызывающий моральную панику, состоит, однако, в том, что *cancel culture* в ее чистом виде никакую другую культуру не продвигает и не создает. Ее единственное призвание – свергнуть, наказать, «вырезать и отменить» деятеля культуры не за то, что он внес в ее копилку, а за некие сторонние «прегрешения» (wrongs, wrongdoings, “sins”), за выражение мнений по поводу тех или иных вопросов развития современного общества или по вопросам далекой истории с целью получить символическую моральную компенсацию. В университетском контексте эта тенденция принимает несколько иную форму – *wokeness*. Но простого языкового «решения» с ней нет и не может быть; оно лежит в совершенно другой – правовой – плоскости: должна быть разработана та самая *due procedure* (*process*), на прорехи в которой жалуется А. Эпплбаум. Урегулирование споров об ошибочном толковании сказанного, порождающем квазиправовые претензии со стороны студентов, чрезвычайно осложняется, однако, нарастающей мультикультурностью самой среды. Принципы инклюзивности и мультикультурности внешне замечательны, но всякая инклюзивность увеличивает разнообразие, что автоматически снижает уровень доверия внутри культурной подсистемы, ведет к взаимным подозрениям, обвинениям в дурных намерениях и далее к так называемой охоте на ведьм.

В случае перевода с русского на английский выбор эквивалента еще сложнее. Как показывают переложения в американской и английской прессе упомянутого, но, к сожалению, оставшегося за рамками статьи выступления В. В. Путина на Валдайском форуме, гендерная тематика, обозначаемая им термином *отмена культуры*, в этих переложениях связывается с *woke, wokeness* и гораздо реже с *cancel culture*. Следовательно, вопрос требует дальнейшего

изучения, причем он связан не столько с наличием словарных соответствий, сколько с влиянием предметного контекстуального содержания в нашем «бурно меняющемся» мире с его новыми «фундаментальными» проблемами. В linguatools.org все они очень удачно и вызывающе высвечены одним предложением, предлагаемым для медитации на тему так называемого харасмента:

*We, as **members** of a **culture**, interpret a **light** kiss on the **cheek** as a **greeting**.*

Список литературы

Богомолов К. Манифест «Похищение Европы 2.0» // Новая газета. 2021. № 14. 10 февр.

Большакова О. В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; гл. ред. И. И. Глебова. М., 2016. Вып. 6. 472 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурят. гос. ун-та. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 19–24.

Дмитриев В. Переводы «Интернационала» на русский язык // Тетради переводчика / Под ред. Л. С. Бархударова. М.: Междунар. отношения, 1967. Вып. 4. С. 3–23.

Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 219 с.

Фефелов А. Ф. Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-Восточный переводоведческий диван) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 55–78.

Фефелов А. Ф. Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): Монография / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2018. 390 с. Электронное издание. ISBN 978-5-4437-0736-5. URL: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site

Чубур Т. А. Методика лексико-концептуально-семантического анализа языковой и внеязыковой сфер разных культур в рамках сопоставительной лингвоконцептологии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 116–129.

Шишмарев А. И., Заморин А. П. Англо-русско-немецко-французский толковый словарь по вычислительной технике и обработке данных. М.: Рус. яз., 1981. 416 с.

Шурыгина Е. Н. Особенности культурного концепта *AMERICAN MATERIALISM* как одного из основополагающих аспектов американской картины мира (на материале историко-публицистической литературы и современных англо- язычных словарей) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 2. С. 106–117.

Alvarez Trigo, Laura. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters. In: PopMeC Research Blog. Published 2020, Sept. 25. ISSN 2660-8839. URL: https://www.researchgate.net/publication/344512933

Applebaum, Anne. Mob Justice Is Trampling Democratic Discourse. *The Atlantic*. 2021. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/10/new-puritans-mob-justice-canceled/619818/.

Chomsky, N. Bewildering the Herd. Noam Chomsky interviewed by associate editor Rick Szykowny September 7, 1990. *The Humanist*, November / December 1990. URL: https:// chomsky.info/19900907/.

Dreher, Rod. Another Sign of the Apocalyptic Times. URL: https://www.theamerican conservative.com/dreher/lil-nas-x-montero-another-sign-of-the-times/.

Duffy, Bobby; Page Ben. Culture-wars-uncovered. URL: https://theconversation.com/culture-wars-uncovered-most-of-uk-public-dont-know-if-woke-is-a-compliment-or-an-insult-161529

Holman, Kylie J. Can You Come Back from Being Cancelled? A Case Study of Podcasting, Cancel Culture, and Comedians during #MeToo. University of Nebraska at Omaha, ProQuest Dissertations Publishing, 2020.

Nora, P., Gauchet, M. Clap de fin pour la revue "Le Débat". URL: https://www.youtube.com/watch?v=7BmeveNN0J4

Peeters, Bert. On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11

Savodnik, Peter. Woke America Is a Russian Novel. URL: https://www.tabletmag.com/sections/news/articles/woke-america-russian-novel/.

White, Leslie A. Culture. In: Britannica de luxe edition, 2004.

Young, R. J. Cultural Translation as Hybridisation. *Trans-Humanities*, 2012, vol. 5, no. 1, February, pp. 155–175.

References

Alvarez Trigo, Laura. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters. In: PopMeC Research Blog. Published 2020, Sept. 25. ISSN 2660-8839. URL: https://www.researchgate.net/publication/344512933

Applebaum, Anne. Mob Justice Is Trampling Democratic Discourse. *The Atlantic*. 2021. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/10/new-puritans-mob-justice-canceled/619818/.

Bogomolov, K. Manifesto "The Abduction of Europe 2.0". *Novaya Gazeta*, 2021, no. 14, Feb. 10. (in Russ.)

Bolshakova, O. V. The concept of the "West" and historiographical images of Russia. In: Glebova, I. I. (ed.). Proceedings in Russian studies: Collection of scientific works. RAS. INION. The Center of Russian Studies. Moscow, 2016, iss. 6, 472 p. (in Russ.)

Chomsky, N. Bewildering the Herd. Noam Chomsky interviewed by associate editor Rick Szykowny September 7, 1990. *The Humanist*, November / December 1990. URL: https:// chomsky.info/19900907/.

Chubur, Tatyana A. Methodology of lexical-conceptual and semantic analysis of the linguistic and extra linguistic spheres of different cultures in the framework of linguistic-conceptual and comparative studies. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 116–129. (in Russ.)

Dashinimaev, G. Yu. Cancel Culture as a New Social Reality. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2021, no. 1, pp. 19–24. (in Russ.)

Dmitriev, V. Translations of the "Internationale" into Russian. In: Barkhudarov, L. S. (ed.). Translator's Notebooks. Moscow, International Relations, 1967, iss. 4, pp. 3–23. (in Russ.)

Dreher, Rod. Another Sign of the Apocalyptic Times. URL: https://www.theamerican conservative.com/dreher/lil-nas-x-montero-another-sign-of-the-times/.

Duffy, Bobby; Page Ben. Culture-wars-uncovered. URL: https://theconversation.com/culture-wars-uncovered-most-of-uk-public-dont-know-if-woke-is-a-compliment-or-an-insult-161529

Fefelov, A. F. Ethnocultural dilemmas and puzzles of translation: critique of metaphorical reason. Novosibirsk, Novosibirsk University Press, 2018, 390 p. (in Russ.) URL: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site

Fefelov, A. F. Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and of its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 55–78. (in Russ.)

Galperin, I. R. Text as an object of linguistic research. Moscow, Nauka, 1981, 140 p. (in Russ.)

Holman, Kylie J. Can You Come Back from Being Cancelled? A Case Study of Podcasting, Cancel Culture, and Comedians during #MeToo. University of Nebraska at Omaha, ProQuest Dissertations Publishing, 2020.

Nora, P., Gauchet, M. Clap de fin pour la revue "Le Débat". URL: https://www.youtube.com/watch?v=7BmeveNN0J4

Peeters, Bert. On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11

Savodnik, Peter. Woke America Is a Russian Novel. URL: https://www.tabletmag.com/sections/news/articles/woke-america-russian-novel/.

Shishmarev, A. I., Zamorin, A. P. English-Russian-German-French explanatory dictionary of computing and data processing. Moscow, Russian Language Publ., 1981, 416 p.

Shurygina, E. N. The Features of the Cultural Concept *AMERICAN MATERIALISM* as One of the Most Significant Aspects of the American Worldview. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 106–117. (in Russ.)

White, Leslie A. Culture. In: Britannica de luxe edition, 2004.

Young, R. J. Cultural Translation as Hybridisation. *Trans-Humanities*, 2012, vol. 5, no. 1, February, pp. 155–175.

Zimnyaya, I. A. Psychology of teaching foreign languages at school. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1991, 219 p. (in Russ.)

Список источников / List of Sources

Pop Culture Dictionary. URL: https://www.dictionary.com/e/pop-culture/cancel-culture/.
https://idioms.thefreedictionary.com/cancel
https://dictionary.englishtest.info/browse/cancel
https://www.freecollocation.com/search?word=culture+
https://dictionary.englishtest.info/browse/culture
https://www.change.org/p/students-depaul-university-take-action-against-professor-jason-d-hill
https://wokeism.org/wiki/What_is_Wokeism

Информация об авторе

Анатолий Федорович Фефелов, кандидат филологических наук, доцент
SPIN 6759-3782

Information about the Author

Anatoli F. Fefelov, Candidate of Sciences (Linguistics), Associate Professor
SPIN 6759-3782

Статья поступила в редакцию 09.10.2021;
одобрена после рецензирования 10.01.2022; *принята к публикации 26.01.2022*
The article was submitted 09.10.2021;
approved after reviewing 10.01.2022; *accepted for publication 26.01.2022*

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $^1/_6$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская
абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
ivan@mail.ru, https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности
Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@mail.ru, https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx

Abstract

Keywords

Acknowledgements
The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи
Список литературы
Список словарей
Список источников
References
List of Dictionaries
List of Sources
Информация об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография
(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обусловливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru